

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГИИ

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XVI.

Подъ редакціей кн. С. Н. Трубецкою и Л. М. Лопатина.

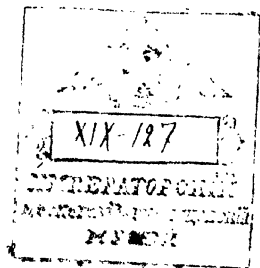
Книга I (76).

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ 1905 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Цименовская ул., соб. хомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Ученіе Канта о познаніи. Л. Лопатина	1
Кантъ, какъ моралистъ. П. Новгородцева	19
Кантъ и естествознаніе XVIII столѣтія. В. Вернадскаго	37

Психологія фанатизма (Фотій Спасскій). В. Ф. Чижа	1
Геній и здоровье Н. В. Гоголя. Г. Трошина	37
Письма по философіи естествознанія. Письмо II. О возможномъ вліяніи математическихъ методовъ на черты научнаго міропониманія. (Посвящается памяти моего учителя Н. В. Бугаева). А. І. Бачинскаго	86

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

Е. Lauvrière. —Edgar Poe. La vie et son oeuvre. Etude de psychologie pathologique. Edit. Félix Alcan. Paris, 1904. (Bibliothèque de Philosophie Contemporaine). Ст. 730 А. Баулеръ	III
Ueber Willensfreiheit. Zwölf Vorlesungen von Wilhelm Windelband V—VII+224. А. Бердникова.	117
Naturwissenschaft und Weltanschauung. Eine Rede von Max Verworn. Zweite unveränderte Auflage. Leipzig. 1904. П. Р.	125

Гаральдъ Геффдингъ. —Философскія проблемы. Переводъ съ нѣмецкаго. Г. Я. Котляра. Москва. 1904. Ц. 50 к.	
А. Топоркова	127
II. Библиографическій листокъ.	
III. Обзоръ журналовъ.	
Revue philosophique. 1904 г. №№ 1—5. В. Волковичъ и З. Столица	132
Rivista filosofica. Январь—июнь. 1904 г. Н. К. Вальденбергъ.	139
IV. Извѣстія и замѣтки.	
Психологическое Общество. (Отчеты о засѣданіяхъ) . .	143
Объявленія.	

Ученіе Канта о познаніи ¹⁾.

I. ³

Между всѣми философами прошлаго Кантъ въ современной умственной жизни занимаетъ совсѣмъ особое положеніе: уже сто лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ, а между тѣмъ онъ еще живъ для всѣхъ. Его идеи еще и теперь такъ же захватываютъ и волнуютъ умы, какъ онѣ захватывали и волновали въ то время, когда возникли впервые. Другая особенность философіи Канта въ ея поразительной оригинальности. Философскія ученія до Канта всѣ болѣе или менѣе подобны другъ другу по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что они раздѣляются по опредѣленным группамъ, или по опредѣленным типамъ умозрительнаго міропониманія, начало которымъ было положено въ незапамятныя времена. Напротивъ, Кантъ какъ бы стоитъ внѣ ряда и сравненія, — онъ ни на кого не похожъ. Поэтому понятенъ взглядъ, который высказывается очень нерѣдко: Кантъ первый вышелъ въ философіи на настоящую дорогу, онъ наконецъ разрѣшилъ задачу, которая убѣгала отъ рѣшенія въ теченіе тысячелѣтій.

Чрезвычайно трудно дать полный и ясный отчетъ о такомъ громадномъ и сложномъ явленіи, какъ философія Канта; даже только изложить все ея содержаніе въ короткихъ словахъ нѣтъ никакой надежды. Я ставлю себѣ болѣе

1) Рѣчь, произнесенная на торжественномъ засѣданіи Психологическаго Общества, посвященномъ памяти Канта, 28 декабря 1904 г.

Вопросы философіи, кн. 76.

скромную цѣль: указать самое общее значеніе его философскихъ воззрѣній на разумъ и познаніе и самый общій ихъ смыслъ. И это задача далеко не легкая: историческій смыслъ дѣла, совершеннаго Кантомъ, еще и въ наши дни является предметомъ страстной полемики; еще и теперь не наступила эпоха его спокойнаго историческаго изученія. Существуетъ цѣлая школа, весьма распространенная, для которой Кантъ почти то же, чѣмъ было священное писаніе для средневѣковыхъ схоластиковъ. Самые важные философскіе вопросы сплошь и рядомъ рѣшаются ссылкой на его авторитетъ и цитатами изъ его сочиненій. Безпристрастное отношеніе къ Канту этимъ, конечно, устраняется: оно начинаетъ казаться чуть ли не кощунствомъ.

Однако, если даже и не примкнемъ къ этому взгляду на Канта, какъ на окончательнаго рѣшителя всѣхъ философскихъ проблемъ, за нимъ все-таки останется достаточно много значенія, въ самомъ дѣлѣ несравнимаго съ историческимъ значеніемъ кого-либо изъ другихъ мыслителей новаго времени, развѣ за исключеніемъ Декарта. Къ какой бы школѣ ни принадлежалъ философъ, онъ долженъ считаться съ великимъ историческимъ дѣломъ Канта, съ его безгранично разнообразнымъ вліяніемъ на всѣ послѣдующія явленія мысли,—болѣе того, онъ вынужденъ признать, какія важныя идеи и истины, которыя до тѣхъ поръ лишь разрозненно и смутно бродили въ отдѣльныхъ наиболѣе глубокихъ умахъ, вошли, благодаря Канту, во всеобщій философскій обиходъ, стали въ большей или меньшей мѣрѣ достояніемъ всякаго философски-размышляющаго человѣка и, какъ можно думать, составили непреходящій и ноотмѣнный элементъ философскаго міропониманія. По этому поводу невольно приходитъ въ голову: теперь, когда со дня смерти Канта прошло уже болѣе столѣтій, казалось бы, уже наступило время, чтобы опредѣленно выдѣлить то, что было въ его философскихъ воззрѣніяхъ вѣковѣчнаго и навсегда убѣдительнаго. А между тѣмъ, какъ это еще трудно сдѣлать!

Какъ и всякій другой мыслитель, Кантъ былъ прежде

всего продуктомъ своего времени, порожденіемъ тѣхъ условій и вліяній, среди которыхъ онъ воспитался. Его философскія воззрѣнія слагались въ очень интересную эпоху, когда, съ одной стороны, глубоко вѣрили во всемогущество разума и въ философіи, и въ наукѣ, и въ жизни, и когда, съ другой стороны, начали сильно сомнѣваться въ такомъ всемогуществѣ. Въ началѣ XVII вѣка Декартъ провозгласилъ великій принципъ раціонализма, который задалъ тонъ умственному движенію цѣлаго ряда послѣдующихъ поколѣній: для разума все открыто,—чего онъ не можетъ понять, того нѣтъ совсѣмъ. Лучшіе умы, проникнутые этимъ убѣжденіемъ, со всею добросовѣстностью хотѣли помощью разума проникнуть во всѣ тайны бытія и изъ него же почерпнуть идеалы и принципы жизни и дѣятельности. Разумомъ строили религію, нравственность, изъ него пытались обосновать абсолютныя правила художественнаго творчества. И вотъ за долговременнымъ увлеченіемъ послѣдовало тяжелое разочарованіе: разумъ обманулъ обращенныя къ нему надежды. Въ метафизикѣ, вмѣсто безспорнаго знанія высшей истины, онъ далъ пестрый хаосъ разнообразныхъ гипотезъ, очень притязательныхъ, ожесточенно спорящихъ между собою и полныхъ логическими противорѣчіями по своему внутреннему смыслу; изъ раціональной религіи вышло никого не удовлетворявшее безсодержательное отрицаніе, раціональная этика превратилась въ плоскій эвдемонизмъ и утилитаризмъ, въ которыхъ безцеремонно устранялись наиболѣе существенныя мотивы и особенности нравственной жизни, въ эстетикѣ водворилась бездушная, педантическая регламентація, гасившая творческіе порывы истиннаго вдохновенія. Наступило глубокое духовное броженіе: въ философіи все болѣе пробивалась струя скептицизма, въ религіи все громче выдвигались права непосредственнаго чувства и внутреннихъ откровеній сердца, въ нравственной области все яснѣе пробуждается сознаніе невыводимости моральныхъ требованій изъ обыденныхъ побужденій чловѣческаго интереса, наконецъ, въ сферѣ искусства все на-

стойчивѣе раздается призывъ къ полной свободѣ творческаго генія.

Кантъ былъ глубоко убѣжденнымъ рационалистомъ и остался имъ на всю жизнь. Но дѣйствовать ему пришлось среди того умственного броженія, о которомъ я говорилъ сейчасъ. Сомнѣніе во всемогуществѣ разума охватило и его, какъ оно покорило многихъ. Онъ отказался отъ догматическаго рационализма, вѣрившаго, что для ума насквозь открыто все сущее. Но по всей натурѣ своей онъ не могъ надолго сдѣлаться скептикомъ или проповѣдникомъ субъективныхъ внушеній темнаго чувства. Вѣра въ неограниченную мощь разума, науки, разумомъ поставленныхъ идеаловъ была ему врождена не въ меньшей степени, чѣмъ Декарту. Для него, какъ для Декарта, неудача рационализма въ прошломъ была только доказательствомъ того, что разумъ невѣрно понималъ свои задачи и назначеніе. Этимъ опредѣляется направленіе и смыслъ его философской дѣятельности въ ея оригинальный, такъ называемый *критическій* періодъ. Кантъ началъ отстаивать авторитетъ разума черезъ полную переоцѣнку всей его природы и всѣхъ его функций. Общій результатъ этой переоцѣнки былъ такой: нашъ разумъ вовсе не обладаетъ безпредѣльною силою проникновенія въ суть вещей, въ этомъ отношеніи онъ заключенъ въ очень тѣсныя границы,—но за то въ этихъ границахъ онъ является всесильнымъ законодателемъ всего познаваемаго. Познаваемый міръ—далеко не весь міръ,—это даже вообще не настоящій міръ, какъ онъ существуетъ въ себѣ. Онъ только представляется нами, хотя всѣми людьми одинаково, но не имѣетъ своей независимой реальности. Мы его воспринимаемъ, познаемъ и мыслимъ, какъ это намъ предписываетъ наша природа, но за то въ этомъ представляемомъ мірѣ только то и дано, что предписываютъ природа и законы нашего духа. Познавая міръ нашего опыта, мы создаемъ его. Такимъ образомъ уже въ процессахъ познанія нашъ разумъ является творческимъ, самозаконнымъ началомъ; тѣмъ болѣе такимъ самозаконнымъ и въ

то же время универсальнымъ, одинаково во всѣхъ людяхъ дѣйствующимъ началомъ является онъ въ области нравственнаго сознанія, поскольку онъ автономно ставитъ абсолютный идеалъ долга,—въ религіи, поскольку онъ внушаетъ намъ такое пониманіе жизни, которое отвѣчаетъ высшимъ требованіямъ моральной оцѣнки,—въ искусствѣ, поскольку въ субъективномъ и безотчетномъ творествѣ художественнаго генія сами собой реализуются верховныя нормы прекраснаго. Полная автономность разума во всѣхъ сферахъ его проявленій,—въ этомъ коренная мысль философіи Канта. Однако мы остановимся теперь на томъ вопросѣ, къ рѣшенію котораго Кантъ старался приложить этотъ свой принципиальный взглядъ прежде всего и къ которому, пожалуй, было всего труднѣе приложить его. Я имѣю въ виду вопросъ о познаніи. Что такое познаніе и какъ оно возможно по Канту?

Существуетъ ли познаніе? Существуетъ ли оно въ строго научномъ смыслѣ слова,—въ смыслѣ системы всеобщихъ, недопускающихъ никакихъ исключеній, *необходимыхъ* истинъ? Въ этомъ не должно быть сомнѣнія. Существуетъ математика, а ея истины обладаютъ абсолютною универсальностью. Дважды два всегда и вездѣ четыре; прямая линія всегда и вездѣ есть кратчайшее разстояніе между двумя точками. Далѣе существуетъ естествознаніе, и его основнымъ истинамъ мы приписываемъ не менѣе всеобщій и необходимый характеръ. Что количество вещества не увеличивается и не уменьшается въ природѣ, что всякое явленіе имѣетъ причину, дѣйствующую по неизмѣнному закону, это для насъ едва ли менѣе безспорно, чѣмъ истины математики. Но какъ возможно такое всеобщее, необходимое знаніе? Откуда оно почерпается? Изъ опыта? Но опытъ не можетъ доставить всеобщихъ и необходимыхъ истинъ. Индуктивныя обобщенія изъ опыта только приближительны, только вѣроятны, но въ нихъ нѣтъ универсальной достовѣрности. Какъ же возможно *настоящее* научное познаніе?

Его источникъ въ разумѣ. Опытъ строится сообразно съ

законами нашей мысли,—оттого наша мысль безошибочно открываетъ правящiе опытомъ универсальные законы. Отчего все происходящее въ наблюдаемой нами природѣ подчиняется законамъ математики? По убѣжденiю Канта, это зависитъ отъ того, что пространство и время, съ отношенiями которыхъ математическое знанiе постоянно обращается, суть всеобщiе формы и законы нашего чувственного воспрiятiя или способности нашего духа *созерцать* предметы опыта. Для Канта пространство и время не суть бесконечно огромныя вмѣстилища вещей, данныя раньше всего существующаго, независимыя отъ нашего ума и чувства,—какъ смотрѣлъ на нихъ наприм. Ньютонъ,—не суть они и принадлежащiя самимъ вещамъ свойства, какъ учила Лейбнице-Вольфовская школа; напротивъ и время, и пространство только *чистыя созерцанiя*, только неотдѣлимыя отъ нашего разума формы его воспринимающей дѣятельности, которыя составляютъ съ нимъ одно. Почему всѣ доступныя нашему познанiю вещи подчиняются законамъ пространства и времени? Потому, что только то намъ и доступно, что въ пространство и время вошло и ими, такъ сказать, покрылось, т.-е. всецѣло подчинилось ихъ законамъ и отношенiямъ. Почему законы пространства и времени понятны намъ въ своей всеобщности и необходимости? Потому что пространство и время суть продукты нашего ума, они намъ видны насквозь, и мы поэтому можемъ вполне понять и оцѣнить принадлежащiя имъ свойства. Вещи, какъ онѣ сами по себѣ существуютъ, можно ли считать пространственными и временными? По Канту этого никакъ предполагать не должно: тогда пространство и время были бы независимы отъ нашей мысли, и мы не могли бы ихъ знать такъ, какъ мы ихъ знаемъ; наше знанiе о нихъ тогда было бы только *эмпирическимъ*, а не тѣмъ *априорнымъ*, предупреждающимъ всякiй частный опытъ, какимъ оно оказывается на самомъ дѣлѣ. А изъ этого вытекаетъ чрезвычайно важный выводъ: пространство и время суть опредѣленiя только явленiй, а не самихъ вещей, они составляютъ неизбѣжную

и непреходящую характеристику міра *феноменальною*, но они ничего намъ не говорятъ о мірѣ *ноуменальномъ*, т.-е. лежащемъ за предѣлами нашего чувственного воспріятія.

Вполнѣ аналогичныя соображенія высказываетъ Кантъ относительно основныхъ законовъ естествознанія. Говоря кратко, всеобщіе законы природы онъ выводитъ изъ условій возможности такого опыта, какимъ мы обладаемъ въ дѣйствительности. Они суть законы природы только потому, что они суть внутренне присущіе нашему разуму законы испытанія природы ¹⁾. Что опытъ требуетъ такихъ основоположеній и принциповъ, которые лежатъ въ основѣ самой его возможности, и что такимъ образомъ эти принципы совпадаютъ съ постулатами познаваемости природы,—въ этомъ главная мысль „Критики чистаго разума“. И Кантъ идетъ еще дальше: законы возможнаго опыта и, стало быть, всеобщіе законы природы онъ пытается свести къ ихъ послѣднему и окончательному основанію,—къ единству самосознанія вообще. Нашъ опытъ потому только развертывается въ стройной, единой, законмѣрной картинѣ, что наше познающее и мыслящее *я* обладаетъ само изначальнымъ внутреннимъ единствомъ: нельзя представить единства познаваемыхъ объектовъ безъ абсолютнаго единства мыслящаго субъекта. Опытъ въ дѣйствительномъ значеніи слова и, слѣдовательно, вообще познаніе какихъ бы то ни было явленій, возможны лишь для единаго сознанія, всѣ представленія котораго сопровождаются однимъ и тѣмъ же сужденіемъ: „я мыслю“.

Итакъ, опытъ потому только связывается съ знаніемъ и *есть знаніе*, что онъ самъ оказывается возможнымъ лишь въ силу законовъ мышленія и законовъ чувственного созерцанія. Но за то Кантъ настойчиво доказываетъ и обратное положеніе: всякое дѣйствительное знаніе заключается только въ опытѣ и не можетъ перешагнуть черезъ его границы. Когда разумъ, пользуясь своими понятіями и законами, пы-

¹⁾ Ср. Alois Riehl. Immanuel Kant 1904, s. 20.

тается приблизиться къ вещамъ въ себѣ, мечтаетъ отвѣтить на вопросы о томъ, что такое Богъ? что такое міръ? что такое наша душа? — онъ впадаетъ въ обманчивыя заключенія, въ невольные софизмы, въ противорѣчія и ведетъ бесплодную діалектическую игру съ безсодержательными абстракціями. Кантъ подвергаетъ беспощадной и разрушительной критикѣ всѣ выводы современной ему метафизической философіи и не оставляетъ въ ней камня на камнѣ. Именно этотъ отдѣлъ его теоретическихъ размышленій, въ которомъ онъ излагаетъ свои возраженія противъ раціональной психологіи, въ которомъ онъ вскрываетъ внутреннія противорѣчія въ нашихъ умозрительныхъ понятіяхъ о мірѣ въ его цѣломъ, и въ которомъ онъ тонко опровергаетъ обычныя доказательства бытія Божія,—получилъ широкую популярность даже у неспеціалистовъ въ философіи. Между тѣмъ Кантъ вовсе не хочетъ совсѣмъ отказаться отъ идей разума о душѣ, Богѣ, мірѣ, свободѣ и т. д. Онъ отрицаетъ возможность строгаго научнаго познанія ихъ содержанія, но онъ вовсе не думаетъ, чтобы онѣ сами по себѣ представляли только обманчивыя иллюзіи; напротивъ, онъ неутомимо старается выдвинуть ихъ огромное положительное значеніе. Идеи разума составляютъ столь же нормальный продуктъ автономной дѣятельности нашего сознанія, какъ и тѣ основоположенія, помощью которыхъ мы познаемъ природу, или какъ наши чистыя представленія о пространствѣ и времени. Мы не можемъ теоретически познать и доказать Бога, міръ въ его цѣломъ, душу, свободу и т. п., но во всякомъ случаѣ мы ихъ *можемъ мыслить*.

Съ точки зрѣнія Канта, приходится сказать еще больше, и этотъ выводъ намѣчается у него весьма нерѣдко, хотя всегда въ очень осторожной формѣ и съ большими оговорками: то, что нами понимается чрезъ идеи разума, есть *единственно мыслимое* для міра ноуменальнаго въ его отличіи отъ чувственнаго міра нашего опыта. Въ самомъ дѣлѣ, для Канта и пространство, и время, и вещество въ нихъ, и господствующая надъ чувственно-воспринимаемыми явле-

ніями природная необходимость — даны только для насъ, для человѣческаго чувственнаго сознанія, а внѣ его они ничто. Итакъ, если существуютъ какія-нибудь вещи въ себѣ, какіе-нибудь ноумены, они должны быть непространственны, невременны, нематеріальны; если въ нихъ есть какая-нибудь дѣятельность и причинность, она должна быть свободною; если въ нихъ есть какая-нибудь закономерность, она можетъ быть только закономерностью свободно и творчески осуществляемого идеала, а никакъ не закономерностью слѣпого физическаго принужденія. Съ этими неизбѣжными соображеніями связаны вѣрованія разума, которыя составили ясный и величавый фонъ моральной философіи Канта.

Но и въ чисто теоретической дѣятельности ума идеи, по Канту, должны играть великую роль. Имъ должно принадлежать направляющее, регулирующее значеніе въ процессахъ научной мысли. Только въ ихъ свѣтѣ знаніе природы получаетъ дѣйствительное единство и настоящую законченность: мы не можемъ доказать бытія Божія, но мы должны мыслить и понимать познаваемый міръ такъ, какъ будто бы онъ былъ произведеніемъ высшаго разума и высшей воли; мы не можемъ познать свою нематеріальную бессмертную душу, но мы должны объяснять наши душевныя явленія, какъ будто бы именно такая душа лежала въ ихъ основѣ. Мы должны во всемъ наблюдаемомъ нами уловлять его единый внутренній смыслъ, хотя въ этой работѣ объединенія мы никогда не можемъ выступить изъ міра явленій, и хотя и въ отношеніи къ нему эта работа никогда не можетъ быть доведена до конца.

II.

Таково, въ весьма общихъ и схематическихъ чертахъ, теоретическое міросозерцаніе Канта. Но я думаю,—уже изъ этого скуднаго очерка можно замѣтить, до какой степени совсѣмъ своеобразны были взгляды Канта. Въ нихъ

замѣчательно обдуманно и глубоко соединились такія противоположныя точки зрѣнія, которыя до него никогда не сливались въ одно цѣлое. Съ одной стороны, Канта можно назвать эмпирикомъ или даже скептикомъ: вѣдь онъ настоятельно училъ, что мы можемъ знать только явленія чувственного опыта и ничего больше, онъ рѣшительно утверждалъ, что *всѣ* понятія нашего ума имѣютъ примѣненіе только къ этимъ явленіямъ и внѣ ихъ теряютъ всякій смыслъ; онъ доказывалъ въ то же время, что самъ чувственный опытъ по *всѣмъ* своимъ свойствамъ есть чисто субъективное, хотя и общечеловѣческое созданіе, никакъ не отражающее дѣйствительнаго міра. Но, съ другой стороны, Кантъ рационалистъ, равнаго которому по смѣлости не было въ исторіи: для него нашъ разумъ не только познающая сила,—онъ верховный и полновластный законодатель природы; для него нашъ разумъ *всѣ* истинно научныя положенія а ргіогі почерпаетъ изъ самого себя; наконецъ, для него въ идеяхъ разума о Богѣ, свободѣ, мірѣ, душѣ намъ открывается то, что лежитъ за предѣлами всего феноменальнаго.

Можно ли сказать, что Кантомъ была достигнута и установлена совершенная гармонія этихъ діаметрально противоположныхъ мыслей? Такое мнѣніе, конечно, будетъ содержать преувеличеніе: противоположности, которыя Кантъ хотѣлъ сочетать въ одно стройное цѣлое, представляли изъ себя болѣе, чѣмъ противоположности,—во многихъ случаяхъ это были утвержденія, которыя исключали другъ друга и противорѣчили другъ другу. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно подумать хотя бы надъ этимъ однимъ пунктомъ: если вѣрно, что *всѣ* понятія ума имѣютъ значеніе и смыслъ только въ предѣлахъ нашей чувственности, какъ тогда говорить о мірѣ ноуменовъ, какъ видѣть въ идеяхъ разума откровеніе внутренняго смысла самой дѣйствительности? Какъ уже на это пришлось указывать, на Канта до сихъ поръ очень многіе смотрятъ какъ на абсолютнаго рѣшителя *всѣхъ* вопросовъ философіи. Удержится ли за нимъ навсегда эта высокая оцѣнка? Этому явно препятствуютъ

несомнѣнныя и въ то же время неисцѣлимая логическія противорѣчія его системы въ ея цѣломъ.

Однако, можно ли требовать отъ Канта того, чего не удалось сдѣлать ни одному философу за всю исторію чело-вѣческой мысли до нашихъ дней? Да и наступитъ ли когда-нибудь для людей время окончательнаго рѣшенія всѣхъ высшихъ проблемъ знанія? Когда мы говоримъ о великомъ мыслителѣ прошлаго, предъ нами становятся другіе вопросы: что новаго внесъ онъ въ исторію? Какіе его взгляды и выводы оказались вдохновляющимъ стимуломъ дальнѣйшаго философскаго развитія? Наконецъ, какія его заключенія явились прочнымъ и непоколебимымъ приобрѣтеніемъ философскаго знанія послѣдующихъ временъ? Этотъ послѣдній вопросъ представляется важнѣйшимъ, потому что въ немъ идетъ рѣчь о томъ, что истинно въ данномъ философскомъ ученіи. И въ то же время это чрезвычайно трудный вопросъ, и, какъ мы знаемъ, онъ особенно труденъ, когда его поставимъ о Кантѣ. Дать его полное рѣшеніе сейчасъ, въ краткомъ очеркѣ, вещь явно невозможная, но, все-таки его нельзя совсѣмъ обойти молчаніемъ.

Какія истины Кантъ внесъ въ философію, которыя усвоены ею теперь безъ различія школъ, или про которыя, по крайней мѣрѣ, можно съ увѣренностью сказать, что онѣ *должны быть* усвоены и признаны при нормальной постановкѣ философскаго анализа? Дѣло не въ томъ, раскрылъ ли ихъ Кантъ до конца, далъ ли онъ имъ полное и достаточное обоснованіе и не впадалъ ли онъ самъ въ невольную односторонность при ихъ оцѣнкѣ. Уже и того довольно, если какая-нибудь истина впервые намѣчена и выдвинута въ своемъ значеніи, хотя бы потомъ ея пониманіе, ея обоснованіе и ея приложенія очень мѣнялись и преобразовывались. И вотъ если взглянемъ на Канта съ этой стороны, мы убѣдимся, какъ страшно обогатилъ онъ философію своими изслѣдованіями, и мы поймемъ, что онъ дѣйствительно былъ ея великимъ реформаторомъ. Въ этомъ случаѣ я останавлиюсь только на немногихъ, особенно важныхъ пунктахъ.

Прежде всего, мнѣ кажется, должно признать, что Кантъ прочно ввелъ въ философію ученіе объ идеальности пространства и времени. Быть можетъ, его собственные выводы въ этомъ вопросѣ страдаютъ односторонностью, а приводимыя имъ доказательства не всегда одинаково убѣдительно и безупречно въ логическомъ отношеніи ¹⁾. Быть можетъ, его принципіальное отрицаніе какого бы то ни было соотвѣтствія между пространственно-временными отношеніями въ нашемъ опытѣ и дѣйствительною природою вещей слишкомъ явно толкаетъ его міросозерцаніе въ сторону чистаго иллюзіонизма, какъ ни возставалъ Кантъ противъ такого толкованія его ученія. Все же за Кантомъ остается его безсмертная заслуга: послѣ него стало невозможнымъ видѣть въ пространствѣ и времени абсолютныя реальности, которыя предшествуютъ всѣмъ вещамъ, отъ которыхъ вещи по своему бытію вполне зависятъ и которыя сами безусловно пусты отъ всего реальнаго, отъ всякой жизни, силы и дѣятельности и такимъ образомъ представляютъ изъ себя какія-то „сушія небылицы“. Кантъ сдѣлалъ очень подозрительными всякія попытки приписывать пространству и времени реальную объективность и тѣмъ заставилъ обратить самое серьезное вниманіе на психологическое происхожденіе представленій о нихъ, а также и на то, какъ много въ этихъ представленіяхъ чисто-субъективныхъ элементовъ. А изъ всего этого вытекали огромныя послѣдствія для цѣлаго ряда метафизическихъ гипотезъ. И прежде всего послѣдовательно проведенный философскій матеріализмъ въ какихъ бы то ни было формахъ становился невозможнымъ: вѣдь матерія всецѣло существуетъ въ пространствѣ и времени; если природа пространства и времени только идеальна, тогда и матерія лишь феноменъ, а никакъ не реальная, и тѣмъ болѣе абсолютная сущность.

Другая заслуга Канта состоитъ въ томъ, что онъ съ неподражаемой глубиной мысли установилъ огромное, корен-

¹⁾ См. мои „Положительныя задачи философіи“, ч. II, стр. 90—99.

ное значеніе единства сознанія для самой возможности опыта. Только въ томъ случаѣ, если дано единое, во всѣхъ измѣненіяхъ тождественное себѣ я, которое узнаеть все прежде имъ воспринятое, какъ дѣйствительно бывшее,— только тогда неудержимо текуцій, во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ непрерывно исчезающей и возникающей хаосъ чувственныхъ явленій можетъ предстать нашему сознанію въ видѣ единой, связанной картины совершившагося во времени процесса. И наоборотъ, если бы наше сознаніе возникало вновь съ каждымъ новымъ душевнымъ состояніемъ и вмѣстѣ съ нимъ уносилось бы и пропадало, мы не могли бы знать о разнообразіи нашихъ воспріятій, настоящее не связывалось бы въ нашей мысли съ прошлымъ, и въ насъ не могло бы возникнуть ничего, отвѣчающаго слову „опытъ“. Когда вдуматься, изъ этого получаются очень важные выводы не только для теоріи познанія, но и для психологіи. Трудно достаточно оцѣнить и ту заслугу Канта, что онъ съ рѣдкою силою умозрительнаго анализа раскрылъ принципиальную мыслимость *свободы* даже при ненарушимомъ господствѣ необходимости надъ всѣми явленіями извѣстнаго намъ міра. Этимъ онъ безспорно подготовилъ путь для умиротворенія вѣковѣчнаго конфликта между защитниками детерминизма и поборниками свободной воли.

Не менѣе богатою послѣдствіями оказалась та оцѣнка, которую Кантъ сдѣлалъ необходимымъ элементомъ научнаго знанія. Кантъ показалъ, что истинная наука невозможна безъ обосновывающихъ ее умозрительныхъ, опытъ предупреждающихъ, *апріорныхъ* положеній. Опять вопросъ не въ томъ, въ какой степени вѣрно Кантъ истолковалъ происхожденіе и содержаніе этихъ положеній. Важенъ выставленный имъ общій принципъ: наука не можетъ слагаться изъ однихъ эмпирическихъ обобщеній; она начинается только тогда, когда факты опыта прошли предъ судомъ высшихъ началъ, достовѣрность которыхъ для нашей мысли не зависитъ ни отъ какихъ эмпирическихъ данныхъ.

Наконецъ, что сказать о самомъ главномъ выводѣ Канта,

объ его утвержденіи, что только явленія чувственнаго опыта могутъ быть поняты и познаны нами, а все другое намъ совсѣмъ недоступно? Противъ этого взгляда Канта можно справедливо возражать, что онъ самъ не удержался на поставленной имъ границѣ и *не могъ* на ней удержаться по всему существу своихъ воззрѣній на составъ и происхождение опыта; что онъ вынужденъ былъ предположить умопостигаемый міръ вещей въ себѣ и даже имѣлъ о немъ весьма опредѣленныя идеи; что поэтому проведенная имъ граница была весьма условною и шаткою и далеко не обозначала той непроходимой пропасти, какую онъ самъ въ ней видѣлъ. Но если его приговоръ въ этомъ кардинальномъ вопросѣ его философіи и былъ одностороненъ, все же никакъ не слѣдуетъ забывать ту очень серьезную долю истины, которая въ немъ заключалась.

Кантъ говорилъ: „понятія безъ воззрѣній пусты“. И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ мысли совсѣмъ лишенной всякаго *воззрительнаго* матеріала и не имѣющей никакого отношенія къ тому, что является въ нашемъ сознаніи предметомъ непосредственнаго внутренняго переживанія, прямого созерцанія или воззрѣнія. Самыя отвлеченныя наши идеи отвлечены отъ чего-нибудь, что прямо намъ дано или во внутреннемъ или во внѣшнемъ опытѣ. Это иначе можно выразить такъ: мы только то способны понять и представить, какъ реальное, что имѣетъ хотя какую-нибудь аналогію или съ нашимъ внутреннимъ, или съ воспринимаемымъ нами внѣшнимъ міромъ. Въ чемъ нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія и сходства съ переживаемымъ нами въ своемъ самочувствіи и во внѣшнемъ воспріятіи, то не можетъ быть нами понято или тѣмъ болѣе узнано, потому что для его пониманія и познаванія въ насъ не оказывается никакихъ положительныхъ данныхъ. Между тѣмъ, по Канту, вещи въ себѣ, ноумены, не имѣютъ совсѣмъ никакого подобія ни въ какихъ даже самыхъ общихъ свойствахъ, законахъ и отношеніяхъ съ чувственнымъ міромъ явленій, которыя одни даны прямо нашему сознанію. Потому Кантъ былъ только послѣдовате-

лень и вѣренъ себѣ, когда при такомъ допущеніи онъ утверждалъ абсолютную непознаваемость ноуменовъ и видѣлъ въ нихъ лишь отрицательное, пограничное понятіе, лишенное всякаго содержанія. Однако съ полнымъ основаніемъ можно спросить, правильно ли было само это допущеніе? Былъ ли серьезный логическій поводъ такъ насильственно противопоставлять воспринимаемыя нами явленія вызывающимъ ихъ въ насъ вещамъ реального міра и вырывать между тѣми и другими такую зіяющую бездну? Вѣдь именно такой взглядъ на вещи въ себѣ, въ виду заключавшихся въ немъ неисправимыхъ внутреннихъ противорѣчій, оказался главнымъ предметомъ нападеній даже среди единомышленниковъ Канта. И, какъ мы уже хорошо знаемъ, самъ Кантъ не могъ остановиться на этой точкѣ зрѣнія, и міръ ноуменовъ незамѣтно превращается для него во всеобъемлющее духовное царство, которое въ своемъ строѣ и въ своихъ проявленіяхъ свободно подчиняется требованіямъ нравственнаго закона. Неудивительно, что въ дальнѣйшемъ развитіи нѣмецкаго идеализма Кантова гипотеза о безусловно непостижимыхъ вещахъ въ себѣ была совсѣмъ отброшена, и на мѣсто его отрицательнаго утвержденія: *вещей въ себѣ мы понять не можемъ*, стало положительное: *мы можемъ понять лишь такой міръ, который не чуждъ нашему духу, а, напротивъ, по своему бытію и качествамъ представляетъ всецѣлую реализацію законовъ и свойствъ духа; всякое иное предположеніе о дѣйствительно существующемъ ничего не можетъ дать, кромѣ лжи и противорѣчій*. Эта общая мысль легла въ основу великихъ идеалистическихъ системъ Фихте, Шеллинга и Гегеля. Въ ней заключается глубоко оригинальный умозрительный принципъ философіи XIX столѣтія, и она есть несомнѣнный плодъ критики разума Канта, потому что выражаетъ единственно возможное рѣшеніе выставленной имъ коренной проблемы.

Всматриваясь въ ученіе Канта о неизбежной ограниченности человѣческаго познанія, мы находимъ въ немъ и другую важную идею, тѣсно связанную съ его, во всякомъ

случаѣ, тонкой и гениальной гипотезой объ апіорныхъ формахъ человѣческаго разума. Эта мысль, если ее освободить отъ специальныхъ предпосылокъ системы Канта, получить такой видъ: мы только о такихъ предметахъ можемъ имѣть дѣйствительно научное познаніе, которые оказываются сполна доступными для математическаго и механическаго анализа; только то въ природѣ, къ чему всесторонне прилагаются законы математики (и прежде всего геометріи) и основные принципы физики, открыто для исчерпывающаго научнаго объясненія; другими словами, лишь въ пространственно-наглядномъ лежитъ научная истина. Нужно сказать, что и этому выводу Кантъ даетъ слишкомъ рѣзкую и исключительную форму: ради него онъ удаляетъ психологію изъ области настоящей науки; ради него онъ всякую дѣйствительность, выходящую изъ границъ чувственно нагляднаго въ пространствѣ, переноситъ въ проблематическую сферу только мыслимыхъ понятій, относительно которыхъ мы не можемъ установить даже степеней ихъ вѣроятности. Вновь приходится указать, что онъ самъ не могъ удержаться въ поставленныхъ имъ предѣлахъ: не говоря уже ни о чемъ другомъ, сама его критика разума обращается очевидно не съ механическимъ и не съ физическимъ матеріаломъ, а вѣдь Кантъ ей приписывалъ общеобязательную научную цѣну. Но опять повторю: дѣло не въ односторонней рѣзкости выводовъ Канта (по отношенію къ огромному ихъ большинству такая односторонность является ихъ наиболѣе характернымъ общимъ признакомъ, но въ то же время и главнымъ недостаткомъ), а въ томъ, что въ нихъ было положительно истиннаго. И должно признать, что въ своей оцѣнкѣ строго научнаго онъ высказалъ весьма существенную истину, значеніе которой убѣгло отъ сознанія большей части его предшественниковъ: только математически наглядное можетъ составить предметъ точной, измѣряющей и впередъ предсказывающей науки,—все другое не подлежитъ исчерпывающему и до конца разлагающему всѣ элементы даннаго содержанія знанію.

Правда, Кантъ шель гораздо дальше. Ему казалось, что въ опытѣ ничего и нѣтъ, кромѣ того, что по всѣмъ своимъ отношеніямъ и связямъ всецѣло растворяется въ математически наглядныхъ законахъ. Эти законы, по глубокому убѣжденію Канта, продиктованы организаціей нашего разума, а въ опытѣ можетъ попасть только то, что подчинилось основнымъ условіямъ этой организаціи; лишь въ виду этихъ соображеній могъ онъ провозгласить нашъ разумъ законодателемъ природы. Но какъ ни крѣпко былъ убѣжденъ во всемъ этомъ Кантъ, я имѣю смѣлость думать, что онъ не доказаль своего убѣжденія: главы, посвященныя выведенію физической природы изъ законовъ чистой мысли, составляютъ несомнѣнно очень глубокомысленный, но въ то же время самый темный и наименѣе договоренный отдѣлъ „Критики чистаго разума“. А если такъ, то мы не имѣемъ основаній сливать границы возможнаго опыта съ границами точной науки. Но когда вмѣсто слова „опытъ“ мы подставимъ слова „точная наука“, мы безспорно можемъ сказать: все, что входитъ въ область точной науки, вполне подчиняется математически нагляднымъ законамъ.

Вообразимъ, въ самомъ дѣлѣ, что въ нашъ опытъ ворвались явленія, которыхъ никакъ нельзя разложить на математически наглядные элементы,—которыя въ своемъ капризномъ развитіи не подчиняются обычному для насъ временному и пространственному порядку,—которыя даже ярко обнаруживаютъ такія отношенія и связи, которыхъ нельзя выразить ни въ какихъ понятныхъ для насъ пространственныхъ и временныхъ терминахъ; мы можемъ сколько угодно изучать такія явленія, мы все же не получимъ о нихъ точной науки. Въ лучшемъ случаѣ мы добудемъ только сумму приблизительныхъ эмпирическихъ обобщеній, внутренній смыслъ которыхъ останется для насъ навсегда загадочнымъ.

Кантъ опредѣленно очертилъ границы строго научнаго, въ этомъ его громадная заслуга предъ философскою и научною мыслию. Но его критика оказалась односторонне-

догматической, поскольку онъ провозгласилъ абсолютную непознаваемость всего, что выходитъ изъ этихъ границъ. Мiръ слагается не изъ того только, что насквозь ясно для нашей мысли и легко облекается въ геометрическія и механическія схемы. Кромѣ физической природы, нашему опыту дана наша собственная душевная жизнь, дана исторія челоуѣчества, даны безконечно разнообразныя проявленія духовнаго творчества. Куда это все дѣвать? Наконецъ, по поводу нашего опыта въ его цѣломъ, предъ нашимъ сознаниемъ немолчно и неотступно стоитъ вопросъ о томъ, что же лежитъ въ основѣ чувственнаго мiра явленій, какъ самобытная дѣйствительность? Неужели мы должны разъ навсегда отказаться отъ пониманія всего подобнаго? Неужели въ этой области мы неспособны установить даже градации большей или меньшей мыслимости, и для нея самыя глубокія и самыя нелѣпыя гипотезы равноправны между собою? Едва ли такъ возможно думать, да и самъ Кантъ этого не думалъ. Кантъ не сказалъ послѣдняго слова въ философіи; но онъ выдвинулъ великую и далеко еще не рѣшенную проблему о различныхъ степеняхъ познаваемости вещей.

Л. Лопатинъ.

Кантъ, какъ моралистъ ¹⁾).

Среди тревожныхъ заботъ дня, среди массы другихъ интересовъ, болѣ неотложныхъ, болѣ настойчивыхъ, приходится намъ поминать Канта. Другіе вопросы — вопросы непосредственной жизни — поглощаютъ наше вниманіе, занимаютъ нашу мысль. Необходимо извѣстное усиліе, чтобы сосредоточиться и отвлечься, чтобы обратиться къ тому, что кажется такимъ далекимъ и чуждымъ нашей текущей жизни. Но въ этомъ обращеніи къ памяти великаго философа заключается не только выполненіе долга по отношенію къ его заслугамъ: каждый разъ, когда совершается подобная философская тризна, и для самихъ участниковъ ея, для ихъ времени и поколѣнія, она является поводомъ къ самоуглубленію и критическому раздумью. Чествуя великихъ героевъ мысли, мы провѣряемъ самихъ себя, свои дѣла и надежды. Мы чествуемъ въ нихъ то, что особенно цѣнимъ, что считаемъ особенно дорогимъ и важнымъ; то, что было въ нихъ смертнаго, мы оставляемъ смерти, и вспоминаемъ то, что считаемъ вѣчно живымъ и бессмертнымъ. И такимъ образомъ всякая подобная тризна есть вмѣстѣ и триумфъ мысли, сохраняющей свою силу, вопреки всякимъ срокамъ и временамъ, и новое исповѣданіе старыхъ мыслей и словъ.

Въ сегодняшнемъ чествованіи на мою долю выпала чрезвычайно благодарная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне трудная

¹⁾ Рѣчь, произнесенная на торжественномъ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества, посвященномъ памяти Канта, 28 декабря 1904 г.

задача: вспомнить заслуги Канта въ области моральной философіи. Въ этой области всего ярче и безспорнѣе выступаетъ непреходящее значеніе кантіанства; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемся здѣсь съ такимъ обиліемъ мыслей, съ такой сложностью ихъ обоснованія и развитія, что въ краткой рѣчи нечего и думать о томъ, чтобы охватить все это обширное содержаніе и передать все богатство заключенныхъ здѣсь философскихъ началъ. Я и не ставлю своей задачей изложить вамъ моральную философію Канта. Моя цѣль иная — дать общую оцѣнку, указать общее значеніе Канта, какъ моралиста.

Но каждый разъ, когда мы оцѣниваемъ какую-либо морально-философскую систему, которая хочетъ разъяснить намъ руководящія начала жизни, мы спрашиваемъ себя, знаетъ ли, чувствуетъ ли эта философія, что такое жизнь, понимаетъ ли она всѣ трагическія противорѣчія, весь разладъ и борьбу противоположностей, изъ которыхъ слагается міръ. Нерѣдко и въ наши дни, въ дни нервнаго и сложнаго вѣка, мы слышимъ ученія, которыя зовутъ къ бодрой, неунывающей жизни съ веселымъ смѣхомъ и радостнымъ трудомъ. Подобная жизнерадостная философія можетъ быть очень пріятна, какъ все радостное и молодое, но нельзя не сказать, что она не заглянула еще въ глубь жизни, не испытала и не продумала смысла жизненныхъ конфликтовъ, и потому является скорѣе продуктомъ настроенія, чѣмъ размышленія, и значеніе ея не можетъ быть глубокимъ и прочнымъ. Другое дѣло, когда моральная философія утверждаетъ свои начала на ясномъ сознаніи всей тяжести жизни, когда она учитъ энергіи духа и бодрости нравственной, несмотря на все сознаніе житейскихъ противорѣчій. Это значитъ она нашла извѣстный выходъ и просвѣтъ, и это именно мы должны сказать относительно философіи Канта.

За системой Канта утвердилась репутация системы дуалистической, носящей въ себѣ черты раздвоенности и разлада, слѣды непримиримыхъ противорѣчій и несведенныхъ къ единству началъ. Съ этой точки зрѣнія представляется,

что Кантъ какъ бы не осуществилъ идеала всякой философіи,—не далъ міросозерцанія гармонически-единого и цѣльнаго, котораго такъ жаждетъ человѣческой духъ. Послѣ-кантовская философія такъ настойчиво укоряла своего великаго родоначальника за этотъ дуализмъ, такъ страстно искала выхода изъ него, что его привыкли считать непоправимымъ грѣхомъ Кантіанства, умаляющимъ значеніе всей системы. Теперь, черезъ сто лѣтъ, послѣ многихъ кризисовъ и испытаній, пережитыхъ философіей, мы иначе судимъ объ этомъ. И первое, что хотѣлось бы мнѣ отмѣтить, это—значеніе того дуализма, который мы находимъ у Канта и который такъ часто пытались устранить примирительными формулами, абстрактными схемами, на самомъ дѣлѣ лишь закрывавшими жизненную глубину проблемы. Да, у Канта есть этотъ дуализмъ, есть раздвоенность и непримиренность началъ; но когда теперь мы обсуждаемъ этотъ характеръ его системы, мы приходимъ къ заключенію, что мы имѣемъ здѣсь не одну незаконченность мысли, неуспѣвшей подвести свои итоги. Другіе философы, слѣдовавшіе за Кантомъ, философы первой величины, какъ Фихте, Шеллингъ, Гегель, пытались подвести эти итоги и сдѣлать то, что не удалось Канту. Результаты этихъ попытокъ создать нѣкоторое непротиворѣчивое міросозерцаніе лежатъ передъ нами; и что же, обозрѣвая всѣ эти попытки, мы должны сказать, что всѣ онѣ скорѣе ставятъ задачу, чѣмъ разрѣшаютъ ее. Когда теперь предъ нами снова возникаетъ эта задача, мы не думаемъ болѣе, чтобы она такъ легко могла быть схвачена въ конечномъ итогѣ, какъ это представлялось ранѣе. Для нашего времени эта задача есть скорѣе путеводный знакъ, побуждающій итти впередъ, чѣмъ проблема для немедленного и окончательнаго рѣшенія. И съ этой точки зрѣнія мы совершенно иначе относимся къ Кантовымъ противорѣчіямъ. Это еще вопросъ, что выше и глубже — чувствовать и признавать всю силу противорѣчій человѣческаго духа, или устранить ихъ поспѣшнымъ монистическимъ итогомъ. Не лежитъ ли въ са-

момъ существѣ нашего сознанія трагическій разладъ съ собою, съ внѣшними условіями, съ чуждыми силами? и конечная гармонія не есть ли только цѣль, необходимая и настоящая, но лежащая въ безконечности? Тѣ философскія системы, которыя противорѣчіями своими отражаютъ это исконное противорѣчіе человѣческаго духа, не оказываются ли гораздо вѣрнѣе, гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ тѣ, которыя стремятся свести все къ яснымъ, законченнымъ итогамъ?

Для того, чтобы яснѣе судить объ этомъ, надо прежде всего отчетливо представить себѣ источникъ той раздвоенности, того разлада, который тяготѣетъ надъ философскою мыслью Канта. Нельзя не видѣть, что этотъ разладъ углубленъ и подчеркнутъ мотивами нравственными, идущими изъ глубины моральнаго сознанія, и въ этой связи идей всего ярче выступаетъ значеніе моральной философіи Канта. Въ самомъ дѣлѣ, что поддерживаетъ въ концѣ концовъ эту двойственную концепцію вещей въ себѣ и явленій, двойство міра феноменальнаго, видимаго и міра ноуменальныхъ сущностей, сокрытыхъ въ глубинѣ явленій? Конечно, здѣсь имѣли значеніе и теоретическія соображенія; но главной опорой для этого разграниченія двухъ міровъ являлась потребность отстоять незыблемость нравственныхъ началъ, значеніе нравственныхъ идеаловъ, стремленій и надеждъ. И какъ въ древней философіи, у Сократа и Платона, такъ въ новой философіи, у Канта, глубина идеальнаго стремленія, сила нравственнаго подъема разрываетъ покровъ внѣшнихъ преходящихъ явленій, чтобы открыть за нимъ міръ свободно-творческихъ началъ. Духъ поднимается на высоту вдохновенія, соприкасается съ міромъ идей, видитъ предъ собою безконечныя перспективы, но съ тѣмъ большею неудовлетворенностью относится онъ къ тому міру преходящихъ явленій, среди котораго живетъ и котораго силу чувствуетъ надъ собою, какъ тягостное стѣсненіе своей духовной мощи. Вотъ гдѣ источникъ раздвоенности и неудовлетворенности, который находимъ мы въ философіи

Канта. Разумъ какъ бы торжествуетъ здѣсь свою побѣду надъ внѣшнимъ міромъ, создаетъ и укрѣпляетъ царство своихъ собственныхъ нормъ и законовъ; но оказывается, однако, что передъ нимъ, вокругъ него и въ немъ самомъ остается нѣчто таинственное и непонятное, какой-то чуждый ему матеріалъ, извнѣ для него данный. Наше я, нашъ разумъ устанавливаетъ свои законы и нормы, а вокругъ него,—и что всего ужаснѣе,—въ немъ самомъ заявляютъ себя какія-то темныя силы, грозные призраки, непонятныя влеченія, и свѣтлое равновѣсіе духа, его царственное величіе оказывается задачей, которую еще необходимо рѣшить, а не результатомъ, который уже достигнуть. Духъ находитъ предъ собою, во внѣшнихъ условіяхъ своего проявленія — препятствіе и преграду; между духомъ и природою, между я и не я, между субъектомъ и объектомъ существуетъ разладъ—вотъ гдѣ источникъ философскаго дуализма, который съ такой силой раскрытъ и запечатлѣнъ въ системѣ Канта. Съ величавымъ спокойствіемъ философа, безъ крика боли, безъ ужаса, безъ содроганія Кантъ раскрылъ эту глубину міровыхъ противорѣчій; онъ обнаружилъ такія пропасти и бездны, которыхъ уже никакая философская мысль позднѣе не могла закрыть и уничтожить. Возьмите и самую крупную изъ позднѣйшихъ концепцій — Гегелевскую: въ смѣло задуманномъ и блестяще выполненномъ планѣ онъ какъ будто бы свелъ концы и начала, сочеталъ небо и землю, свободу и необходимость, разумъ и природу въ одномъ гармоническомъ синтезѣ. И что же? Является ли эта смѣлая попытка прочно достигнутой гармоніей, твердымъ базисомъ философскихъ умозрѣній, успѣшнымъ примиреніемъ всѣхъ противорѣчій? Къ сожалѣнію этого нельзя сказать. Видимая стройность Гегелевой системы не можетъ скрыть отъ насъ слѣдовъ стараго дуализма, который, какъ неизбежный рокъ, тяготѣетъ надъ умозрѣніемъ философовъ. И у Гегеля въ другомъ видѣ, въ иныхъ терминахъ повторяется та же двойственность, не сразу замѣтная, скрытая торжественнымъ заклю-

ченіемъ объ единствѣ абсолютнаго духа, но тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ дающая себя знать.

Но почему же блестящіе синтезы слѣдовавшихъ за Кантомъ философовъ неизмѣнно носятъ на себѣ ту же печать дуализма и раздвоенности? Не есть ли въ данномъ случаѣ грѣхъ Канта наслѣдственный грѣхъ всякой философской мысли? Почему, въ самомъ дѣлѣ, не удаются попытки свести все къ единому синтезу, въ которомъ погашаются всѣ различія и противоположности, всякое раздвоеніе и борьба? Не потому ли, что это задача, недоступная для познающаго разума, имѣющаго предъ собою, какъ точку отправления, міръ измѣнчивыхъ и преходящихъ явленій? Притти къ желанному синтезу—вѣдь это значитъ представить себѣ міръ, какъ вѣчное совершенство и абсолютное безразличіе, въ которомъ разумъ царитъ безусловно, въ которомъ свѣтъ духа—силою безконечнаго сіянія—устраняетъ все чуждое, все темное, все неясное. Но вѣчный свѣтъ такого абсолютнаго совершенства можетъ быть мыслимъ нами только въ абстракціи: конкретно представить его себѣ мы не въ силахъ. Мы можемъ надѣлать его всѣми признаками совершенства, отвлекаясь и устраняя все знакомое намъ несовершенство міра; но когда затѣмъ мы вспоминаемъ этотъ міръ знакомыхъ намъ явленій, который мы должны были забыть для того, чтобы нарисовать совершенство абсолютнаго идеала, у насъ неизбежно возникаетъ вопросъ: откуда же это преходящее, измѣнчивое, колеблющееся непостоянство явленій? Откуда эти злоба и борьба міровой вражды? Откуда противорѣчія и страданія? И какъ неизбежная тѣнь, какъ облако скорби и печали вырастаетъ предъ нами, на ряду съ предположеннымъ абсолютнымъ совершенствомъ, видимое непостоянство явленій со всей суетностью ихъ разрозненнаго существованія. Мы старались устранить изъ своего представленія эту тѣнь, а она оказывается неизбежной; болѣе того, при ближайшей провѣркѣ мы приходимъ къ заключенію, что только чрезъ нее, какъ чрезъ обычный міръ нашихъ представленій, мы при-

близились къ пониманію абсолютнаго. Мы ловили его разрозненные черты въ мірѣ преходящихъ явленій, въ проблескахъ красоты, въ подвигахъ добра, въ нашихъ собственныхъ стремленіяхъ къ истинѣ, и такимъ образомъ воспитывали въ себѣ чувство абсолютнаго. Оно живетъ въ насъ, какъ идеаль, какъ путеводная цѣль, какъ стремленіе, какъ живой Богъ нашей души; но мы болѣе переживаемъ и чувствуемъ его, чѣмъ представляемъ, и всякая попытка воплотить его въ конкретный образъ и понять, какъ ясную и отчетливую идею, кончается неудачей. То, къ чему мы такъ стремились,—найти разрѣшеніе нашихъ исканій въ ясныхъ логическихъ формулахъ, одинаково для всѣхъ убѣдительныхъ и доступныхъ, оказывается недостижимымъ. Нашъ разумъ обреченъ на то, чтобы слѣдовать могущественному, непреодолимому стремленію къ всеединой истинѣ, которая, однако, вѣчно остается для него задачей.

Но эта трагедія духа человѣческаго не ограничивается предѣлами познанія—еще нагляднѣе и несравненно больнѣе она повторяется въ сферѣ практической, въ области нашихъ надеждъ и ожиданій. Въ нашей душѣ мы находимъ способность къ глубочайшимъ чувствованіямъ и стремленіямъ, безконечно важнымъ и дорогимъ для нашей жизни; мы находимъ въ себѣ особый міръ нашихъ человѣческихъ надеждъ и упованій, радостей и восторговъ, горестей и печалей. И мы хотимъ, чтобы все это имѣло смыслъ не только для насъ, не только для нашего человѣческаго обихода, но также и для объективнаго теченія жизни. Мы хотимъ, мы страстно желаемъ найти соотвѣтствіе между нашими чувствами и стремленіями и внѣшнимъ ходомъ событий; мы хотимъ вѣрить, что исторія воздастъ намъ и оправдаетъ наши надежды, что вся природа проникнута тѣмъ же внутреннимъ смысломъ, какъ и наша жизнь, какъ и нашъ духовный міръ. Такова вѣра наша, такова тайная и неизмѣнная надежда нашего сердца. Но можемъ ли мы сказать, что надежда эта и эта вѣра подтверждаются исторіей прошлого, опытомъ человѣчества, всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о

судьбахъ человѣчества? Прошлое, какъ и будущее, не являются ли для насъ скорѣе образами неясными, полными таинственныхъ загадокъ для мысли и горькихъ противорѣчій для чувства? Не напоминаютъ ли намъ эти образы скорѣе старую характеристику нашего чувствительнаго историка ¹⁾: „Вѣчное движеніе въ одномъ кругу, вѣчное повтореніе, вѣчная смѣна дня съ ночью и ночи съ днемъ,—капля радостныхъ и море горестныхъ слезъ“. И дѣйствительно, какъ часто повторялась въ исторіи изображенная имъ картина: „медленно рѣдѣла, медленно прояснялась густая тьма; наконецъ солнце возсіяло, добрые и легковѣрные человѣколюбцы заключали отъ успѣховъ къ успѣхамъ, видѣли близкую цѣль совершенства и въ радостномъ упоеніи восклицали: берегъ! Но вдругъ небо дымится и скрывается въ грозныхъ тучахъ“. Или, какъ говорилъ другой нашъ писатель ²⁾, замѣчательный другъ человѣчества, другъ свободы и социальнаго прогресса — „съ одной стороны вы видите логическую послѣдовательность мысли, ея успѣхъ, съ другой — полное безсиліе ея надъ міромъ глухимъ, нѣмымъ, безсильнымъ схватить мысль спасенія такъ, какъ она высказывается ему“.

Мы обращаемся, наконецъ, во внутренній міръ человѣка: и здѣсь не тѣ же ли непостижимыя тайны и загадки, не повторяется ли и здѣсь то же двойство стремленій и противоположность началъ? Въ основѣ духъ человѣческой свободенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ связанъ условіями внѣшняго міра; естественная природа человѣка, сфера его влеченій и чувствъ находится въ противорѣчій съ разумомъ и нерѣдко представляетъ на его вѣсахъ какой-то непонятный минусъ, препятствующій установленію должнаго равновѣсія.

Таково двойство началъ, таковъ трагизмъ міровыхъ противорѣчій, со всей ясностью раскрытыхъ въ дуалистической концепціи идеализма. Инстинктивная неудовлетворен-

¹⁾ Н. М. Карамзина.

²⁾ Герценъ.

ность человѣка, его естественный разладъ съ собою и съ міромъ углубляется здѣсь до значенія міровой трагедіи, пріобрѣтаетъ характеръ судьбы мірового разума въ его временномъ историческомъ проявленіи.

Въ ясномъ указаніи этой глубины міровыхъ противорѣчій заключается сила Кантовской философіи; но тѣмъ ббольшая сила философскаго духа обнаруживается въ томъ, что онъ не сломленъ, не подавленъ этими противорѣчіями, а, напротивъ, находитъ выходъ изъ нихъ; и надо ли разъяснять теперь, что это былъ выходъ, не придуманный логически, не найденный путемъ холодныхъ размышленій, а пережитый въ глубинѣ чувства, въ особомъ философскомъ энтузіазмѣ, въ подъемѣ вдохновенія и нравственнаго порыва. Конечно, и Фихте, и Шеллингъ, и Гегель,—въ особенности Гегель,—искали для этого чувства и вдохновенія соотвѣтствующія логическія формулы и иногда свысока относились къ логической незаконченности Кантовой системы. Но для насъ ясно, что тотъ священный огонь, тотъ энтузіазмъ и паѳосъ, который вдохновляетъ всѣхъ этихъ философовъ, данъ Кантомъ. Несомнѣнно — и это слѣдуетъ теперь показать — что при всемъ своемъ дуализмѣ Кантовская философія скрывала въ себѣ драгоцѣнный источникъ нравственнаго подъема. Вспомнимъ радостный энтузіазмъ Фихте, вспомнимъ восхищеніе Шеллинга, которые сами сказали намъ, что они здѣсь нашли. Какъ выражался Шеллингъ о философіи Канта: „ея сущность—духъ, а не мертвыя формулы, не буквы. Ея высшій предметъ не то, что пріобрѣтается извнѣ, посредствомъ размышленія, а то, что непосредственно присуще человѣку. Она задается смѣлой задачей дать свободу человѣчеству и устранить страхъ, внушаемый объективнымъ міромъ. Она даетъ силу тѣмъ, кто впалъ въ усыпленіе, внушаетъ мужество и увѣренность тѣмъ, кто упалъ духомъ“. И какъ выводъ изъ философіи Канта, какъ ея основной лозунгъ Шеллингъ выводитъ: „ищите тѣхъ признаковъ, по которымъ познается вѣчная истина, ищите ее въ самомъ человѣкѣ, и все остальное приложится вамъ само

собою".—Здѣсь именно указано самое главное и основное. Огромное значеніе Канта состоитъ именно въ томъ, что онъ снова обратилъ мысль въ глубину самосознанія, въ глубину нашего я, для того чтобы здѣсь найти твердый опорный пунктъ. Это былъ призывъ къ сосредоточенію мысли на тѣхъ внутреннихъ источникахъ духа, въ которыхъ человѣкъ познаетъ свое безконечное призваніе и свою безусловную цѣну. И здѣсь въ результатѣ тонкаго и глубокаго анализа Кантъ нашелъ чудеса и тайны, не меньшія, чѣмъ тайны безконечнаго внѣшняго міра. Въ то время какъ философія увлекается созерцаніемъ міра внѣшняго, міра видимаго и непосредственно даннаго, она забываетъ то, что составляетъ ея источникъ и опору, наше я; но вѣдь самая несомнѣнная для насъ истина заключается *внутри* насъ, въ нашемъ сознаніи, въ нашихъ чувствахъ, въ нашихъ стремленіяхъ. И не отсюда-ли, чрезъ призму нашего сознанія, мы созерцаемъ весь внѣшній міръ? Для того чтобы почувствовать и понять его, надо человѣку прежде всего понять самого себя.

И вотъ гдѣ лежитъ настоящая сила Канта—въ томъ, что онъ раскрылъ чудеса и тайны нашего духа и уничтожилъ призрачную власть надъ нимъ внѣшнихъ фактовъ, объективныхъ событій и причинной зависимости. Логическая незаконченность его построеній не помѣшала тому, что въ нихъ пробился драгоцѣнный ключъ живой мысли и возвышеннаго настроенія, которое дало живую цѣльность и стройность тому, что абстрактно представлялось раздвоеннымъ и нестройнымъ.

И прежде всего, его ученіе о свободѣ, которое и до сихъ поръ остается камнемъ преткновенія для многихъ—въ немъ, конечно, ничего нельзя понять съ точки зрѣнія абстрактной разсудочности. Не удивительно ли въ самомъ дѣлѣ, что одно и то же дѣйствіе сразу оказывается, согласно Канту, и необходимымъ, и свободнымъ? Легко усмотрѣть здѣсь прямую логическую несообразность и отвергнуть всю эту концепцію. И однако, какіе бы недостатки и

пробѣлы ни находили въ ученіи Канта о свободѣ воли, мы должны сказать, что именно это ученіе представляет блестящій выходъ изъ старыхъ затрудненій. Мы готовы согласиться съ тѣмъ, что выходъ только указанъ, что путь не пройденъ до конца и что само рѣшеніе представляет новыя трудности и загадки; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны признать и на этомъ настаивать, что Кантъ болѣе чѣмъ кто-либо другой доказалъ мыслимость свободы на ряду съ необходимостью. Самъ онъ замѣтилъ однажды, что руководящей цѣлью его философіи было отстоять понятіе нравственной свободы; и мы должны сказать, что путь указанъ имъ вѣрный и даже единственно возможный. Если отрицаніе свободы вытекаетъ изъ представленія о всемогуществѣ закона причинности, которому все подчинено въ мірѣ, то прежде всего необходимо было подвергнуть критикѣ и разбору это предположеніе о всевластной, неотвратимой и фатальной предопредѣленности всего сущаго. Легко было, конечно, — какъ это дѣлали и прежде — просто установить и принять категорію свободы, въ качествѣ естественной потребности человѣческаго духа. Но Кантъ сдѣлалъ гораздо болѣе этого: онъ показалъ, что необходимость, причинность, законмѣрность, все то, на чемъ такъ настаиваетъ научная мысль, все это правильно и вѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не является исчерпывающимъ опредѣленіемъ сущаго. Для этого нужно было продѣлать колоссальную работу „Критики чистаго разума“, и только тогда Кантъ нашелъ достаточно оснований, чтобы утверждать: голосъ нравственнаго чувства, съ непобѣдимой силой свидѣтельствующій о свободѣ воли, имѣетъ такія же права на признаніе, какъ и голосъ научнаго познанія, говорящій намъ о законѣ причинности. То и другое можетъ быть принято одновременно и безъ противорѣчій, и именно потому, что законъ причинности не есть сущность вещей, а только форма нашего познанія, тотъ планъ или способъ, которымъ разумъ пользуется, чтобы познавать явленія міра. Эта точка зрѣнія была настоящимъ откровеніемъ — вполне со-

храня и подтверждая права науки, Кантъ вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что наука это не все, что анализъ непосредственно даннаго намъ *живого* содержанія нашего сознанія раскрываетъ такія возможности и перспективы, которыя совершенно выходятъ за предѣлы науки. Это было именно то, о чемъ позднѣе говорилъ Шеллингъ: ищите истины въ самомъ человѣкѣ, и остальное приложится вамъ. Легко заглушить и забыть этотъ голосъ нравственнаго сознанія, эту внутреннюю рѣчь духа къ самому себѣ; внѣшній міръ такъ разнообразенъ и богатъ событіями въ ихъ пестрой и неожиданной смѣнѣ, въ неисчерпаемомъ обиліи новыхъ фактовъ и явленій. Онъ обольщаетъ и философскую мысль, заставляетъ вѣрить въ свои неумолимые, вѣчные, необходимые законы. Нуженъ былъ особый подъемъ духа и проникновенный философскій анализъ, чтобы за этимъ неумолчнымъ и настойчивымъ шумомъ внѣшнихъ явленій разглядѣть особый міръ законовъ нашего я. Это было своего рода открытіе лучей радія, незримыхъ, но чудесныхъ, сокрытыхъ въ глубинѣ нашего духа. Самое главное, знаменательное и крупное, что приобрѣталось на этомъ пути, это было провозглашеніе самобытной, автономной силы духа, который въ себѣ самомъ находитъ средства и къ своему утвержденію, независимо отъ хода внѣшнихъ событій, — и къ нравственному удовлетворенію, почерпаемому въ сознаніи своихъ высшихъ задачъ. Внутреннее призваніе свободнаго духа — это долгъ, исполненіе нравственной задачи, и созерцаніе этого нравственнаго закона наполняетъ Канта все новымъ и возрастающимъ удивленіемъ: оно раскрываетъ особую жизнь духа, независимую отъ оковъ чувственнаго міра, оно раскрываетъ человѣку его собственную природу и внушаетъ ему такую вѣру и мощь, что все внѣшнее кажется ему незначительнымъ. Въ глубинѣ души, подъ вліяніемъ нравственнаго одушевленія, замолкаютъ своекорыстныя влеченія и суетныя страсти, и въ гармоническомъ настроеніи, въ свѣтломъ порывѣ человѣкъ соприкасается съ вѣчностью...

Эту глубину нравственнаго переживанія Кантъ имѣлъ въ виду, когда онъ, забывая сухой и отвлеченный языкъ своей философіи, возвышаясь до поэзіи и краснорѣчія, слагалъ гимны и славословія идеѣ долга: „долгъ, ты высокое и великое имя, ты, который не заключаешь въ себѣ ничего льстящаго нашему чувству, но требуешь повиновенія; не угрожаешь намъ, но устанавлиешь законъ, который самъ находитъ доступъ въ человѣческую душу, предъ которымъ умолкаютъ всѣ противодѣйствующія ему склонности, гдѣ достойный тебя источникъ твоего благороднаго происхожденія?“

Идею долга, какъ принадлежность морали, указывали и гораздо ранѣе Канта—и въ простомъ повтореніи этого стараго указанія было бы еще мало заслуги. Особенность и заслуга Канта состояли въ томъ, что онъ связалъ идею долга съ понятіемъ свободы воли и понялъ ихъ какъ обнаруженіе особой и самобытной жизни духа, свидѣтельствующее объ его высшемъ призваніи. Тутъ именно устанавливается особая и независимая область собственныхъ законовъ и нормъ, особый міръ идей, который разумъ создаетъ, въ сознаніи своей самобытности, нисколько не справляясь съ ходомъ внѣшнихъ событій. Понятно, въ какой мѣрѣ эта точка зрѣнія даетъ просвѣтъ для разъясненія огромной жизненной проблемы. Смыслъ всего совершающагося она видитъ не во временномъ успѣхѣ, не въ случайномъ достиженіи, а въ исполненіи долга, въ неустанномъ и разумномъ стремленіи. Временная неудача поражаетъ только временное, а не вѣчное; а временный успѣхъ, будучи естественнымъ и желательнымъ концомъ нашихъ начинаній, ничего не прибавляетъ къ ихъ нравственной основѣ, которая имѣетъ безусловный, независимый отъ результатовъ характеръ. Поставить нашу вѣру въ добро, наши надежды, нашу нравственную мощь, независимо отъ хода событій, отъ внѣшнихъ условій, обнаружить самобытную цѣнность и нетлѣнную силу добра — не въ этомъ ли величайшая задача философіи? И не къ этому ли стремится все движеніе

мысли новаго времени? Несомнѣнно, что въ области моральныхъ исканій самая лучшія и горячія стремленія отданы были въ новое время на то, чтобы развѣнчать эвдемонизмъ, который концомъ всѣхъ стремленій, и личныхъ и общественныхъ, ставилъ стремленіе къ счастью. Стремленіе глубоко присущее человѣческой природѣ, всѣмъ понятное и доступное, но обманчивое какъ миражъ, если дѣлать изъ него цѣль жизни и основу морали. Эвдемонистическая мораль основана на томъ, чтобы указать для моральныхъ исканій цѣль ясную и конкретную, чтобы обозначить моральный горизонтъ ясными и опредѣленными чертами, взятыми изъ доступнаго міра человѣческихъ желаній. Конечно, съ точки зрѣнія практики жизни единственно правильно ставить себѣ цѣли конкретныя и доступныя; но каждое практическое дѣйствіе лишь тогда пріобрѣтаетъ и настоящую жизненную энергію, и моральную цѣну, когда оно одушевлено нравственнымъ стремленіемъ, обращеннымъ далеко впередъ, къ вѣчному идеалу добра. Лишь въ этомъ случаѣ многочисленныя препятствія и затрудненія, которыя сопровождаютъ каждый практический шагъ, не ослабляютъ энергіи духа. Всегда смотрѣть впередъ, не смущаться хаосомъ и сумятицей времени и не смущаться тѣмъ, что каждый достигнутый шагъ готовитъ новыя и болѣе сложныя задачи,—вотъ истинная основа для моральнаго настроенія. Для эвдемонизма такое настроеніе невозможно — привлекательные планы конкретнаго счастья каждый разъ кончаются тѣмъ, что создаютъ новыя задачи, и если въ прочномъ достиженіи счастья полагаютъ руководящую цѣль морали, то надо сказать, что эта цѣль обманчива и непрочна. Но нельзя не видѣть, что она въ высшей степени соотвѣтствуетъ привычному міровоззрѣнію человѣка, сжившагося со своимъ конечнымъ міромъ, привыкшаго видѣть себя центромъ міра, ограниченнаго въ своихъ предѣлахъ и задачахъ. Это міровоззрѣніе человѣка, живущаго жизнью замкнутой, патріархальной, столь типически выраженное въ средніе вѣка. Но первая мысль, ко-

торая поражаетъ человѣка, пробудившагося отъ средне-вѣковой патріархальной замкнутости горизонтовъ, есть мысль о безпредѣльности вселенной, о бесконечности міровъ. Эта мысль производитъ цѣлый переворотъ понятій, даетъ необыкновенное углубленіе и расширеніе всему міропониманію. Въ области морали эту безпредѣльность горизонтовъ устанавливаетъ философія Канта. Не останавливаться ни на чемъ данномъ, но вѣчно стремиться впередъ, вѣчно искать, бороться съ собою и съ внѣшними препятствіями—вотъ что значить исполнять нравственный долгъ, вотъ въ чемъ задача морали. Это путь постоянныхъ исканій и стремленій. Бодрой вѣры, живой энергіи, неустанной работы требуетъ онъ, и при томъ работы и энергіи во что бы то ни стало, какъ бы ни складывались внѣшнія обстоятельства и окружающая жизнь. Но гдѣ же здѣсь конечная цѣль, гдѣ пристань, гдѣ твердый берегъ? Ихъ нѣтъ и не можетъ быть. Сила не въ достиженіи, а въ вѣчномъ стремленіи, въ неустанномъ проявленіи нравственной энергіи. Главное—не переставать хотѣть и стремиться...

Я выполнилъ поставленную себѣ задачу въ тѣхъ общихъ и бѣглыхъ чертахъ, въ какихъ это было возможно въ краткій промежутокъ времени, находившійся въ моемъ распоряженіи. Но заканчивая свою рѣчь, я не могу не поставить болѣе общаго вопроса, на который наводитъ насъ характеръ сегодняшняго засѣданія. Мы чувствуемъ сегодня Канта и поминаемъ его заслуги, и невольно хочется отдать себѣ отчетъ: чѣмъ же можетъ быть для насъ Кантъ, почему онъ намъ дорогъ? Вы слышали уже сегодня въ компетентныхъ разъясненіяхъ моихъ коллегъ перечисленіе цѣлаго ряда заслугъ Канта въ различныхъ вопросахъ философіи и науки. Не повторяя того, что сказано ими, я хотѣлъ бы освѣтить другую сторону вопроса, самое общее значеніе Канта, и можетъ быть это уяснить намъ его особенное значеніе для нашего времени.

Часто упрекаютъ современныхъ сторонниковъ Канта въ особомъ пристрастіи къ его авторитету. Но этотъ упрекъ

едва ли можно признать справедливымъ. Въ сущности въ настоящее время нѣтъ правовѣрныхъ кантіанцевъ, какъ рѣдки они были и прежде. Система Канта имѣетъ то свойство, что каждый, кто проникается ея духомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ проникается и стремленіемъ итти далѣе. Она даетъ не только глубокое поученіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и могучій импульсъ къ дальнѣйшему размышленію. Уже ближайшіе и искреннѣйшіе поклонники Канта поняли, что остановиться на Кантѣ невозможно, а для современныхъ кантіанцевъ является общимъ правиломъ: „понимать Канта это значить итти далѣе него“. И такимъ образомъ Кантъ является прежде, какъ и теперь, великой школой философіи, чрезъ которую надо пройти. Но почему же эта школа, а не какая-нибудь другая? Что здѣсь особеннаго и важнаго? Отвѣтъ на это уяснится намъ именно изъ общаго положенія Канта. Значеніе Канта въ томъ, что, сохраняя и утверждая самостоятельное и независимое положеніе науки, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ твердую опору и для самобытнаго значенія религіозныхъ, нравственныхъ, эстетическихъ переживаній, какъ неотъемлемыхъ и жизненныхъ элементовъ нашего сознанія. Для современнаго человѣка уже нельзя возвратиться къ тѣмъ теченіямъ, которыя пытаются возродить средневѣковую мысль о зависимомъ и подчиненномъ положеніи науки по отношенію къ религіи и церкви. Наука должна быть свободной, независимой, идущей собственными путями—на этомъ наше время стоитъ твердо. Но вѣчно возрождающаяся сила нравственно-религіозныхъ исканій и горячій подъемъ ихъ въ наши дни скептицизма и невѣрія не служатъ ли лучшимъ свидѣтельствомъ ихъ вѣчной важности для человѣка? И здѣсь-то опытъ Канта философски оправдать самобытность и независимость этихъ исканій, указать ихъ связь съ самимъ существомъ человѣка — есть великое и знаменательное поученіе.

Конечно, система Канта во всей ея сложности и глубинѣ никогда не сдѣлается общимъ достояніемъ или даже только широко-распространеннымъ ученіемъ. Философскія ученія,

вообще говоря, на это притязать не могутъ. Но въ духовномъ оборотѣ человѣчества они играютъ роль драгоцѣнныхъ свѣтильниковъ, которые должны вѣчно горѣть на сложномъ и тернистомъ пути человѣческой жизни. И въ частности говоря о системѣ Канта, мы скажемъ, что это одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ свѣтильниковъ для свободной вѣры новаго свободаго человѣка. Предъ умственнымъ взоромъ этого человѣка разстилается безконечность вѣковъ и пространствъ, разступается твердь небесная, открываются захватывающіе душу, головокружительные горизонты, и все же онъ остается твердымъ, — твердымъ въ своемъ нравственномъ стремленіи...

Какъ же кончимъ мы сегодняшнее собраніе? Не почтимъ ли всѣ мы благодарнымъ воспоминаніемъ того, кто ученіемъ своимъ поддерживаетъ насъ въ этомъ стремленіи? Такое ученіе есть одно изъ тѣхъ словъ, о которыхъ можно сказать словами нашего писателя, что они имѣютъ значеніе предъ лицомъ смерти. Да, это правда: все пройдетъ, все исчезнетъ, высочайшій санъ, власть, всеобъемлющій геній, все разсыплется прахомъ...

Все великое земное
Разлетается какъ дымъ...

Но добрыя дѣла не разлетятся дымомъ... И добрыя великія слова, прибавимъ мы отъ себя, они также не разлетятся дымомъ. Надъ такими словами время не властно: имъ принадлежитъ вѣчность, ибо сами они исходятъ и обращаютъ насъ къ вѣчности.

П. Новгородцевъ.

Кантъ и естествознаніе XVIII столѣтія ¹⁾).

I.

Мысль и жизнь Канта въ теченіе столѣтія подвергались глубокому, нерѣдко горячему и страстному, изученію, вызвали появленіе не только множества статей и сочиненій, но даже ученый, специально имъ посвященный журналъ, создали, по нѣсколько насмѣшливому выраженію, особую философскую науку—Кантологию ²⁾. Kantforschung составляетъ видную область философской мысли. Изученіе и обдумываніе главныхъ работъ и хода идей Канта издавна служатъ прекрасной школой для молодого философа. Поэтому, едва ли можно найти въ мысли или жизни Канта какой-нибудь закоулокъ, который бы остался свободнымъ отъ предшествовавшей работы изслѣдователей. Но въ то же время Кантъ въ своей умственной жизни постоянно касался такихъ вѣчныхъ вопросовъ человѣческой мысли, по отношенію къ которымъ никогда не можетъ быть сказано послѣднее слово.

Кантъ былъ не только философомъ, но и ученымъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ, въ тиши захудалаго нѣмецкаго университета, на крайнихъ границахъ Пруссіи, одной изъ наименѣе тогда культурныхъ нѣмецкихъ земель, внѣ центровъ научной жизни того времени, Кантъ самостоятельно работалъ надъ вопросами астрономіи, физической географіи и

¹⁾ Рѣчь, читанная въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества, посвященномъ памяти Канта, 28 декабря 1904 г.

²⁾ С. Булаковъ. Отъ марксизма къ идеализму. Спб. 1904, стр. 199.

антропологии, внимательно слѣдилъ за развитіемъ естествознанія. Въ списокѣ лекцій, которыя ему приходилось читать въ долгіе года его профессорской жизни, мы встрѣчаемъ почти все время на ряду съ философскими дисциплинами курсы математики, физики, физической географіи, антропологии или минералогіи. Онъ даже первый, или одинъ изъ первыхъ, ввелъ въ нѣмецкіе университеты систематическое преподаваніе физической географіи ¹⁾. Результаты этихъ занятій Канта сохранились въ нѣсколькихъ любопытныхъ и важныхъ для его времени работахъ, на каждомъ шагу проявляются въ его философскихъ сочиненіяхъ ²⁾.

Конечно, въ научной области Кантъ далеко не достигъ того значенія, какое имѣетъ онъ въ исторіи человѣчества творческой работой своего философскаго мышленія. И если бы Кантъ былъ только ученымъ натуралистомъ, хотя и крупнымъ для своего времени, то едва ли была бы надобность занимать ваше вниманіе изложеніемъ его научной работы, такъ какъ наука нашихъ дней мало имѣетъ общаго съ интересами XVIII столѣтія, а въ научной жизни того времени легко выбрать для ея характеристики болѣе крупныя и рѣзкія фигуры.

И если я, обычно далекій философской работѣ, тѣмъ не менѣе выступаю въ философскомъ Обществѣ съ сообщеніемъ объ этой сторонѣ творческой дѣятельности одного изъ величайшихъ философовъ новаго времени, то дѣлаю это потому, что изученіе отношенія Канта въ наукѣ его времени имѣетъ большой интересъ не само по себѣ, но для выясненія нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ исторіи человѣ-

¹⁾ Ср. данныя у *S. Günther Handbuch d. Geophysik*, I. L. 1897, p. 21.

²⁾ Общіе обзоры естественно-историческихъ работъ Канта и его оцѣнка какъ ученаго см. *J. Reuschle Deutsche Vierteljahrsschrift*. St. 1868. № 122, p. 50 сл. *G. Thiele Die Philosophie J. Kants*. I, 1. Halle. 1882. p. 47 сл. *Zöllner Ueb. d. Natur d. Cometen*. L. 1872, p. 426 сл. *Dreus Kants Naturphilosophie, als Grundlag seines Systems*. B. 1894, p. 1 сл. *Milhaud Revue Philos.* P. 1895 vol. 39, p. 480 сл. *G. F. Becker. Amer. Journ. of Science* (4) v. V N. H. 1898. p. 97 сл. Специальные обзоры отдѣльныхъ сторонъ естественно-историческихъ работъ Канта указаны ниже.

ческой мысли. И въ то же время, по своеобразному характеру исторіи научной мысли, нельзя теперь ограничиваться для выясненія этого отношенія старыми работами, вышедшими при иной фазѣ научнаго развитія. Надо изучать этотъ вопросъ сызнова. Ибо пониманіе прошлаго науки, хотя бы XVIII столѣтія, ученымъ начала XX вѣка во многомъ рѣзко отличается отъ представленій, выработанныхъ десятилѣтіемъ раньше. Ходъ времени и работа научной мысли вѣчно и постоянно производятъ переоцѣнку цѣнностей въ научномъ міровоззрѣніи. *Прошлое* научной мысли рисуется намъ каждый разъ въ совершенно иной и все новой перспективѣ. Каждое научное поколѣніе открываетъ въ этомъ прошломъ новыя черты и теряетъ установившіяся было представленія о ходѣ научнаго развитія. Случайное и неважное въ глазахъ ученыхъ одного десятилѣтія получаетъ въ глазахъ другого нерѣдко крупное и глубокое значеніе; въ то же время блекнутъ и стираются раньше установившіяся вѣхи научнаго сознанія. Исторія научной мысли, подобно исторіи философіи, религіи или искусства, никогда не можетъ дать законченную неизмѣнную картину, реально передающую дѣйствительный ходъ событій, такъ какъ эти давно бывшія событія выступаютъ въ разныя времена въ разномъ освѣщеніи, такъ или иначе отражаютъ современное изслѣдователю состояніе научныхъ знаній. Въ этой области научныхъ изысканій историкъ, даже больше, чѣмъ гдѣ-либо, переноситъ въ прошлое вопросы, волнующіе современность, самъ создаетъ, если можно такъ выразиться, матеріаль своего изслѣдованія, оставаясь, однако, все время въ рамкахъ точнаго, научнаго наблюденія. Поэтому въ исторіи науки постоянно приходится возвращаться къ старымъ сюжетамъ, пересматривать исторію вопроса, вновь ее строить и передѣлывать. И, несмотря на огромную литературу, посвященную Канту въ теченіе столѣтія, всякій изслѣдователь увидитъ въ его научной дѣятельности новое и иное, въ зависимости отъ состоянія науки въ его собственное время.

2.

Общій вопросъ въ исторіи человѣческой мысли, возбуждающій интересъ къ выясненію положенія Канта въ естествознаніи его времени, есть вопросъ объ отношеніи между наукой—точнымъ знаніемъ—и философіей. Я говорю здѣсь не о выясненіи этого отношенія логическимъ путемъ или съ помощію философскаго анализа, а объ изученіи его путемъ научнаго *наблюденія*, путемъ изслѣдованія исторически установленныхъ взаимоотношеній этихъ областей человѣческаго духа. Несомнѣнно эти области человѣческаго сознанія находились и находятся въ тѣснѣйшемъ взаимодействіи другъ съ другомъ и было бы дѣломъ бесплоднымъ и неблагодарнымъ оцѣнивать большее или меньшее значеніе философіи для развитія и роста науки или науки для развитія и роста философіи. Ихъ взаимная, непрерывная связь и взаимное—нераздѣлимое—вліяніе есть историческій реальный фактъ, едва ли подлежащій въ этомъ смыслѣ сомнѣнію ¹⁾.

Если на почвѣ этого общаго основнаго положенія всмотрѣться въ историческій ходъ развитія мысли, то можно замѣтить, что всѣ новыя крупныя научныя открытія и научныя обобщенія—рано ли, поздно ли—находятъ себѣ отраженіе и переработку въ философской мысли; и, въ случаѣ, ежели они стоятъ уже *внѣ предѣловъ* существующихъ философскихъ системъ,—способствуютъ созданію новыхъ. Это не есть что-нибудь специфически свойственное научнымъ истинамъ или научнымъ обобщеніямъ. Избито и давно сознано положеніе, что всѣ крупныя созданія общественно-государственнаго творчества или крупныя интуиціи религіи точно такъ же отражаются на развитіи философіи, такъ или иначе имѣютъ значеніе въ генезисѣ ея системъ, ея понятій, ибо они мѣняютъ ея *содержаніе*. Точно такъ же научныя обобщенія

¹⁾ См. объ этомъ мою статью „О научномъ міровоззрѣніи“. „Вопр. Филос.“ М. 1903. стр. 1431 сл.

и открытія, послѣ своего установленія въ умахъ современниковъ, являются объектами философскаго мышленія, мѣняютъ *содержаніе*, доступное философіи, и этимъ путемъ могутъ существенно способствовать творческой философской работѣ.

Въ этомъ смыслѣ научная дѣятельность до извѣстной степени *предшествуетъ* философской работѣ и послѣ крупныхъ научныхъ обобщеній, раздвигающихъ рамки познанаго или рушащихъ вѣками стоявшія, научно выработанныя, философски обработанныя положенія, можно ждать проявленій философскаго гения, новыхъ созданій философской мысли, новыхъ теченій философіи.

3.

Едва ли когда проявилось это такъ рѣзко, какъ въ исторіи новой философіи, въ томъ великомъ переворотѣ, который произошелъ въ исторіи человѣчества въ первой половинѣ XVII столѣтія. Въ это время въ научное сознаніе проникли одно за другимъ великія открытія и широкія обобщенія естествознанія. Физика, астрономія, анатомія и физиологія, механика въ теченіе немногихъ лѣтъ измѣнились до неузнаваемости. Окончательно рушились геоцентрическія представленія въ планетной системѣ, исчезли сжимавшія землю хрустальныя сферы съ нанизанными на нихъ свѣтилами, и небесный сводъ превратился въ безконечный и безначальный эфиръ съ разсѣянными въ немъ мірами. Открытіе телескопа и микроскопа расширило горизонтъ и развернуло передъ новымъ человѣкомъ такія чаянія будущаго, которыя не рисовались въ умахъ людей средневѣковья. Въ то же время впервые точные физическіе опыты положили начало современной физикѣ, механикѣ, физиологіи; созданъ научный экспериментъ, позволившій подходить въ легкой и удобной формѣ, въ короткое время, къ рѣшенію задачъ, требовавшихъ раньше десятилѣтій. Экспериментъ началъ проникать во всѣ области знанія и въ біологическихъ наукахъ царилъ въ это время гораздо больше, чѣмъ въ послѣдующія

100—150 лѣтъ. На объектахъ анатоміи и астрономіи начали выработываться приемы научнаго наблюденія. На ряду съ этимъ созданы были новые отдѣлы математики и открыты новые приемы и методы математической мысли, въ немногіе года оставившіе далеко позади себя тяжелую и медленную работу, неуклонно шедшую въ томъ же направленіи четыре столѣтія. Въ жизни человѣчества былъ пережить въ это время болѣе крупный переломъ, чѣмъ тотъ, который 100—150 лѣтъ раньше выразился въ движеніи гуманизма и реформаціи.

Рѣзкое измѣненіе научнаго міровоззрѣнія отразилось глубоко и ярко на расцвѣтѣ новой философіи. Подъ вліяніемъ новаго матеріала и пониманія природы, улучшенныхъ приемовъ мышленія, совершенно новаго уклада и предѣловъ математики содержаніе и матеріаль философіи получили необычайное расширеніе. Въ философскихъ системахъ XVII вѣка — въ однихъ, гдѣ получили особое вниманіе натурфилософскіе интересы, на каждомъ шагу, въ другихъ, гдѣ рѣзче сказалось вліяніе общественно-политическихъ или религіозныхъ и моральныхъ запросовъ, болѣе скрыто, лишь на основномъ фонѣ мысли, сквозить измѣненіе содержанія и характера мышленія, подъ вліяніемъ новыхъ теченій и формъ математики и естествознанія. Нерѣдко одни и тѣ же люди работали въ этихъ обѣихъ областяхъ человѣческаго сознанія, и данныя науки быстро впитывались и перерабатывались въ философскомъ мышленіи, которое во второй половинѣ XVII вѣка уже создало стройныя системы въ строгой гармоніи съ современнымъ ему научнымъ знаніемъ.

4.

Но развитіе естествознанія и математики не остановилось на тѣхъ предѣлахъ и формахъ, на которыхъ засталъ ихъ расцвѣтъ философской мысли. Оно шло дальше также быстро и интенсивно.

Очень скоро получились выводы и обобщенія, которые

не могли быть усвоены творцами новыхъ философскихъ системъ, частью потому, что они были получены *позже* ихъ созданія, частью потому, что они не были поняты или оцѣнены философскими новаторами, мысль которыхъ уже сложилась и застыла ко времени новыхъ научныхъ открытій. Даже наиболѣе новыя самостоятельныя философскія системы конца XVII, начала XVIII вѣка — системы Лейбница, Мальбранша, Беркли или Локка — не захватывали крупныхъ научныхъ обобщеній и теченій, появившихся къ годамъ смерти ихъ основателей. Съ каждымъ новымъ десятилѣтїемъ несоотвѣтствія между ними и данными научной работы становились все сильнѣе, ярче и глубже.

И къ серединѣ XVIII вѣка, когда началась дѣятельность Канта, первая работа котораго вышла въ 1747 году, характеръ научной работы и научныхъ интересовъ, содержаніе естествознанія и математики оказывается несомѣстимымъ съ философскими системами, корни которыхъ питаются научнымъ міровоззрѣніемъ XVII вѣка. Къ этому времени противорѣчія между фактами и предположеніями науки и схемами философіи, приводятъ къ столкновеніямъ людей науки и философіи. Среди первыхъ наблюдается недовѣрчивое и скептическое отношеніе къ философской мысли, ослабленіе интереса къ философскимъ вопросамъ, волновавшимъ ученыхъ прежняго поколѣнія ¹⁾.

5.

Оставляя въ сторонѣ всякаго рода частности, три крупныхъ области естествознанія стояли въ это время почти *внѣ* обсужденія философовъ совершенно не принимались во вниманіе философскимъ мышленіемъ, — и по существу не укладывались въ существовавшія въ то время философскія системы. Это были, во-1-хъ, великія обобщенія Ньютона — гипотеза

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія любопытно предисловіе къ извѣстной работѣ *Dorton de Mairan. Dissert. sur la glace. P. 1749.*

всемірнаго тяготѣнія и основанное на ней точное, логически полное механическое и геометрическое объясненіе порядка природы; во-2-хъ, вся область наблюдательнаго естествознанія и связанная съ ней проявленія формальнаго или генетическаго эволюціоннаго пониманія природы; наконецъ, въ-3-хъ, та разношерстная толпа научно установленныхъ данныхъ, которая во всѣ времена служила и теперь служить областью, откуда исходили новыя великія идеи естествознанія, которая не укладывается точно въ рамки господствующихъ математическихъ обобщеній, но и не противорѣчитъ имъ вполнѣ очевидно; она всегда стоитъ на границѣ научныхъ объясненій даннаго времени. Въ серединѣ XVIII вѣка здѣсь имѣли наибольшее значеніе плохокоординированныя химическія превращенія, все возрастающая область явленій статическаго электричества и, наконецъ, наблюденія, связанная съ жизнью, главнымъ образомъ въ области физиологіи органовъ чувствъ и нервной системы человѣка.

Дѣлая характеристику Канта, какъ естествоиспытателя, наиболѣе важно выяснить и опредѣлить его отношеніе именно къ этимъ сторонамъ современной ему науки. Ибо только здѣсь онъ сталкивался съ явленіями, требовавшими для своего раціонализированія новой философской обработки, новыхъ построеній метафизической мысли. Ученый, привыкшій работать въ этихъ областяхъ науки, овладѣвшій этими сторонами современнаго ему естествознанія, перешедши къ самостоятельной философской работѣ, не могъ остановиться на существовавшихъ философскихъ системахъ, долженъ былъ искать новыхъ путей.

Мы знаемъ, что въ жизни Канта былъ періодъ, когда онъ былъ и самъ себя называлъ естествоиспытателемъ ¹⁾, когда онъ главнымъ образомъ занимался натурфилософскими вопросами на ряду съ самостоятельной научной дѣятельностью.

¹⁾ *Kant*, *Naturgesch. d. Himm.* 1755. „Sämmtl. Schriften“, изд. Берл. Акад. В. 1902, р. 223—224. *Его же*. *Von d. Ursachen d. Erderschütter.* 1755. *ib.* р. 419.

Онъ самъ говорить ¹⁾, что, вступивъ на университетскую кафедру, онъ поставилъ себѣ, между прочимъ, цѣлью издать и выработать университетскій курсъ физической географіи, очень замѣчательная программа котораго была издана въ 1757 году ²⁾ и необработанные, но мѣстами интересные обломки котораго были подготовлены къ печати передъ его смертію, по его порученію Ф. Т. Ринкомъ, однимъ изъ его учениковъ ³⁾. Его лекціи физической географіи имѣли огромный успѣхъ, привлекали многихъ слушателей ⁴⁾. И хотя едва ли можно принимать à la lettre тѣ дѣленія жизни Канта на періоды, которые вошли въ литературу съ легкой руки нѣкоторыхъ историковъ философіи и самого Канта ⁵⁾ и которыя мало оправдываются въ той области его интересовъ, которыхъ я здѣсь касаюсь,—несомнѣнно, однако, что полному расцвѣту его самостоятельной философской системы, т. е. 1768—1772 годамъ, предшествуетъ болѣе чѣмъ 20-лѣтняя его научная дѣятельность, въ которой на первомъ мѣстѣ стояли разнообразныя вопросы естествознанія, надъ которыми Кантъ работалъ усиленно и безъ перерывовъ.

6.

Едва ли можно считать простой случайностью, что научная дѣятельность и кругъ интересовъ тѣхъ людей, которые стояли близко къ генезису и развитію всѣхъ новыхъ крупныхъ философскихъ теченій XVIII столѣтія—разныхъ формъ позитивизма, матеріализма и сенсуализ-

¹⁾ *Kant*, Entwurf u. Ankündig. ein. Collegii d. phys. Geogr. 1757. „Werke“ (Rosenkr. u. Schub.) VI. 1839. p. 302.

²⁾ *Kant*, l. c. ib p. 301—312. Раньше эта программа относилась къ 1765 году. См. *Ибервегъ и Гейнце* Исторія новой философіи. Пер. *Колубовскаго*. I. 2 изд. Спб. 1898, стр. 232.

³⁾ *Kant*, Vorles. üb. physik. Geographie. 1802. Werke, her. v. *Rosenkrantz* u. *Schubert* VI. 1839 p. 415 сл. Ср. литературу и критику подлинности этихъ лекцій у *Н. Н. Шённе*. „Altpreuss. Monatsh.“ XXXIII. Kön. 1896. p. 226 сл.

⁴⁾ Ср. напр. *K. Fischer*. Gesch. d. neuer. Philos. Kant. I. Heid. 1898. p. 64 сл.

⁵⁾ Справедливыя возраженія у *Паульсена*, Кантъ. Пер. Лосскаго. Спб. 1899, стр. 96 сл.

ма, центромъ которыхъ была въ то время главнымъ образомъ Франція и научная дѣятельность основателя критической философіи—вращались въ кругу одинаковыхъ научныхъ идей и фактовъ, въ области тѣхъ явленій, которыя противорѣчили крупнымъ и важнымъ выводамъ господствовавшихъ метафизическихъ системъ того времени. Тѣ же самые вопросы, съ теоріей тяготѣнія и данными наблюдательныхъ естественныхъ наукъ во главѣ, которые составляютъ характерную черту научныхъ интересовъ Канта, были положены въ основу натурфилософскихъ схемъ энциклопедистовъ и исшедшихъ изъ родственныхъ имъ круговъ матеріалистическихъ и монистическихъ образовъ Гельвеція, Гольбаха, Кондильяка. Творцы новыхъ системъ, какъ философіи просвѣщенія, такъ и критической философіи, въ научной области принадлежали къ одному лагерю передовыхъ ученыхъ своего времени.

Наиболѣе характерной чертой ученыхъ середины XVIII вѣка по сравненію съ предшествовавшими имъ научными поколѣніями было рѣзко опредѣленное убѣжденіе въ необходимости *объяснять* всѣ явленія природы исключительно естественными причинами. Непосредственное вмѣшательство божества, тайныя и неподчиняющіяся условіямъ времени и мѣста, силы,—духи и души, археи, сущности, стоящія *вне* тѣхъ явленій, которыя служатъ объектомъ научной работы, заранѣе и безусловно исключались. Каковы бы ни были ихъ философскія или религіозныя убѣжденія—вполнѣ ли сознательно или подчиняясь общему тону научной жизни,—ученые середины вѣка были въ этомъ отношеніи непреклонны, далеко не всегда исключая существованіе сверхъестественныхъ силъ и созданій, *вне* области явленій, подлежащихъ ихъ изученію. Это вовсе не были эмпирики съ философской точки зрѣнія, это были служители науки, окончательно вошедшей въ жизнь человѣчества на равноправномъ положеніи съ философіей и религіей. То, что раньше было удѣломъ немногихъ отдѣльныхъ личностей, то къ серединѣ XVIII столѣтія стало общимъ достояніемъ

и въ это время въ великой Французской Энциклопедіи получило свое громкое и блестящее выраженіе. На историческую арену впервые выступило въ ней самостоятельное, цѣльное и боевое научное міровоззрѣніе ¹⁾).

Ученые этого времени не могли, конечно, научно, даже при всѣхъ натяжкахъ, объяснить всѣхъ имъ извѣстныхъ фактовъ; они создавали для этого различные непонятные имъ и неразложимые на извѣстные элементы принципы: первоначальное свойство матеріи — всемірное тяготѣніе, непостижимымъ образомъ дѣйствующее на огромныя, едва мыслимыя разстоянія, отталкивательныя силы, всепроникающій эфиръ, обладающій свойствами, невозможными въ вѣсомой матеріи, жизненную силу или формирующее стремленіе въ организмахъ или даже вообще въ матеріи, создающіе безсознательна, цѣлесообразность, положительное и отрицательное электричество и т. д. Но всѣ эти принципы не представляли ничего сверхъестественнаго; постольку, поскольку они сказывались въ явленіяхъ, они не выходили за ихъ предѣлы—были лишены малѣйшихъ признаковъ того свободнаго волевого элемента, который наблюдался и въ вѣльнїяхъ божества и въ стремленїяхъ духовъ, въ свободномъ выборѣ архея или роковой, не обусловленной условїями времени и мѣста, склонности сущности. Это были непонятныя и можетъ быть неразрѣшимыя, ирраціональныя понятїя того же порядка, какія въ ту же эпоху окончательно и толпою начали входить въ математику и быстро привели къ созданію новой алгебры и анализа.

7.

Кантъ былъ глубоко проникнутъ этимъ основнымъ положеніемъ естествознанїя; онъ часто подчеркивалъ его въ

¹⁾ До сихъ поръ значеніе Энциклопедїи и Энциклопедистовъ для развитїя науки и научнаго міровоззрѣнїя не выяснено. Ни Морлей (*Morley. Diderot and the Encyclopedists. I — II, L. 1878*), ни Дюкро (*Ducros. Les Encyclopedistes. P. 1900*), не говоря уже о болѣе старыхъ авторахъ, не даютъ достаточнаго освѣщенїя этой ихъ роли. О значенїи энциклопедїи въ исторїи химїи любопытныя указанїя у *Dubet. Le mixte et la composition chimique. P. 1902. p. 43* сл.

своихъ сочиненіяхъ не менѣе рѣзко и опредѣленно, чѣмъ современные ему французскіе философы, поклонявшіеся наукѣ и вѣрившіе въ знаніе. Какъ въ своихъ первыхъ научныхъ работахъ до критическаго періода, такъ во всей полнотѣ и глубинѣ въ эпоху критической философіи онъ выставлялъ основное положеніе, что „въ естествознаніи все должно быть объясняемо естественнымъ образомъ“ ¹⁾, отбрасывалъ какъ недопустимыя всякія объясненія, которыя приводили къ противорѣчію съ этимъ принципомъ. Являясь по содержанію и по научности уклада мысли передовымъ ученымъ своего времени, Кантъ по привычкамъ и по характеру научной работы жилъ въ прошломъ ²⁾.

Форма его научныхъ трудовъ имѣетъ рѣзкій отпечатокъ чего-то стародавняго, провинціального по сравненію съ одновременными съ ней произведеніями энциклопедистовъ, напр., Дидро или д'Алямбера или такихъ ученыхъ, какъ Эйлеръ, Бюфонъ и др., стоявшихъ въ сторонѣ отъ сложившихся философскихъ и теологическихъ школъ и теченій. Эти послѣдніе отбросили вмѣстѣ съ картезіанствомъ и ученую литературу XVIII вѣка. Они приводятъ взгляды старинныхъ наблюдателей лишь для выясненія новой точки зрѣнія на вопросъ. Труды ученыхъ XVII, первой четверти XVIII в. имѣютъ для нихъ лишь историческій интересъ. Они съ захватывающимъ интересомъ слѣдятъ за всѣмъ новымъ и неизвѣстнымъ. Ихъ интересуютъ и сейчасъ же утилизируются научныя новинки; для нихъ быстро покрываются пылью забвенія толстыя неуклюжія произведенія ихъ предшественниковъ. Новыя открываемыя явленія, напр., электричества, магнетизма или химіи, ищутся ими всюду; къ нимъ пытаются они свести все, что не поддается объясненію господствующими научными теоріями.

Кантъ же живетъ еще въ старой литературѣ XVII вѣка.

1) *Kant*, Gebrauch d. teleol. Principien in Philosophie. 1788. Werke, изд. Rosencranz. u. Schubert. IV. L. 1839, p. 382.

2) О такомъ характерѣ математическихъ работъ Канта см. *Milhaud*, *Revue philosoph.* 1895, v. 39. p. 503 сл.

Труды и открытія Бойля, Варенія, Мариотта, Амонтонна и др. являются для него обычными справочными сочиненіями, изъ которыхъ онъ еще черпаетъ научные факты. Въ книжной литературѣ этого стараго времени Кантъ былъ начитанъ не менѣе, чѣмъ это было обычно для философовъ и ученыхъ стараго закала; такая эрудиція была чужда новымъ людямъ науки эпохи просвѣщенія.

На почвѣ этой старосвѣтской начитанности Кантъ внимательно слѣдилъ за новыми теченіями, но невольнo отставалъ на нѣсколько—на много—лѣтъ, можетъ быть въ зависимости отъ захолустности научнаго центра, въ которомъ протекла его жизнь. Это сказалось уже въ первой его работѣ, осталось неизмѣннымъ до конца жизни. Въ первой работѣ, вышедшей въ 1747 году ¹⁾ и касающейся великаго спора между картезианцами и лейбниціанцами о живой силѣ—этого перваго проявленія современной энергетики ²⁾—Кантъ почти точно знаетъ литературу спора до 1747 года, между тѣмъ какъ вышедшее за четыре года передъ его трудомъ, въ 1743 г., сочиненіе д'Алямбера, совершенно уничтожившее всѣ элементы философскаго спора, до него не дошло ³⁾. Благодаря этому, этотъ первый его трудъ,—по мысли смѣлый и вполнѣ научный—сразу оказался устарѣвшимъ пережиткомъ прошлаго. Такое отставаніе отъ быстрого роста естествознанія сохранилось у него до конца жизни. Такъ въ предисловіи ко второму изданію „Критики чистаго разума“ (1787) онъ приводитъ ⁴⁾, какъ блестящій примѣръ вліянія разума, бросившаго натуралистамъ яркій свѣтъ на темныя природныя явленія—на ряду съ открытіями Галилея и Торричелли—флогистонную теорію Сталя, ко-

¹⁾ *Kant, Gedanken v. d. Wahren Schätzung d. lebend. Kräfte „Sämmtl. Schriften“* (Berl. Ak.) I. B. 1902, p. 1 сл.

²⁾ Ср. *K. Tschuschner. Die philosophiegeschichtl. Voraussetz. d. Energetik.* Bern. 1901. p. 19. Тамъ же (p. 27 сл.) изложеніе позднѣйшихъ аналогичныхъ идей Канта.

³⁾ См. замѣчанія Лассвица въ академич. изданіи Канта — *Kant Sämmtl. Schr.* I B. 1902, p. 523.

⁴⁾ *Kant, Kritik d. Reinen Vernunft, her. v. B. Erdmann.* 5 Aufl. B. 1900 p. 19.

торая какъ разъ въ это время была разрушена гениемъ Лавуазье. Сохранились однако извѣстія, что опыты этого послѣдняго позже съ интересомъ обдумывались и обсуждались Кантомъ. Въ работахъ послѣднихъ лѣтъ Кантъ ясно сознавалъ значеніе антифлогистиковъ ¹⁾. Въ отличіе отъ современниковъ, въ научныхъ трудахъ Канта мы напрасно стали бы искать сведенія явленій къ новымъ областямъ, еще не охваченнымъ теоріей, указаній, напр., на явленія и факты электричества или магнетизма. Онъ относился къ этимъ объясненіямъ съ явнымъ предубѣжденіемъ ²⁾. Придавая въ дѣствительности въ своихъ теоріяхъ большое значеніе, какъ увидимъ ниже, даннымъ химіи, Кантъ въ пониманіи этихъ явленій не заходилъ дальше обобщеній Ньютона. Онъ на химическіе процессы смотрѣлъ съ точки зрѣнія физика. Напрасно стали бы мы искать въ его работахъ своеобразный научный химическій матеріалъ, которымъ щеголяли французскіе философы его времени. Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ трудовъ ³⁾ онъ даже отрицалъ за химіей право называться наукою, думалъ, что она навсегда останется „систематизированнымъ искусствомъ“, не станетъ такой наукой, какой являлись въ его глазахъ отрасли описательнаго естествознанія.

Чуждый по духу ученымъ старовѣрамъ, а по формѣ ученымъ новаторамъ, Кантъ былъ одинокъ среди передовыхъ ученыхъ своего времени. Этимъ, можетъ быть, объясняется то, что его научные труды обратили на себя такъ мало вниманія и не вызвали послѣдователей, если не считать вліянія, какое Кантъ оказалъ на многихъ, напр., на Гердера, своими лекціями физической географіи. Онъ не могъ, впрочемъ, имѣть учениковъ въ области естествознанія и благодаря приѣмамъ своей научной работы.

1) *Kant*, Von d. Einfluss d. Mondes auf die Witterung. 1794. Werke, her. Schubert u. Rosenkranz. VI. 1839. p. 413—414.

2) См. *Kant*, Betrachtung der seit einiger Zeit wahrgen. Erderschütt. 1755. „Werke“ II. 1839. p. 279—280.

3) *Kant*. Metaphys. Anfangsgr. d. Naturwiss. 1786. „Schrift.“, изд. Берлин. Акад. IV. В. 1903. p. 470.

8.

Никогда не выѣзжая изъ Кенигсберга, привыкнувъ съ молодости къ книжной работѣ, Кантъ въ области естествознанія столкнулся съ явленіями, которыя въ его время не могли способствовать развитію въ немъ интереса къ непосредственному эксперименту или наблюденію конкретныхъ объектовъ. Для натуралиста начала XX вѣка его научная работа кажется чуждой и мало знакомой формой дѣятельности.

Кантъ былъ натуралистомъ-наблюдателемъ. Научное наблюденіе въ естествознаніи уже въ то время довольно рѣзко распалось по объектамъ изслѣдованія на двѣ области. Въ одной имѣлись совершенно ясные и опредѣленные предметы изслѣдованія или описанія—растенія и животныя, минералы, кристаллы, ископаемая; эти наблюдательныя науки образовывали *царства природы*; онѣ стояли впереди всего описательнаго естествознанія того времени. Здѣсь натуралистъ въ окружающей природѣ непосредственно имѣлъ дѣло съ конкретными объектами изслѣдованія; ему не было надобности самому создавать въ сложномъ и неясномъ природномъ явленіи объекты, доступные научному изученію.

Но огромная область научнаго наблюденія уже въ то время не укладывалась въ рамки царствъ природы. Сюда—къ вопросамъ физической географіи и геологіи,—направились интересы Канта. Лишь постепенно при прогрессѣ науки выдѣлялись въ этихъ областяхъ простые элементы, теоретическіе объекты, которые могли служить предметомъ научнаго наблюденія. Все развитіе этихъ наукъ заключалось долгіе годы въ постепенномъ выдѣленіи объектовъ наблюденія, логически сравнимыхъ съ тѣми, которые были даны почти помимо человѣческихъ усилій въ царствахъ природы. На эту работу пошло цѣлое столѣтіе. Полтора ста лѣтъ назадъ, когда началась работа Канта, въ метеорологіи и климатологіи не были еще различены и выдѣлены столь всѣмъ понятные и популярныя элементы погоды или кли-

мата, въ геологіи не были даже намѣчены формы рельефа или тектоники, не говоря уже объ объектахъ исторической геологіи,—системахъ, ярусахъ, слояхъ или зонахъ.

Эти объекты наблюденія—въ исключительныхъ случаяхъ какъ, напр., Смитомъ въ исторической геологіи—могли быть созданы личнымъ наблюденіемъ; для ихъ вывода и для ихъ установленія надо было охватить огромный матеріалъ, непосредственно недоступный отдѣльному наблюдателю. Работа натуралиста носила книжный характеръ. Факты искались въ картахъ, въ описаніяхъ путешественниковъ, въ наблюденіяхъ толпы; на первое мѣсто выступалъ *сравнительный методъ* изслѣдованія, значеніе котораго въ этихъ областяхъ знанія было ясно и точно указано Кантомъ еще въ 1757 году ¹⁾. Вся работа натуралиста въ геологіи или физической географіи въ серединѣ XVIII столѣтія напоминала приемы и методы, которые еще недавно всецѣло царили въ этнографіи, фольклорѣ, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ географіи. Это было неизбѣжно и необходимо при данной фазѣ развитія науки. И лишь постепенно этимъ путемъ были выдѣлены новые объекты научнаго наблюденія.

Послѣ ихъ созданія характеръ работы натуралиста въ этихъ областяхъ знанія рѣзко измѣнился. Быстро организовались новыя научныя дисциплины—геологія или климатология. Среди новаго, научнымъ образомъ установленнаго матеріала исчезли и забылись громоздкія, тяжелыя построенія первыхъ работниковъ, чуждыя по формѣ съ далеко ушедшими впередъ трудами потомковъ. Понятно, что эти старинныя натуралисты-наблюдатели не могли оставить учениковъ. Ихъ работы были быстро отложены въ сторону—стали непонятными. Ихъ имена были быстро забыты. Ибо послѣ выдѣленія и созданія новыхъ объектовъ наблюденія вся прошлая работа въ этихъ наукахъ потеряла всякое значеніе. Таково было положеніе Канта въ исторіи геологіи

1) Kant, Entw. ein. Colleg. d. phys. Geogr. „Werke“ изд. Rosenkranz u. Schubert VI. 1839, p. 309.

и физической географіи, ибо здѣсь эта подготовительная работа въ общихъ чертахъ заканчивалась во второй половинѣ XVIII столѣтія, какъ разъ въ года творческой мысли Кенигсбергскаго философа.

9.

Въ области научной работы Канта самое рѣшительное вліяніе оказали двѣ крупныя идеи: 1) Идея всемірнаго тяготѣнія Ньютона въ связи съ соприкасающимся съ ней представленіемъ объ отталкивательныхъ силахъ и выведенномъ изъ нея Котсомъ и другими учениками Ньютона дѣйствіемъ силъ на разстояніяхъ ¹⁾ и 2) идея законѣрнаго измѣненія природныхъ тѣлъ и явленій во времени, генетическая идея природы, блестящимъ образомъ введенная въ кругъ обычныхъ вопросовъ дня около середины XVIII вѣка Бюффономъ.

Вліяніе Ньютона ²⁾ и Бюффона ³⁾ чувствуется на каждомъ шагу въ его научной мысли, отражается на его отношеніи къ предшествующимъ философскимъ системамъ, даетъ своеобразный отпечатокъ его творческой научно-философской работѣ.

Созданное на такой почвѣ пониманіе природныхъ явленій неизбежно приводитъ Канта къ столкновенію съ тѣми философскими системами, съ которыми долгое время не могла разстаться его мысль, вызываетъ новую самостоятельную творческую философскую работу его мышленія.

Законы Ньютона, впервые имъ опубликованные въ 1688 г., медленно и съ трудомъ проникали въ научное сознаніе.

¹⁾ Взгляды самого Ньютона на эти явленія толкуются различно. См. *Rosenberger*, J. Newton. L. 1895, p. 385—386, 407 сл.

²⁾ *Riehl*, Die philosoph. Criticismus. I. L. 1876. p. 234 сл. *D. Nolen*, *Revue Philos.* VIII. P. 1879 p. 114 сл.

³⁾ Вліяніе Бюффона на Канта достаточно не оцѣнено. Иногда Канту приписываютъ въ естествознаніи то, что сдѣлано Бюффономъ, напр. у *Dreger* *Kants Naturphilosophie* B. 1894 p. 42. Ср. впрочемъ интересныя указанія у *Unold*, *Die ethnolog. u. antropol. Anschauungen bei J. Kant u. Forster*. L. 1886., p. 19.

Они находились по существу въ прямомъ противорѣчїи со всѣми философскими системами. Они были поддержаны лишь теологами, искателями естественной религіи ¹⁾, еще долго встрѣчали сопротивленіе на континентѣ среди людей науки ²⁾. Когда въ 1727 году Ньютонъ умеръ, то только въ Англіи его результаты достигли полнаго признанія. Въ 1734 году Вольтеръ началъ побѣдоносную борьбу за нихъ во Франціи, гдѣ встрѣтился съ могущественными въ наукѣ картезіанцами. Позже въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ французскихъ ученыхъ, группировавшихся въ академіи Берлина, главнымъ образомъ Мопертюи, они окончательно побѣдили въ странахъ нѣмецкаго языка, гдѣ долго искали ихъ примиренія съ господствующей философїей Вольфа. Такъ Кантъ еще въ 1740—1750 годахъ пытался примирить теорію матерїи, исходящую изъ Ньютоніановыхъ построеній съ монадами Лейбница ³⁾.

Такимъ образомъ черезъ 70 — 80 лѣтъ послѣ своего окончательнаго провозглашенія, къ срединѣ XVIII вѣка, Ньютоновы воззрѣнія явились общепризнанной истиной и съ тѣхъ поръ безраздѣльно царятъ въ естествознаніи. На нихъ покоится идеальная цѣль современнаго точнаго знанія—свести всѣ наблюдаемыя явленія къ геометрическимъ законамъ движенія, привести познаваемый міръ къ механической схемѣ.

Допустивъ мгновенное дѣйствіе силъ на разстояніи, это вѣчное и непонятное чудо съ точки зрѣнія натуралиста, стоящаго на строгой почвѣ фактовъ, Ньютонъ, благодаря этому допущенію, достигъ поразительнаго упрощенія въ примѣненіи механическихъ законовъ къ явленіямъ природы, необычайно распространилъ область ихъ приложенія. Глу-

1) *Rosenberger*. I. с. 246.

2) См., напр., впечатлѣнія Лейбница и Гюйгенса у *Rosenberger'a*. I. с. p. 255.

3) Любопытныя указанія на перемѣну взглядовъ въ Германіи, въ срединѣ XVIII стол., въ связи съ Ньютоніановыми идеями у *L. Euler. Lettres à une princesse d'Allemagne*. 1761. Nouv. éd. par *Saisset*. P. 1843, p. 321.

боко релігійозный христіанинъ, онъ считалъ такое дѣйствіе силъ на разстояніи за непосредственное проявленіе Божества и даже видѣлъ въ этомъ доказательствѣ главнѣйшее значеніе своего труда ¹⁾). Но въ математическихъ основахъ естествознанія, не касаясь этого своего убѣжденія, онъ исходилъ изъ изученія порядка природы, вызываемаго какъ бы вліяніемъ силъ, мгновенно дѣйствующихъ на едва измѣримыхъ, на всякихъ разстояніяхъ. Ко второй половинѣ XVIII вѣка большинство ученыхъ, всецѣло признававшихъ схему идей Ньютона, оставило въ сторонѣ объясненіе всемірнаго тяготѣнія, стало принимать его за реальный фактъ, результаты дѣйствія котораго въ окружающей природѣ являлись удобнымъ объектомъ измѣренія и вычисленія.

Стремленіе охватить всѣ явленія открытой гениемъ Ньютона первопричиной—всемірнымъ тяготѣніемъ—становилось въ наукѣ съ 1730 годовъ все сильнѣе и глубже по мѣрѣ того, какъ развивалась теорія неба, вымирали самостоятельные научные противники идей Ньютона, или ученые, принявшіе ихъ въ зрѣломъ возрастѣ, подростали научныя поколѣнія, всецѣло воспитавшіяся на научномъ міровоззрѣніи, проникнутомъ этими идеями. Въ то же время поставленная Ньютономъ цѣль казалась легко и ясно доступной: еще не былъ пережитъ періодъ разочарованій, связанный съ приложеніемъ этихъ идей въ области молекулярныхъ явленій.

Подъ вліяніемъ Ньютона тѣ отрасли естествознанія—физика, механика, астрономія,—на которыхъ и въ связи съ которыми выросла вся философія XVII вѣка, претерпѣли въ 1720—1750 годахъ коренное измѣненіе. По отношенію къ нимъ схемы господствующихъ философскихъ системъ становились все болѣе устарѣлыми и неприложимыми. И темпъ такого отхожденія охваченной гениемъ Ньютона науки отъ философіи съ каждымъ годомъ усиливался.

¹⁾ *Rosenberger*. 1. с., р. 418 сл.

10.

Не менѣе характерную черту въ исторіи мысли XVIII вѣка составляетъ расцвѣтъ описательнаго естествознанія, сперва въ области „царствъ природы“. Судьба этихъ отдѣловъ естествознанія въ исторіи человѣчества крайне любопытна и своеобразна. Мы привыкли теперь считать ихъ естественными науками *par excellence*: ботаника, зоологія, минералогія—въ описательной своей части—невольно приходятъ намъ на мысль, когда мы говоримъ объ естественныхъ наукахъ. Между тѣмъ эти отрасли знанія долго стояли въ сторонѣ и вовсе не занимали виднаго мѣста въ общей схемѣ естествознанія.

Въ эпоху возникновенія современнаго научнаго міровоззрѣнія, въ XVI и первой половинѣ XVII столѣтія, были положены ихъ основы въ трудахъ Уоттона, Цезальпина, Геснера, братьевъ Богеновъ, Альдрованди, Агриколы (Бауэра). Однако изслѣдователи, работавшіе надъ созданіемъ этихъ наукъ, были въ числѣ противниковъ новаго научнаго міровоззрѣнія, тѣсно были связаны, если не прямо съ схоластической философіей, то съ Аристотелемъ и нерѣдко упорно и горячо боролись съ новыми теченіями, разрушавшими Аристотелеву физику или механику ¹⁾. Понятно поэтому, что всѣ эти отрасли знанія остались въ сторонѣ и не оказали вліянія на развитіе новой философіи, тѣсно связанной съ расцвѣтомъ тѣхъ отдѣловъ естествознанія, которые разрушали схемы схоластической натурфилософіи. Лишь позже—во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ—наблюдается болѣе замѣтное вліяніе этихъ отраслей знанія на философскую мысль. Они проникли туда неожиданнымъ путемъ—черезъ *теологію*. Въ концѣ XVII в. въ „Библии Природы“ и другихъ трудахъ Сваммердама, въ натурфилософ-

¹⁾ На связь первыхъ зоологовъ и ботаниковъ съ гуманистами указывалъ уже Кювье. См. *Cuvier. Hist. des sciences natur., red. par Magdeleine de St. Agy.* II. P. 1841. p. 60 сл., 218, 241. Къ сожалѣнію, исторія описательнаго естествознанія XV—XVII вѣковъ научно не обработана.

скихъ работахъ Коменскаго ярко вылилась широко распространенная идея того времени о цѣлесообразности въ организаціи живыхъ существъ, въ организаціи природы.

Религіозное чувство, нерѣдко охватывавшее натуралиста-наблюдателя во время его работы, выразилось здѣсь очень ярко. При глубокомъ интересѣ философіи XVII вѣка къ теологическимъ вопросамъ, данныя описательныхъ наукъ оказали извѣстное вліяніе на философію Лейбница и на исходящія изъ нея философскія теченія. Но это вліяніе было, если можно такъ выразиться, прикладного характера. Данныя описательнаго естествознанія служили лишь иллюстраціей заботливаго вмѣшательства Божественнаго Промысла въ порядокъ Природы.

Между тѣмъ, въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ области описательнаго естествознанія наблюдается новое могучее теченіе, приведшее въ концѣ-концовъ къ полному измѣненію и необычайному его развитію. Линней съ своей системой природы и Бюффонъ съ естественной исторіей служатъ наиболѣе видными и вліятельными выразителями главныхъ сторонъ происшедшаго здѣсь перелома въ развитіи человѣческой мысли. Идя по слѣдамъ мало понятыхъ предшественниковъ XVII столѣтія, главнымъ образомъ Рея, Линней ¹⁾ поставилъ задачей описательнаго естествознанія расположеніе объектовъ наблюденія—элементовъ царствъ природы — по яснымъ и конкретнымъ признакамъ въ извѣстный *порядокъ*, который бы въ концѣ-концовъ позволилъ приблизиться къ пониманію той явной закономерности, которая бросалась въ глаза каждому натуралисту въ окружающей его природѣ. Онъ примѣнилъ къ безбрежному полю описательнаго естествознанія по существу тотъ же самый чисто *аналитическій* пріемъ, который въ XIX вѣкѣ позволилъ посредствомъ развитія идей Фурье создать современную математическую физику.

¹⁾ О значеніи Линнея см. *Perrier, La philosophie zoolog. avant Darwin.* P. 1896. p. 32 сл.; *Fries, Linné. II. St.* 1903. p. 259, 432 сл.

Постепенно, по мѣрѣ указаній наблюденія, улучшая свои искусственныя классификаціи, Линней разсчитывалъ подойти къ все болѣе полному и глубокому объясненію природы и поставилъ конечной задачей науки—дать такую естественную классификацію ея объектовъ, которая позволила бы обнять основныя принципы, опредѣляющіе строеніе видимаго міра. При примѣненіи идей Линнея сразу открылось множество совершенно неожиданныхъ правильностей и соотношеній, возникли совершенно новыя научныя вопросы, не приходившіе въ голову предшествовавшимъ натуралистамъ, появилась возможность научнаго изслѣдованія тамъ, гдѣ раньше предполагалась „игра природы“ или неподчиняющіяся строгимъ законамъ волевыя проявленія созидательной ея силы. Понятенъ, поэтому, тотъ энтузіазмъ, съ которымъ была встрѣчена работа великаго шведскаго натуралиста. Идеи и методы Линнея сразу охватили все естествознаніе, вызвали тысячи работниковъ, въ короткое время въ корнѣ измѣнили весь обликъ наукъ о царствахъ природы. Въ исторіи человѣческой мысли они имѣли огромное значеніе, ибо они стояли совершенно *внѣ* всѣхъ господствующихъ философскихъ схемъ. Ни послѣдствія, изъ нихъ истекавшія, ни представленія о системѣ природы, ими созданныя, получившія господство въ естествознаніи, не предвидѣлись и не имѣли мѣста или считались неважными въ философскихъ системахъ XVII столѣтія. Лишь теологія могла воспользоваться этой научной революціей: она извлекла изъ нее новое доказательство видимаго проявленія планомѣрной дѣятельности Божественнаго Провидѣнія, — доказательство, охватывающее всю природу безъ исключенія. ¹⁾

II.

По существу на почвѣ Линнеевской работы стоитъ въ срединѣ XVIII вѣка его современникъ и соперникъ Бюф-

¹⁾ Любопытно, что и самъ Линней, подобно Ньютону, занимался теологическими вопросами и сильно чувствовалъ религіозное значеніе своей работы. См. *Fries* l. c. II. St. 1903. p. 156 сл.

фонъ, оказавшій не менѣе, если не болѣе глубокое вліяніе на человѣческую мысль. Въ отличіе отъ Линнея Бюффонъ пытался сразу подойти къ естественной классификаціи, искалъ общаго *принципа*, который бы позволилъ ему объяснить порядокъ природы и разнообразныя сходства, какія наблюдаются между ея объектами. Этотъ принципъ Бюффонъ нашелъ въ *эволюціонной идее*, въ извѣстномъ генетическомъ соотношеніи, существующемъ между близкими по признакамъ животными или растительными видами, вообще между разными тѣлами природы ¹⁾. Историческій принципъ, игравшій столь малую роль въ философскихъ идеяхъ XVII вѣка ²⁾, Бюффонъ распространилъ на всю область научно захваченную естествознаніемъ, на всю видимую природу. Совершенно непредвидѣнно, благодаря такому расширенію области приложенія *исторіи*, совершился переломъ въ европейскомъ обществѣ въ пониманіи значенія *времени*. Немногія тысячелѣтія, съ которыми, подъ вліяніемъ Библии и лѣтописныхъ преданій политической исторіи, привыкли считаться образованные люди того времени, поблекли и отошли на второй планъ передъ десятками или сотнями тысячъ лѣтъ, въ которые неизбѣжно должны были укладываться тѣ явленія, результаты которыхъ открывались въ окружающей насъ природѣ реконструкціями или неизбѣжными послылками Бюффоновой естественной исторіи. На всемъ огромномъ протяженіи времени сохранялся порядокъ природы, и хотя картина явленій вполнѣ мѣнялась и имѣла мало, на видъ, общаго съ окружающимъ насъ внѣшнимъ

¹⁾ О Бюффонѣ, кромѣ устарѣлыхъ теперь работъ Флуранса (*Flourens, Histoire des idées et des travaux de Buffon. P. 1854. Eto же. Les manuscrits de Buffon. P. 1860*) см. *Perrier. Philos. zoolog. P. 1896 p. 56 сл. A. Dastre. Revue de Deux Mondes P. 1900 (4) vol. 157 p. 202 сл.*

²⁾ Исключеніе составляетъ философія Лейбница. Но главныя работы Лейбница въ этомъ направленіи поздно начали оказывать вліяніе. *Protogaea* Лейбница увидѣла свѣтъ лишь въ 1745 г. Ср. замѣчанія у *Merz. Hist. of European thought in XIX cent. II. L. 1903. p. 282*. Впрочемъ отрывки изъ *Protogaea* были напечатаны уже въ 1693 году. См. *F. Schmöger, Leibniz in seiner Stellung z. tellur. Physik. Münch. 1901 p. 38*.

міромъ, вся современная природа оказывалась генетически связанной съ прошлымъ, и, что всего важнѣе, только этимъ путёмъ удавалось объяснить отдѣльныя, нерѣдко крупныя, ея черты, которыя иначе казались недоступными научному объясненію. Если даже *объясненія* Бюффона и не были принимаемы, оказывались внѣшними и явно невѣрными—основной, имъ выдвинутый *принципъ*, исторіи—значение времени—оказалъ въ естествознаніи глубокое и плодотворное вліяніе.

Послѣ него стало невозможнымъ ограничиваться при изученіи многочисленныхъ и разнообразныхъ явленій природы однимъ описаніемъ, исканіемъ *нынѣ* дѣйствующихъ въ нихъ причинъ, надо было въ настоящемъ искать прошлое и объяснять это небольшое настоящее, какъ результатъ вѣковой дѣятельности почти безконечнаго, теряющагося въ глубинѣ вѣковъ прошлаго. И однако эти идеи Бюффона стояли въ сторонѣ отъ метафизическихъ системъ, сложившихся въ XVII и началѣ XVIII вѣка.

12.

Въ рамкахъ такихъ основныхъ вопросовъ для будущаго науки, на фонѣ передовыхъ идей второй половины XVIII столѣтія всецѣло сосредоточивается научная работа Канта. Она представляетъ попытку ихъ синтеза.

Оригинальность его научной работы заключается въ томъ, что онъ примѣнялъ одновременно какъ обобщенія Ньютона, такъ и понятіе *времени* къ разнообразнымъ конкретнымъ явленіямъ природы въ области неорганическихъ наукъ, въ астрономіи, геологіи, физической географіи. Онъ часто и во многомъ ошибался, но благодаря глубинѣ и силѣ своего ума онъ не разъ достигалъ—въ крупномъ и мелкомъ—обобщеній, открытій и точекъ зрѣнія, которыя до него не приходили въ голову его современникамъ и изъ которыхъ многія получили значеніе, научный—если можно такъ сказать—смыслъ только въ наше, или ближайшее, къ намъ, время. Далекое не все имъ найденное было ново и для его време-

ни. Кое-что, какъ мы теперь знаемъ, было сдѣлано другими раньше него; но Кантъ достигалъ своихъ результатовъ самостоятельно и труды этихъ его предшественниковъ такъ же какъ и работа самого Канта не были оцѣнены современниками. Такъ въ своей теоріи матеріи, которая представляла своеобразное и очень любопытное приложеніе принциповъ Ньютонова міровоззрѣнія къ объясненію молекулярныхъ процессовъ, Кантъ имѣлъ предшественника въ лицѣ Бошковича, который за немного лѣтъ до него развилъ съ большей полнотой и глубиной аналогичныя идеи ¹⁾. Заслуги Бошковича были признаны лишь въ XIX вѣкѣ. Въ теоріи вѣтровъ ²⁾ Кантъ ³⁾, не зная того, повторилъ выводы Гадлея (1735) ⁴⁾,—выводы, которые, однако, въ его время были отодвинуты на второй планъ силою авторитета д'Алямбера ⁵⁾, не пользовались никакимъ распространеніемъ. Лишь въ XIX вѣкѣ, въ 1837 г. ихъ значеніе было возстановлено Дове.

Для насъ болѣе интересны, однако, новыя вполнѣ оригинальныя идеи Канта. Наиболѣе важны его идеи въ области наукъ о неорганической природѣ ⁶⁾.

¹⁾ См. *R. Endler, Kants physische Monadologie in Verhältniss zur Philosophie u. Naturwiss. der Zeit.* L. 1902. p. 48 сл. Теоріи Канта и Бошковича однако рѣзко отличались въ пониманіи динамической стороны вопроса. Кантъ критиковалъ теорію Бошковича. См. *Kant Metaphysische Anfangsgr. d. Naturw. „Sämmtl Werke“* IV B. 1904 p. 504, 642. О теоріи матеріи Канта см. *Tannery, Revue philos.* P. 1885. v. 19. p. 26 сл.

²⁾ О значеніи работъ Канта въ теоріи вѣтровъ. Ср. *Zöllner.* I. c. 1872. p. 476. *Günther.* I. c. II. 1899. p. 199. *Reuschle.* I. c. p. 68—70.

³⁾ *Kant. Neue Anmerk. z. Erl. d. Theorie d. Winde 1756.* „Sämmtl. Schr.“, изд. Берл. Акад. I. B. 1902. p. 489 сл.

⁴⁾ Насколько работы Гадлея были забыты, видно, напр., изъ того, что Довэ (*Pogg. Ann.* 1835. 36. p. 321) и вслѣдъ за нимъ Целльнеръ (*Zöllner. Ueb. d. Natur d. Cometen.* 1872. p. 476) смѣшали Гадлея (1735) съ Галлеемъ (1685), работа котораго была исправлена Галлеемъ. Лишь позже въ 1837 году Довэ исправилъ ошибку и возстановилъ значеніе работъ Гадлея. См. *Dove Meteorol. Unters.* B. 1837 p. 245 сл.. О жизни Гадлея ничего не извѣстно. См. *Poggendorff. Lexic.* I. L. 1863. p. 989.

⁵⁾ См. *S. Günther. Geophys.* II. 1899. p. 178.

⁶⁾ Объ оригинальности и о значеніи его идей въ геологіи XVIII вѣка см. *T. Huxley. Quart. Journ. Geolog. Soc.* v. 25. L. 1869 pp. XIV—XVI.

Въ 1754 г. въ небольшомъ мемуарѣ ¹⁾ онъ указалъ на значеніе приливовъ и отливовъ моря, происходящихъ подъ вліяніемъ притяженія солнца и луны, какъ фактора, измѣняющаго скорость вращенія земли вокругъ оси. Медленно и неуклонно, благодаря однообразнымъ движеніямъ океана, независимымъ отъ суточного вращенія земли происходитъ *трѣніе* и въ результатѣ этого тренія должно замедляться вращеніе земли, должны удлиняться наши день и ночь. Кантъ, впрочемъ неудачно, пробовалъ даже вычислять эти замедленія. Почти черезъ сто лѣтъ послѣ него, — въ 1848 г., тотъ же совершенно вѣрный выводъ изъ механической картины неба былъ вновь независимо отъ Канта сдѣланъ гениальнымъ самородкомъ Робертомъ Майеромъ ²⁾, повторенъ Гельмгольцомъ, Томпсономъ, французскимъ астрономомъ Делонэ ³⁾ и наконецъ въ наше время привелъ къ одной изъ наиболѣе оригинальныхъ космогоническихъ гипотезъ — къ гипотезѣ мірозданія Джорджа Дарвина. Съ тѣхъ поръ эта идея не сходитъ съ поля научнаго горизонта.

Въ связи съ этимъ вопросомъ въ интересной работѣ, въ томъ же 1754 году, Кантъ ⁴⁾ остановился на другомъ — тоже вполне современномъ вопросѣ, на вопросѣ о возрастѣ земли и о значеніи въ ея исторіи мелкихъ и незамѣтныхъ въ короткіе періоды времени процессовъ денудации. Работа эта вызвана распространенной въ его время идеей о постепенномъ уменьшеніи плодородія земли ⁵⁾. Уже Бюффонъ ⁶⁾ понималъ и совершенно ясно и полно проводилъ основной прин-

¹⁾ *Kant*. Ob die Erde in ihrer Umdrehung um die Achse... einige Veränderung... erlitten habe etc. 1754 „Gesam. Schriften“ изд. Берл. Ак. I. В. 1902 р. 185 сл.

²⁾ *R. Mayer*. Beitr. z. Dynamik d. Himmels 1848. „Die Mechanik d. Wärme in gesamm. Schriften v. R. Mayer“, her. I. I. *Weyrauch*. 2-te Aufl St. 1893 р. 186 сл. Майеръ не зналъ о работѣ Канта. См. *Его же* Ueb. Erdbeben 1870 ib. р. 372 сл.

³⁾ Ср. литер. данныя у I. Rahts'a въ Академ. изданія сочиненій Канта. „Ges. Schr.“ I. 1902. р. 539. Также *Becker* Americ Journ. of Sc. 1898. р. 111 сл.

⁴⁾ *Kant* Die Frage: ob die Erde veralte? physikalisch erwogen 1754 ib. 195 сл.

⁵⁾ *Kant*. I. c. Sämmtl. Schriften (Berl. Ak.) I. В. 1902. р. 197.

⁶⁾ Ср. *Schöne* I. c. 282 (здѣсь и литерат.)

цпиль современной геологіи и біологіи—значеніе огромныхъ промежутковъ времени. Мелкія незамѣтныя явленія, процессы, происходящіе на каждомъ шагу и нами нечувствуемые по своей незначительности, накаплиаясь во времени, производятъ самые грандіозные перевороты и измѣненія. Это является простымъ логическимъ выводомъ изъ генетическаго взгляда на окружающую природу. Введеніе въ научную мысль этого понятія должно быть сочтено одною изъ величайшихъ заслугъ Бюффона. По его слѣдамъ ту же идею не разъ образно и ярко высказывалъ и Кантъ ¹⁾, который былъ однимъ изъ немногихъ, сразу понявшихъ все теоретическое значеніе этой простой мысли. Въ частномъ случаѣ, обративъ вниманіе на постоянное разрушеніе окружающей твердой земной коры рѣками и текучими водами и принявъ неизбѣжность того же процесса въ теченіе долгихъ періодовъ времени, Кантъ пришелъ къ заключенію, что въ результатѣ этихъ мелкихъ и незамѣтныхъ процессовъ рельефъ земной коры долженъ сглаживаться и земной шаръ долженъ въ концѣ-концовъ стать круглымъ и выглаженнымъ, а каждая мѣстность пріобрѣсти равнинный характеръ; въ предѣлѣ должны исчезнуть всѣ механическія причины движенія водъ и всѣ связанныя съ ними—едва ли нами цѣнимыя—неизбѣжныя условія жизни и культуры. Въ теченіе долгихъ вѣковъ земной шаръ долженъ дряхлѣть и приходитъ въ равновѣсіе, въ мертвое спокойствіе. Если этого нѣтъ, то только потому, что въ жизни земли есть процессы, дѣйствующіе въ противоположномъ направленіи. Вначалѣ онъ видѣлъ эту причину въ извѣстномъ дѣйствии невѣдомаго „міроваго духа“, но позже пришелъ къ болѣе современнымъ выраженіямъ своего взгляда ²⁾. Онъ нашелъ конкрет-

¹⁾ *Kant* Gesam. Schriften. изд. Берл. Ак. I. В. 1902 р. 188 (1754), р. 211—212 (1754). *Kant*. Entw. ein. Colleg. d. phys. Geogr. 1757 „Weike“, her. Rozenkranz u. Schubert. VI. 1839 р. 306. *Его же* Vorles. üb. phys. Geogr. ib. 557, 696 и т. д.

²⁾ О „міровомъ духѣ“ (*Weltgeist*)—*Kant* Ob. die Erde veralte? 1754 „Sämmtl. Schr.“ (Ак.). I. В. 1902. р. 211 — 212. М. б. правъ К. Фишеръ (*Gesch. neuer. Philös.* — *Kant*. I. Heid. 1898. р. 176), что Кантъ подъ этимъ именемъ

ныя причины и среди нихъ въ своихъ работахъ остановился на двухъ—на *землетрясеніяхъ*¹⁾ и на *вулканическихъ изверженіяхъ*. Разрушеніе въ теченіе нѣсколькихъ минутъ землетрясеніемъ въ 1755 году цвѣтущаго города Лиссабона—гибель десятковъ тысячъ людей и накопленныхъ вѣковой культурой созданий его труда—явилось фактомъ крупнаго значенія въ исторіи человѣческой мысли. Изъ этой трагедіи, трудно укладывавшейся въ рамки телеологическихъ идей, въ теченіе всей второй половины вѣка исходили разнообразныя философскія, религіозныя и научныя исканія²⁾. Кантъ отнесся къ этому землетрясенію, какъ ученый. Онъ оставилъ тщательное, вполне научное критическое его описаніе³⁾, которое еще недавно привело одного изъ послѣднихъ научныхъ изслѣдователей лиссабонскаго землетрясенія къ любопытному *quiproquo*, которое можетъ служить безпристрастной оцѣнкой научной силы этого труда Канта. Пользуясь изданіемъ сочиненій Канта, сдѣланнымъ Шубертомъ—въ 1839 году—Верле⁴⁾ принялъ эту работу Канта за произведеніе ученаго второй четверти XIX вѣка, оцѣниваетъ ее съ этой точки зрѣнія и указываетъ на вліяніе на Канта одного изъ создателей современной геологіи—Гоффа, работа котораго вышла черезъ 20 лѣтъ послѣ смерти Канта. Трудъ стараго философа съ честью выдержалъ эту провѣрку, основанную на недоразумѣніи... Кантъ считалъ причину земле-

понималъ неизвѣстный тогда кислородъ. Объ измѣненіи съ теченіемъ времени геологическихъ взглядовъ Канта въ связи съ развитіемъ его космогоніи (въ 1755) любопытныя указанія у *Schöne* l. c. p. 264.

1) О состояніи ученія о землетрясеніяхъ въ срединѣ XVIII вѣка см. *Вернадскій*. О значеніи трудовъ Ломоносова (Ломоносовскій Сборн. М. 1901. стр. 16 сл.)

2) Стоитъ вспомнить споръ Руссо съ Вольтеромъ объ идеѣ божества, въ связи съ этимъ землетрясеніемъ. Ср. К. *Fischer* *Gesch. d. neuer. Phil. Kant. I. Heid.* 1898 p. 195—196.

3) *Kant. Gesch. u. Naturbesch. d. merkwürdig. Vorfälle d. Erdbebens, welches am d. Ende d. J. 1755 einen grossen Theil. Erde erschüttet hat. 1756.* „Sämmt. Schr.“ (Berl. Akad). I. B. 1902. p. 429—462.

4) *H. Wörle* *Die Erdschütterungsbezirk d. grossen Erdbeben zu Lissabon.* Münch. 1900. p. 13, 85, 92.

трясеній ¹⁾ связанной съ образованіемъ горъ, съ вулканической дѣятельностію; въ общемъ онъ видѣлъ ихъ ближайшей поводъ въ химическихъ процессахъ, идущихъ внутри земной коры, въ зависимости отъ внутренней теплоты земного шара. Ту же самую причину онъ принималъ и для вулкановъ, въ которыхъ видѣлъ самыя позднія проявленія застывающей и отвердѣвающей планеты. Но наиболѣе интересную и оригинальную черту этихъ идей Канта составляетъ то, что онъ разсматривалъ вулканическіе процессы, какъ космическій процессъ, вывелъ ихъ изъ космогоническихъ возрѣній, построенныхъ на теоріи всемірнаго тяготѣнія, т. е. связалъ ихъ съ идеями Ньютона. Кантъ признавалъ вулканы луны ²⁾ за образованія, аналогичныя земнымъ, но сравнивалъ ихъ, совпадая въ этомъ съ нѣкоторыми современными изслѣдователями, не съ нашими вулканами, а съ своеобразными замкнутыми горными кряжами; какъ примѣръ такой земной аналогіи онъ приводилъ горныя кряжи, окружающіе Чехію ³⁾.

Въ этомъ переносѣ на явленія вулканизма теоріи тяготѣнія путемъ космогоническихъ возрѣній надо видѣть наиболѣе самостоятельную черту научнаго генія Канта. Въ области же космогоническихъ идей мы встрѣчаемся съ наиболѣе общепризнанной заслугой Канта въ естествознаніи. Несомнѣнно, въ этой области Кантъ явился совершенно самостоятельнымъ и выдающимся работникомъ. Съ эпохи Возрожденія, космогоніи занимали видное мѣсто среди интересовъ ученыхъ и философовъ. Но до Канта ни одна изъ космогоническихъ гипотезъ не была логически связана съ теоріей всемірнаго тяготѣнія и слѣдовательно, къ его времени всѣ онѣ стояли въ полномъ противорѣчій съ основ-

1) *Kant* Betrachtung d. seit einiger Zeit wahrgenommenen Erdschütterungen 1755. Sämmtl. Schriften (Берл. Акад.) I. В. 1902. p. 463 сл.

2) *Kant* Ueb. d. Vulcane im Monde. 1785. «Werke», her. Schubert u. Rosenkrantz. VI L. 1839 p. 394 сл.

3) *Kant* I. с. 395.

ными данными небесной механики ¹⁾. Это правильно и для наиболѣе близкихъ и м. б. извѣстныхъ Канту космогоній Бюффона ²⁾ и Сведенборга ³⁾. Кантъ первый попытался дать представленіе о происхожденіи вселенной, предполагая ее во всѣ времена и во всѣхъ своихъ частяхъ подчиненной механическимъ законамъ, выведеннымъ Ньютономъ. Онъ изощель при этомъ изъ обобщеній надъ строеніемъ звѣзднаго свода, данныхъ Райтомъ ⁴⁾, гл. обр. изъ его идеи о млечномъ пути, какъ о проэкціи на нашъ небесный сводъ слоя или диска звѣздъ, составляющихъ одну опредѣленную мировую систему. Райтъ положилъ свои обобщенія въ основу нѣскольکو фантастической космогоніи, но ими воспользовался Кантъ для того, чтобы объяснить наблюдаемыя правильности, исходя изъ всемірнаго тяготѣнія. Космогоническая теорія Канта не была замѣчена современниками, хотя Кантъ нѣсколько разъ возвращался и перерабатывалъ ее съ 1755 г. по 1791 ⁵⁾. Въ концѣ вѣка (1795)—черезъ пять лѣтъ послѣ послѣдняго опубликованія Кантомъ его системы,—Лапласъ въ изящной и строго научной формѣ вновь независимо отъ него издалъ опытъ космогоніи, въ примѣненіи къ солнечной системѣ, положивши въ основу его тѣ же идеи, которыя руководили Кантомъ. Эти идеи Лапласа вошли въ общее сознаніе, тогда какъ только въ серединѣ XIX вѣка были вновь

¹⁾ Теоріи Уистона и Бернетта принимали Ньютониановы воззрѣнія, но ихъ космогоніи основывались на *случайности*, на столкновеніи солнца съ кометой. См. обзоръ и литературу космогоній у *Günther* I. c. I. 1897. p. 44 сл.

²⁾ Для Бюффона см. *P. Flourens Hist. des travaux et des idées de Buffon*. P. 1850. p. 202 сл. О вліяніи Бюффона на Канта см. замѣчанія *I. Rahts'a* въ Академич. изд. сочиненій Канта. I. B. 1902 p. 549—550.

³⁾ *M. Nyrén Vierteljahrsschr. Astron. Ges. XIV. L. 1879. p. 80 сл. E. Holden North Americ Review. v. 133. N. J. 1880. p. 378. сл. Cp. H. Schlieper E. Swedenborgs System d. Naturphilosophie. L. 1901. p. 18.*

⁴⁾ О немъ см. *M. Jacobi Preuss. Jahrb. v. II 7. B. 1904 p. 244 сл. Nyrén I. c.*

⁵⁾ *Kant Allgem. Naturgesch. u. Théorie d. Himmels. 1755. «Sämmtl. Werke»* (Акад.) I. 1902. p. 221 сл. *Его же Der einzig mögliche Beweisgrund zu einer Demonstration d. Daseins Gottes 1763. Его же Ueb. d. Vulcane im Monde 1785. (Werke, изд. Schubert u. Rosenkranz. VI. 1839 p. 393 сл. Его же Auzzug aus d. Allgem. Naturgesch. d. Himmels у Gensicher'a W. Herschel: Ueb. d. Bau d. Himmels. 1791. (перепеч. въ Рекламовскомъ изданіи Naturgesch. d. Himmels).*

Вопросы философіи, кн. 76.

вызваны изъ забвенія старинныя мысли Канта. Съ тѣхъ поръ подѣ влияніемъ преподаванія и популярной литературы Кантъ-Лапласова гипотеза о происхожденіи Вселенной вошла въ общее сознаніе, стала частью научнаго міропониманія. Она можетъ быть приобрѣла даже большее значеніе, чѣмъ какое ей можно придавать при строгомъ отношеніи къ научнымъ требованіямъ ¹⁾. Но несомнѣнно, она является до сихъ поръ наименѣ фантастичной картиной былого Вселенной и оказала многообразное и глубокое влияніе на научную мысль и на научную работу въ геологіи, астрономіи и соприкасающихся съ ними научныхъ дисциплинахъ въ теченіи цѣлаго столѣтія. Въ общемъ, во всѣ современныя космогоніи неизбѣжно входятъ многія положенія, установленныя Кантомъ; это и понятно, такъ какъ Кантъ построилъ свою космогонію на идеяхъ Ньютона, охватывающихъ понынѣ все естествознаніе.

Я не буду останавливаться на изложеніи теоріи Канта, такъ какъ она всѣмъ извѣстна ²⁾. Онъ свелъ весь видимый міръ на эволюціонный процессъ, въ которомъ, по строгимъ законамъ механики изъ туманности—первичнаго хаоса,—образуются звѣздныя и планетныя системы, выдѣляются солнца, планеты, кометы, космическія тѣльца и пыль. При логическомъ разслѣдованіи своей теоріи Кантъ пришелъ ко многимъ вѣрнымъ и многимъ невѣрнымъ положеніямъ, но основная мысль его въ теченіи столѣтія не давала рѣзкихъ диссонансовъ съ развитіемъ естествознанія.

Я хочу, однако, остановиться на одной сторонѣ его гипотезы, такъ какъ она представляетъ современный интересъ и служить любопытной иллюстраціей измѣненія нашего взгляда на прошлое науки.

¹⁾ Ср. *Becker Amer. Journ. of. Sc.* 1898. V p. 100 сл. *Moulton Astrophys Journ.* XI. Ch. 1900 p. 103 сл. *Chamberlin Journ. of geol.* VIII. Ch. 1900 p. 58 сл.

²⁾ Литература о гипотезѣ Канта огромна. См. ея изложеніе и критич. оцѣнку у *Faye L'origine du monde.* P. 1885 p. 133 сл. *Wolff Hypothèses cosmogon.* P. 1886. p. 8 сл., 105 сл. *Eberhard Die Kosmogonie v. Kant W.* 1893 (дана литература) *Schöne* I. c. p. 238 сл. *Günther* I. c. I. 1897. p. 45 (лит.). *Wolf Handb. d. Astron. I. Zür.* 1890 p. 595 (лит.).

Во всѣхъ космогоническихъ системахъ камнемъ преткновенія служить вопросъ о *зарожденіи* Вселенной, о той *причинѣ*, которая вызвала образованіе закономѣрныхъ небесныхъ системъ. Намъ трудно представить себѣ безначальный закономѣрный процессъ. Мнѣ кажется, что въ гипотезѣ Канта есть очень любопытная попытка научно опредѣлить начало нашей Вселенной, есть мысль, можетъ быть высказанная имъ безсознательно, на которой онъ не настаиваетъ, но которая, по моему мнѣнію, получаетъ особый интересъ въ настоящее время, такъ какъ, повидимому, къ тѣмъ же идеямъ приводятъ насъ современные выводы естествознанія. Въ хаосѣ Канта первоначальной причиной, вызывающей зарожденіе Вселенной служатъ химическія силы, которыя вызываются разнородностію элементовъ, на которые распадается разрѣженная до крайнихъ предѣловъ матерія ¹⁾. Другими словами Кантъ *implicite* предполагаетъ, что *раньше* той фазы мірового развитія, которая слагалась подъ вліяніемъ тяготѣнія, существовалъ міровой процессъ, въ которомъ матерія была настолько разрѣжена, что всемірное тяготѣніе не могло имѣть проявленія. Источникомъ энергіи, давшимъ начало современной міровой системѣ, явились взаимодѣйствія разряженныхъ разнородныхъ элементовъ матеріи.

Сравнимъ съ этими идеями наши современные представленія, которыя начинаютъ слагаться подъ вліяніемъ изученія радиоактивности, подставимъ вмѣсто разрѣженныхъ элементовъ Канта—распаденіе матеріи, подчиняющейся тяготѣнію,

1) Объ этомъ у *Schöne* I. с. p. 238 сл. *Kant* Naturgesch. d. Himmels. Sämtl. Schriften, изд. Берл. Ак. I. 1902. p. 225, 230, 263 слл., 282. *Его же* Ueb. d. Vulcane im Monde. „Werke“ VI. изд. Шуберта L. 1839. p. 400.—Идея Канта о достаточности понятій *разнородности* элементовъ матеріи и ея крайней разрѣженности,—причемъ начинаютъ проявляться новыя силы и явленія—для объясненія зарожденія Вселенной, подчиненной законамъ всемірнаго тяготѣнія—красной нитью проходитъ во всей его космогоніи. Она не обращала на себя вниманія лишь благодаря господствовавшимъ въ наше время представленіямъ о химическомъ элементѣ и химическихъ процессахъ. Она тѣсно связана съ представленіемъ Канта о различіи *сцѣпленія* (Cohaesio) и *тяготѣнія* (Attractio). Объ этомъ различіи см. *Thiele* Die Philosophie J. Kants I, 1. Halle 1881. p. 167 сл., 172.

на неподчиненные тяготѣнію электроны, примемъ во вниманіе огромныя количества энергіи, которыя при этомъ процессѣ должна выдѣляться;—мы получимъ большую аналогію между современными намъ представленіями о возможномъ источникѣ энергіи Вселенной, подчиняющейся законамъ Ньютона съ воззрѣніями, высказанными въ блестящей интуиціи Кенигсбергскимъ отшельникомъ въ его молодые годы, полтора ста лѣтъ тому назадъ... Эти мысли Канта еще три-четыре года тому назадъ едва ли встрѣтили бы съ нашей стороны такое къ нимъ отношеніе.

Я не буду занимать ваше вниманіе изложеніемъ другихъ работъ Канта въ области наукъ объ органическомъ мірѣ, главнымъ образомъ въ антропологіи ¹⁾, гдѣ онъ справедливо причисляется къ предшественникамъ современнаго эволюціонизма и гдѣ онъ былъ послѣдователемъ Бюффона и Мопертюи, углубляя и развивая ихъ идеи ²⁾. Въ этихъ работахъ Кантъ касался такихъ вопросовъ біологическихъ наукъ XVIII ст., которыя въ слѣдующемъ столѣтіи легли въ основу всего естествознанія. Изложеніе этихъ работъ Канта не дало бы намъ новыхъ данныхъ для выясненія его положенія въ наукѣ XVIII столѣтія. Своими научными работами онъ не оказалъ вліянія на развитіе естествознанія ³⁾. Современники обошли молчаніемъ его работы ⁴⁾, и онѣ стали намъ извѣстны только послѣ того, какъ философская мысль Канта охватила своимъ могучимъ вліяніемъ весь духовный укладъ человѣчества въ XIX столѣтіи. На развитіе географіи ⁵⁾,

¹⁾ О работахъ Канта по антропологіи см. *Unold Die antropol. u. etnol. Ansichten Kants u. Forster. L. 1886* (приведена литература).

²⁾ *Schultze Kant u. Darwin. Jena 1875. Dacqué Der Descendenzgedanke u. seine Geschichte. Münch 1903 p. 68 сл.* О Мопертюи см. *Kant Von d. verschied. Rasse d. Menschen. «Werke» VI 1839. p. 317 — 318.*

³⁾ Были попытки дальнѣйшаго развитія и провѣрки Кантовыхъ идей въ біологіи начала XIX в. см. напр. *C. Girtanner Ueb. d. Kantische Princip für d. Naturgeschichte Gött. 1796.*

⁴⁾ Ср. *G. Schöne l. c. 256 сл.*

⁵⁾ О географич. работахъ Канта см. *G. Schöne l. c. p. 220* (литер.) *Günther Handb. d. Geoph. I—II. L. 1897—1899* (указатель—pass.). *E. Wisotzki. Zeit strömungen in d. Geographie L. 1897* (см. указат.). Исторія географіи XVIII,

естествознанія и математики Кантъ оказалъ вліяніе—долгое время спустя послѣ своей смерти—своимъ философскимъ анализомъ. Правда, уже по характеру своей философіи, построенной только на данныхъ, добытыхъ наукой его времени, онъ не могъ произвести рѣзкаго измѣненія въ научномъ міровоззрѣніи. Но глубокое вліяніе критической философіи на пониманіе положеній, лежащихъ въ основѣ научной работы, стало чувствоваться уже въ первой половинѣ XIX столѣтія. Достаточно привести немногіе примѣры. Подъ вліяніемъ Иоганна Мюллера въ 1830 годахъ въ физиологіи органовъ чувствъ—на всемъ характерѣ научной работы—сказались идеи Канта, въ учении о такъ называемыхъ специфическихъ энергіяхъ органовъ чувствъ¹⁾; подъ его же вліяніемъ несомнѣнно находились работы XIX столѣтія объ основахъ геометріи. Но изложеніе вліянія философіи Канта на науку XIX вѣка выходитъ за предѣлы моей задачи²⁾.

Я хочу здѣсь однако еще разъ подчеркнуть своеобразную и важную черту научныхъ интересовъ и научныхъ проблемъ, которыя ставились Кантомъ. Этой чертой является ихъ современность для всего XIX столѣтія. Бла-

начала XIX в. еще не написана. У Высоцкого и Гюнтера много данныхъ для оцѣнки Канта на фонѣ географическихъ теченій XVIII—XIX вѣковъ.

1) Объ этомъ подробно у *Merz Hist. of europ. thought in XIX cent.* II. L. 1903. (Ind.—passim). Впрочемъ, м. б. вліяніе Канта не было такъ непосредственно, какъ указывалъ I. Мюллеръ, такъ какъ почва была подготовлена Галлеромъ, который до Канта высказывалъ тѣ же идеи. Ср. *L. Ascher A. v. Hallers Bedeutung in d. Biologie d. Gegenwart.* Bern 1902. p. 15., также *M. Foster Lectures on the history of physiology.* L. 1901 p. 299. Галлеръ оказалъ огромное вліяніе на физиологическія идеи, популяризованныя въ Энциклопедіи. Обьѣтомъ см. *Caro Le fin du XVIII s.* I. P. 1880. p. 180 сл.

2) Кантъ имѣлъ вліяніе на попытки динамическихъ теорій строенія матеріи, которыя долго держались среди физиковъ и которымъ нельзя отказать въ извѣстномъ научномъ значеніи. Кое-какія указанія на вліяніе Канта на физиковъ-динамистовъ нач. XIX стол. см. у *Schaller Gesch. d. Naturphilosophie.* II. 1846. p. 276 сл. Означеніи этихъ динамическихъ воззрѣній старинныхъ физиковъ въ кристаллографіи (Грассманнъ) см. *Вернадскій Основы кристаллог.* I. М. 1903. стр. 196. Рейшле (l. c. p. 59) правильно указываетъ, что взгляды Канта на физическіе процессы стали намъ менѣ чуждыми послѣ того, какъ въ науку вошло ученіе объ энергіи. О Кантѣ, какъ физикѣ, котораго интересны и нынѣ см. *Tannery Revue Philos.* 1885. v. 19. p. 27

годаря такому характеру научной работы Канта и его глубокому пониманію научных проблемъ точнаго знанія въ теченіе всего XIX столѣтія его философская система въ своихъ основахъ не могла устарѣть, не могла войти въ рѣзкое противорѣчіе съ основными вопросами точнаго знанія ¹⁾. Они свободно и просто находили въ ней свое мѣсто, такъ какъ основы ихъ были охвачены философскою и научною мыслию Канта. Дѣло будущаго развитія науки подойти къ такимъ задачамъ и къ такимъ научнымъ вопросамъ, которые заставятъ философскую мысль искать новыхъ путей, какъ искалъ и нашель ихъ Кантъ, когда наука XVIII столѣтія вошла въ коллизію съ философскими системами XVII вѣка. Своеобразное развитіе точнаго знанія и математики за послѣднія десятилѣтія ясно, кажется мнѣ, показываетъ, что мы входимъ въ этотъ новый періодъ и передъ человѣческой мыслию начинаютъ слагаться новые горизонты, которые потребуютъ отъ нея новой созидательной философской работы. Это дѣло ближайшаго будущаго.

В. И. Вернадскій.

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія очень интересны неудачныя попытки ближайшихъ современниковъ Канта, напр. Гердера, бороться противъ его критики на почвѣ научнаго міровоззрѣнія того времени. Эти попытки заранѣе были осуждены на неудачу, т. к. философія Канта не стояла въ противорѣчій съ задачами науки въ теченіе всего XIX столѣтія.

Психологія фанатизма.

(Фотій Спасскій).

Le premier défaut de ces personnes est donc d'avoir l'esprit petit et d'autant plus petit, que leur cerveau reçoit des traces plus profondes des objets les moins considérables. Le second défaut c'est qu'ils sont visionnaires, mais d'une manière délicate, et assez difficile à reconnaître. Le commun des hommes ne les estime pas visionnaires; il n'y a que les esprits justes et éclairés qui s'aperçoivent de leurs visions et de l'égarement de leur imagination.

Malebranche. Recherche de la vérité, liv. II; 3-me partie.

Психологическій и психіатрический анализъ Фотія Спасскаго заслуживаетъ вниманія, въ виду значительной общественной дѣятельности этого монаха; всестороннее изученіе историческихъ дѣятелей, даже второстепенныхъ, понятно, имѣетъ свое значеніе. Но психологическій и психіатрический анализъ этой интересной исторической личности особенно поучителенъ и важенъ, потому что наши свѣдѣнія о фанатизмѣ весьма недостаточны, а Фотій типическій фанатикъ. Самый глубокой анализъ фанатизма намъ далъ Малевбраншъ, и съ тѣхъ поръ наши свѣдѣнія объ этомъ малопонятномъ явленіи не подвинулись впередъ, какъ можно судить по послѣднимъ работамъ, посвященнымъ этому вопросу (Murisieur. Les maladies du sentiment religieux 1903. Dugas l'Absolu 1904). Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что наши свѣдѣнія о фанатизмѣ весьма скудны; фанатики всегда имѣли восторженныхъ поклонниковъ и ярыхъ противниковъ; понятно, что и тѣ и другіе даютъ весьма пристрастные рассказы и су-

жденія о фанатикахъ; поклонники изображаютъ фанатиковъ героями, приписываютъ имъ всевозможныя добродѣтели; противники, напротивъ, описываютъ ихъ какъ обманщиковъ и дураковъ. Сами фанатики, увлеченные своею дѣятельностью, не имѣютъ времени писать свои автобіографіи и по понятнымъ причинамъ не склонны изображать свою жизнь правдиво. Поэтому я считалъ необходимымъ воспользоваться такимъ крайне рѣдкимъ документомъ, какъ автобіографія Фотія, въ которой онъ достаточно подробно и ясно изложилъ свое міровоззрѣніе, свои чувствованія и желанія. Изученіе личности этого типическаго фанатика облегчается тѣмъ, что Фотій жилъ сравнительно недавно, а потому объ его дѣятельности имѣется немало достовѣрныхъ свѣдѣній. Наконецъ, достаточно изучена обстановка, въ которой дѣйствовалъ Фотій, и что также важно, мы можемъ вполне объективно отнестись къ этой личности, такъ какъ теперь борьба, въ которой участвовалъ Фотій, уже достояніе исторіи.

Изучивъ личность этого типическаго фанатика, мы выясняемъ себѣ психологію фанатизма, приближаемся къ пониманію фанатиковъ такъ же, какъ изученіе типическаго больного выясняетъ намъ данную болѣзнь, приближаетъ насъ къ пониманію больныхъ, страдающихъ этой болѣзнію. Какъ удивительно вѣрно подмѣтилъ Malebranche, пониманіе этихъ лицъ доступно далеко не всѣмъ, потому что у нихъ имѣются неясныя патологическія явленія; изученіе такихъ лицъ требуетъ знанія не только психологіи, но и психіатріи, чѣмъ конечно и объясняется, что психологія такъ малó знаетъ о фанатизмѣ. У Фотія, какъ типическаго фанатика, было немало патологическихъ явленій, почему только психіатръ можетъ вполне понять весь душевный складъ этого историческаго лица. Для выясненія этой личности необходимо не только психологическій, но и психіатрический анализъ.

Пониманіе фанатизма крайне важно для психолога, какъ психологическое явленіе, весьма своеобразное; но этимъ еще не исчерпывается вся задача изученія личности Фотія. Фанатизмъ—явленіе крайне важное для пониманія социальныхъ явленій, потому что фанатики нерѣдко оказываютъ значительное вліяніе на окружающихъ, а даже на цѣлое общество и исторію цѣлыхъ народовъ. Всѣ попытки анализировать и объяснить вліяніе, нерѣдко весьма сильное, такихъ лицъ на общество до сихъ поръ

остались безуспѣшны, какъ то свидѣтельствуесть послѣдняя работа объ этомъ вопросѣ Rossi. Les suggesteurs et la foule. 1904. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть удивительнѣе вліянія необразованныхъ ограниченныхъ фанатиковъ на лицъ, гораздо болѣе ихъ свѣдущихъ и одаренныхъ. Нѣкоторые изслѣдователи допускаютъ *внушеніе*; но вѣдь такимъ объясненіемъ ничего въ сущности не объясняется, не говоря уже о томъ, что въ громадномъ большинствѣ фанатики дѣйствовали именно не *внушеніемъ* въ томъ его пониманіи, какое принято современной наукой. Вліяніе фанатиковъ на общество составляетъ загадку, совершенно для насъ непонятную, хотя не мало ученыхъ, напр. Тардъ, Сигеле, Лебонъ, Обри и пытались объяснить способы вліянія и воздѣйствія однихъ лицъ на другихъ. Намъ, конечно, вполне понятно вліяніе людей одаренныхъ высокимъ умомъ, большими знаніями, краснорѣчіемъ, но для насъ пока необъяснимо, какъ могутъ подчинять себѣ необразованные, ограниченные фанатики, хотя мы нерѣдко и сами наблюдаемъ такія явленія.

Въ этомъ отношеніи изученіе общественной дѣятельности Фотія крайне поучительно и интересно, такъ какъ этотъ исключенный съ перваго курса духовной академіи, необразованный и недаровитый монахъ сыгралъ значительную роль въ исторіи нашего просвѣщенія, имѣлъ вліяніе на внука великой Екатерины, воспитанника Лагарпа, высоко просвѣщеннаго и даровитаго Голсударя. Изученіе общественной дѣятельности Фотія крайне интересно именно потому, что онъ былъ по развитію и по дарованіямъ неизмѣримо ниже лицъ, которыхъ побѣдилъ; изученіе этой борьбы уясняетъ намъ значеніе фанатизма въ жизни, способы дѣйствія фанатиковъ, объясняетъ, почему они побѣждаютъ своихъ умныхъ и образованныхъ противниковъ.

Всегда и всюду ограниченные, фанатически относящіеся къ дѣлу люди играли и будутъ играть весьма значительную, но въ большинствѣ случаевъ, печальную роль; образованные, объективно относящіеся къ дѣлу люди часто принуждены уступать фанатикамъ; поэтому даже въ практическомъ отношеніи крайне поучительно прослѣдить какъ невѣжественный Фотій успѣшно боролся съ противниками, превосходившими его во всѣхъ отношеніяхъ.

Понятно, что уясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ требуетъ достаточно полнаго анализа всей духовной личности Фотія, подроб-

наго анализа его патологическихъ явленій и, наконецъ, полного изложенія той борьбы, которую онъ велъ. При такомъ изложеніи съ достаточной ясностью выступаютъ всѣ основные элементы фанатизма, отпадаетъ необходимость въ описаніи фанатизма.

Къ сожалѣнію я ничего не могу сказать о физическихъ признакахъ вырожденія Фотія, такъ какъ его портретъ сдѣланъ очень дурно и на основаніи его нельзя дѣлать какихъ-либо опредѣленныхъ заключеній. У насъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній о наружности Фотія и потому вопросъ о томъ были ли у него физическіе признаки вырожденія, остается неразрѣшеннымъ. Это упущеніе не имѣетъ однако значенія, такъ какъ въ автобіографіи Фотія заключается достаточно данныхъ, доказывающихъ, что у него были психическія расстройства.

О послѣднемъ періодѣ жизни Фотія я говорю весьма кратко, такъ какъ наши свѣдѣнія объ этомъ періодѣ не вполне достаточны и, кромѣ того, этотъ періодъ не интересенъ для психолога и социолога. Общественная дѣятельность Фотія была уже закончена, характеръ его вполне проявился; этотъ періодъ имѣетъ чисто психіатрической интересъ.

I.

Относительно здоровья родственниковъ Фотія намъ извѣстно, что его дѣдъ по отцу страдалъ падучей болѣзнію; отецъ Фотія злоупотреблялъ спиртными напитками; по крайней мѣрѣ, самъ Фотій рассказываетъ, что онъ въ дѣтствѣ умолялъ отца не пить, за что былъ битъ священникомъ—собутельникомъ отца. Однако съ увѣренностью нельзя сказать, что отецъ Фотія былъ пьяница; онъ настойчиво стремился дать своимъ сыновьямъ хорошее образованіе. Необходимо замѣтить, что младшій братъ Фотія Ефимій ничѣмъ не выдѣлился впоследствии, несмотря на протекцію своего могущественнаго брата; повидимому, это былъ человѣкъ обыкновенный.

Несомнѣнно, что Фотій развивался быстро, и уже въ раннемъ дѣтствѣ отличался отъ своихъ сверстниковъ. Фотій весьма живо и подробно описываетъ смерть своей матери, прощаніе съ ней; очевидно, что воспоминаніе объ этомъ событіи, въ общихъ чертахъ, сохранилось у Фотія, хотя его мать умерла, когда ему шелъ четвертый годъ. Едва ли Фотій выдумалъ, т.-е. солгалъ въ

своей автобіографіи, что онъ помнилъ смерть матери; вѣдь, никакой надобности для такой грубой лжи у него не было. Фотій дополнилъ потомъ свое воспоминаніе и подробно изложилъ, какъ онъ прощался съ матерью, что говорила ему умирающая; онъ говоритъ, что «видѣвъ нѣчто дивное и яко свѣта сіяніе окрестъ ея бысть». Потомъ я вернусь къ этимъ прибавкамъ и къ основному воспоминанію.

Отецъ Фотія, проведѣвъ болѣе года, женился вторично. Фотій такъ правдоподобно описываетъ свадьбу своего отца, что едва ли можно сомнѣваться, что онъ хорошо запомнилъ это событіе. Онъ даже запомнилъ, что мачиха въ день свадьбы подарила ему красный кушакъ и платокъ.

Рано развившійся мальчикъ учился хорошо; Фотій отмѣчаетъ, что его младшій братъ не обладалъ столь хорошими способностями, какъ онъ самъ.

Ни дома, ни въ хорѣ при Казанскомъ соборѣ, ни въ Новгородской семинаріи, не было развивающаго воздѣйствія на рано развившагося мальчика; ни одного истинно развитого человѣка онъ не встрѣтилъ въ этотъ періодъ своей жизни. Также ему не попала въ руки ни одна дѣльная свѣтская книга. Между тѣмъ несомнѣнно, мальчикъ не только развился очень рано, но и обладалъ нѣкоторыми способностями, жилъ, по преимуществу, духовной жизнью. Ни дома, ни въ семинаріи онъ не шалилъ, не искалъ развлеченій, свойственныхъ дѣтскому и отроческому возрасту. Онъ не былъ похожъ на своихъ сверстниковъ, искалъ уединенія, жилъ своей внутренней жизнью, не мирился съ окружающею его дѣйствительностью.

Крайне необразованные родные Фотія и ихъ знакомые не могли имѣть непосредственнаго вліянія на сосредоточеннаго въ себѣ отрока; всѣ они ни отличались даже и внѣшней религіозностью; также и семинарія не могла дать духовной пищи Фотію. Братъ его, учившійся вмѣстѣ съ нимъ, не много вынесъ изъ школы. Единственный духовный интересъ въ средѣ, въ которой выросъ Фотій,— это обрядовое благочестіе, и потому, естественно, что уже очень рано Фотій съ свойственной ему сосредоточенностью заинтересовывается обрядовымъ благочестіемъ. Вѣдь ничего другого онъ и не могъ воспринять въ той средѣ, въ которой выросъ. Уже въ семинаріи онъ всецѣло поглощенъ одной руководящею идеею, всецѣло занятъ одною мыслію и ничѣмъ другимъ не интересуется.

Его тяготитъ домашняя обстановка, которая, по существу, чужда его натурѣ; его ничто не интересуетъ ни въ семинаріи, ни въ городѣ; въ его воспоминаніяхъ не видно, чтобы онъ обращалъ вниманіе на жизнь съ ея волненіями. Ни одного слова въ его автобіографіи о тѣхъ великихъ событіяхъ, которыя волновали тогда всю Россію, нѣтъ; мы вполне можемъ повѣрить Фотію, что двѣнадцатый годъ для него ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ остальныхъ. Это весьма и весьма характерная особенность Фотія почему-то не обращала на себя вниманія его біографовъ. Въ своей автобіографіи Фотій не скупится на описаніе своихъ подвиговъ и расточаетъ себѣ похвалы; но онъ не нашелъ нужнымъ вспомнить о томъ, какъ онъ пережилъ годъ отечественной войны, молился ли онъ о спасеніи Россіи. Такимъ образомъ, въ лучшую пору жизни, на двадцать первомъ году, Фотій уже былъ настолько замкнутъ въ себя, что судьба родины, ея тяжкія испытанія ничуть его не интересовали. Онъ уже тогда настолько былъ поглощенъ заботами о своей личности, что ничто кромѣ собственныхъ интересовъ не могло обращать на себя его вниманія. Онъ очень подробно описываетъ, какъ интересовался всѣмъ, то, по его убѣжденію, способствовало его спасенію.

Вмѣстѣ съ безучастіемъ ко всему, кромѣ собственнаго я, у Фотія, за время пребыванія въ семинаріи, проявилось критическое отношеніе къ окружающему, энергическое стремленіе быть лучше другихъ. Само собою разумѣется, что такое стремленіе свидѣтельствуетъ и о раннемъ развитіи, и объ интенсивной духовной жизни юноши. Фотій съ негодованіемъ относился къ «уязвленію женскому похотливому», къ неприличнымъ играмъ сверстниковъ. Когда мачиха рассказала ему «соблазны плотски, льстила къ тому, что въ тайнѣ дѣется», онъ искренно возмущился и пожаловался на мачиху отцу, который и сдѣлалъ женѣ «внушеніе». Мачиха рано разгадала Фотія и говорила ему, что онъ «женѣ будетъ въ тягость». Не вина Фотія, что онъ усвоилъ себѣ такъ немного изъ нравственнаго кодекса, но то, что онъ усвоилъ, онъ проводилъ въ жизнь съ громадной настойчивостью. Въ той средѣ, въ которой онъ жилъ, его пуризмъ не былъ обычнымъ явленіемъ, вызывалъ удивленіе мачихи. Фотій стойко сопротивлялся соблазнамъ дальней родственницы; судя по тому, какъ онъ описываетъ свою борьбу съ половыми желаніями, едва ли можно сомнѣваться, что онъ былъ надѣленъ этими желаніями,

и потому его половой аскетизмъ никоимъ образомъ нельзя объяснить недоразвитіемъ половой жизни. Можно лишь удивляться силѣ воли юноши, его непоколебимой вѣрѣ, его страстному желанію спасти себя.

Фотій очень рано всецѣло сосредоточивается на томъ, что, по мнѣнію той среды, въ которой онъ жилъ, ведетъ къ спасенію; все остальное его не интересуетъ, а со всѣмъ тѣмъ, что мѣшаетъ его спасенію, онъ энергически борется. Самыя живыя воспоминанія онъ сохранилъ о томъ, что способствовало его спасенію, и только это описано имъ съ большими подробностями. Онъ запомнилъ монаха Фіофана, котораго видѣлъ до поступленія въ хоръ. «Власы онъ имѣлъ черные весьма, лицомъ блѣденъ, чистъ, имѣлъ очи свѣтлыя.....». Когда онъ учился въ хорѣ Казанскаго собора, его поразили сидѣвшіе въ алтарѣ въ великій четвертокъ два монаха — схимники. Когда онъ учился въ семинаріи, на него сильное впечатлѣніе произвелъ Патермуфій - молчальникъ; показался онъ ему яко Ангель Божій во плоти. Келья, въ которой молился св. Антоній, такъ запечатлѣлась въ памяти Фотія, что онъ устроилъ такую же себѣ, много лѣтъ спустя, въ Юрьевскомъ монастырѣ.

Если даже и допустить, что Фотій не совсѣмъ вѣрно передаетъ свои воспоминанія, дополняя ихъ, и опуская то, что ему казалась недостойнымъ описанія, когда онъ составлялъ свою автобіографію, все же остается несомнѣннымъ, что во всемъ окружающемъ его мірѣ онъ видѣлъ лишь то, что, по его мнѣнію, вело его къ спасенію, и что все, кромѣ этого, его интересовало мало, или даже совсѣмъ не интересовало. Такое заключеніе подтверждается и тѣмъ, что онъ не имѣлъ друзей, не имѣлъ привязанностей; онъ самъ не вспоминаетъ ни объ одномъ сотоварищѣ, ни объ одномъ добромъ знакомомъ; едва ли нужно прибавлять, что ни одна дѣвушка не заинтересовала его, не возбуждала его сочувствія. Какъ дома, такъ и въ семинаріи онъ былъ совершенно чуждъ по отношенію къ окружающимъ. Его стремленія, всецѣло сосредоточенныя на собственномъ я, отдаляли его отъ окружающихъ, которые его мало интересовали.

Рядомъ съ сосредоточенными заботами о спасеніи, у Фотія рано возникли необоснованныя опасенія и страхи, что конечно указываетъ на его нервность.

Такъ Фотій подробно описываетъ, какъ онъ съ товарищами

задумалъ спастись въ пещерѣ, но, увидѣвъ старика, страшно испугался: старикъ будто бы гнался за ними «съ палицею». Такъ какъ Фотію было тогда 14 лѣтъ, то бояться было ему нечего: онъ легко убѣждалъ отъ старика; этотъ ничтожный случай описанъ имъ весьма подробно. Также подробно онъ описываетъ, какъ съ братомъ переубѣждалъ по тонкому льду рѣки Волхова, а гнавшійся за ними, по его предположенію, человекъ не рѣшился перейти по такому тонкому льду. Весьма сомнительно, чтобы кто-либо гнался за двумя бѣдными мальчиками: вѣдь взять у нихъ нечего, а потому весь этотъ рассказъ свидѣтельствуеть лишь о томъ, что Фотій пугался безъ всякаго основанія.

Если вѣрить автобіографіи Фотія, опредѣленные убѣжденія у него сложились уже до поступленія въ С.-Петербургскую духовную академію. Хотя Фотій и называетъ себя отрокомъ, рассказывая о своемъ поступленіи въ академію, но ему было тогда уже двадцать два года, слѣдовательно, весьма возможно, что у рано развившагося Фотія въ ту пору дѣйствительно уже сложились весьма опредѣленные взгляды. Онъ читалъ только книги, напечатанныя съ разрѣшенія Св. Синода, крайне враждебно относился къ свѣтской литературѣ, соблюдалъ посты даже находясь въ лазаретѣ, хотя начальство разрѣшало больнымъ ѣсть скоромное, не выходилъ изъ монастыря.

Уже тогда Фотій обнаружилъ крайнюю самоувѣренность и нетерпимость, граничащую съ назойливостью и деспотизмомъ; одинъ изъ его товарищей былъ тяжело боленъ; лежа въ больницѣ, этотъ студентъ читалъ Штиллинга «Госка по отчизнѣ». Фотій назойливо совѣтовалъ ему не читать этой зловредной книги и убѣждалъ больного, что онъ и боленъ отъ чтенія книги Штиллинга. Умиравшій не согласился съ нелѣпымъ мнѣніемъ Фотія, изъ чего мы можемъ заключить, что уже тогда взгляды Фотія были очень своеобразны и что у него не было единомышленниковъ.

Фотій не былъ доволенъ религіозностью своихъ товарищей. «Въ ученикахъ академіи не было единого духа Христа». «Нѣкоторые любили уклоненіе отъ св. писанія»; онъ замѣтилъ «порчу нравовъ», происходившую, по его мнѣнію, отъ того, что студентамъ было дозволено посѣщать театръ и читать «Штиллинга, Эккартсгаузена и прочія романическія и вольномысленныя сочиненія».

Фотій оцѣнилъ знаменитаго Филарета, бывшаго въ то время ректоромъ академіи; со свойственнымъ ему стремленіемъ къ самоусовершенствованію, онъ «Всякой видъ, всякое мановеніе, движеніе замѣчалъ въ Филаретѣ, и учился съ нихъ образъ перенимать всего». Въ Филаретѣ Фотій цѣнилъ «умъ, глубину, таинственность смысла и знанія»; однако онъ «Филарета почиталъ, а Иннокентія любилъ», потому что цѣнилъ въ послѣднемъ «ревность и любовь по Богѣ». «Замѣчалъ онъ въ Иннокентіи всѣ слова его, поступки, видъ, дѣйствія, духъ вѣры его, ученіе, все замѣчалъ въ немъ, дабы ему составить для себя собственно въ сердцѣ образъ житія благочестиваго». Нельзя не отмѣтить настойчивости Фотія въ его стремленіи къ самоусовершенствованію, съ цѣлью достигнуть спасенія. Онъ не дѣлалъ того, что, по его мнѣнію, отклоняло отъ достиженія намѣченной цѣли, и дѣлалъ все то, что облегчало достиженіе цѣли. Къ сожалѣнію такихъ настойчивыхъ молодыхъ людей немного; конечно, можно скептически отнестись къ способу, принятому Фотіемъ, но вѣдь изученіе и подражаніе идеаламъ вообще хороший путь къ самоусовершенствованію. Сосредоточенный, настойчивый Фотій дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы быть лучше другихъ, чтобы достигнуть возможнаго совершенства.

Фотій пробылъ въ академіи только годъ; онъ рассказываетъ, что по болѣзни оставилъ ее; но въ чемъ состояла болѣзнь, изъ автобіографіи понять нельзя. Слѣдуетъ лишь отмѣтить, что когда онъ по пути домой прошелъ черезъ длинный мостъ «среди жаркаго дня», то нижнее его бѣлье было «въ кровавомъ потѣ»; это былъ «не просто потъ, но яко кровавый».

Самъ Фотій рассказываетъ, что за лѣто настолько оправился, что ему дали мѣсто учителя училища С.-Петербургской семинаріи. Такимъ образомъ остается совершенно невыясненнымъ, почему собственно Фотій не кончилъ курса; по его словамъ, онъ долженъ былъ остаться на второй годъ на первомъ курсѣ. Можно думать, что и онъ самъ не желалъ учиться въ академіи, и что его считали неспособнымъ, а потому и не нашли необходимымъ удерживать въ академіи. Несомнѣнно, что съ Фотіемъ случилось именно то, что случается почти со всѣми психопатами—онъ не закончилъ своего образованія, какъ не заканчиваетъ его и большинство психопатовъ. Фотія не интересовало научное образованіе; оно казалось ему лишнимъ, непонятнымъ, чуждымъ. Онъ, по

свойству своего ума, не былъ способенъ къ объективному изученію и мышленію; спастись онъ могъ, по его убѣжденію, и безъ высшаго образованія; кромѣ того, какъ видно изъ всей его автобіографіи, онъ считалъ себя прекрасно образованнымъ, свысока относился ко всѣмъ богословамъ. Вообще, ни разу въ своей автобіографіи, онъ не высказалъ сожалѣнія о томъ, что не закончилъ образованія и постоянно заявлялъ о своихъ глубокихъ и непогрѣшимыхъ богословскихъ познаніяхъ. Всѣ произведенія Фотія свидѣтельствуютъ о плохой подготовкѣ, о неспособности къ объективному мышленію, о слабыхъ познаніяхъ и громадной самоувѣренности.

Было бы странно и непонятно, если бы Фотій кончилъ курсъ; по всему своему умственному складу онъ не могъ окончить благоустроенной высшей школы. Если бы онъ подавалъ большія надежды, такой проницательный ректоръ, какимъ былъ Филаретъ, удержалъ-бы его въ академіи. Повидимому Филаретъ ничуть не удерживалъ Фотія, и ему дали мѣсто, что уже свидѣтельствуется о томъ, что оставленіе академіи не было поставлено въ вину Фотію. Филаретъ въ данномъ случаѣ еще разъ доказалъ свою проницательность. Болѣе чѣмъ сомнительно, что болѣзнь помѣшала Фотію окончить курсъ; Фотій обладалъ крѣпкой организаціей, громадной сопротивляемостью и неранимостью: онъ прожилъ сорокъ шесть лѣтъ, несмотря на то, что принималъ крайне мало пищи. Можно лишь удивляться устойчивости его организма; не всѣ могутъ голодать такъ безнаказанно, какъ могъ Фотій; возможно, впрочемъ, что онъ преувеличивалъ значеніе болѣзни, постигшей его въ 1815-мъ году.

Весьма важной особенностью Фотія слѣдуетъ считать, что въ теченіе всей своей жизни онъ не имѣлъ ни одного друга, ни одного хорошаго пріятеля; даже въ семинаріи и академіи онъ не завязалъ дружескихъ связей; какъ его автобіографія, такъ и всѣ свѣдѣнія о немъ указываютъ, что ни одного пріятеля у него не было, даже въ ту пору жизни, когда у всѣхъ особенно сильно стремленіе къ дружбѣ, къ обществу. Ни объ одномъ товарищѣ по семинаріи и академіи Фотій не упоминаетъ, и мы знаемъ, что никто не считалъ себя другомъ Фотія. Онъ былъ такъ сосредоточенъ въ себѣ, такъ поглощенъ мыслями о собственномъ спасеніи, что не интересовался никѣмъ, не могъ сойтись на почвѣ общихъ стремленій и взглядовъ съ своими

товарищами, которые не могли подчиниться Фотію, а слѣдовательно и не могли съ нимъ сойтись.

Педагогическая дѣятельность не могла привлекать Фотія; должность учителя была для него лишь переходной ступенью. Его міровоззрѣніе уже сложилось окончательно; единственнымъ средствомъ спасенія онъ считалъ аскетизмъ. Дальнѣйшее развитіе въ умственномъ отношеніи для Фотія было невозможно, и потому его пониманіе религіи было крайне узко и односторонне; онъ усвоилъ себѣ лишь обрядовое благочестіе.

Онъ рано пожелалъ поступить въ монахи, и мы можемъ вѣрить ему, когда онъ говоритъ, что страстно желалъ постриженія. Монашество вполнѣ отвѣчало его идеалу; онъ не понималъ, какъ можно иначе спастись, какъ «въ санѣ ангельскомъ»; монахи были, по его убѣжденію, люди стоящіе на вѣрномъ пути ко спасенію.

Наконецъ, какъ показываетъ вся дѣятельность Фотія, онъ обладалъ большимъ честолюбіемъ и громаднымъ властолюбіемъ; убѣдившись, что ученая карьера ему не по силамъ, онъ долженъ былъ принять «чинъ ангельскій», чтобы не остаться на всю жизнь простымъ учителемъ. Онъ былъ убѣжденъ, что монашеская ряса дастъ особые права, и былъ оскорбленъ, когда директоръ 2-го корпуса принялъ его въ передней. Только монашеская ряса давала ему общественное положеніе, открывала путь къ высшимъ должностямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ко спасенію. Поэтому можно повѣрить Фотію, что онъ весьма радовался постриженію; при его аскетизмѣ соблюденіе монашескихъ обѣтовъ не могло быть очень трудно.

Фотій не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ; въ 1817 г., скоро по постриженіи, онъ былъ назначенъ законоучителемъ и настоятелемъ церкви 2-го кадетскаго корпуса, и такимъ образомъ на двадцать шестомъ году жизни занялъ хорошую должность и, что для него было весьма важно, получилъ возможность пропагандировать свои взгляды, поучать и наставлять.

Какъ часто бываетъ, рано развившійся Фотій не могъ окончить курса и вообще обнаружилъ неспособность къ научной дѣятельности; всестороннее умственное развитіе было для него невозможно. Въ виду своего ранняго развитія, онъ рано выработалъ себѣ взгляды подъ влияніемъ той среды, въ которой выросъ; въ виду своей неспособности къ дальнѣйшему развитію,

онъ въ теченіе всей своей жизни сохранилъ взгляды, выработанные въ юношескомъ возрастѣ. Измѣнить, дополнить ихъ онъ не могъ, тѣмъ болѣе не могъ отнестись къ нимъ критически: дальнѣйшее развитіе для него было невозможно. Онъ на всю жизнь остался съ идеями и стремленіями ученика Новгородской семинаріи, почему, конечно, долженъ былъ разойтись съ товарищами, многому научившимися и въ академіи, и въ жизни.

Фотій всю жизнь сохранилъ взгляды, выработанные въ юношескіе годы, очень дорожилъ этимъ единственнымъ своимъ сокровищемъ, съ упорствомъ защищалъ эти взгляды, для него столь дорогіе; онъ не могъ понять, что товарищи многому научились въ жизни; онъ самъ былъ неспособенъ къ развитію, къ сомнѣнію и критикѣ, и потому не допускалъ такой способности и у другихъ. Для него все было такъ просто, такъ ясно; все его міровоззрѣніе застыло въ одной навсегда сложившейся формѣ; измѣнить его онъ не могъ, и потому былъ глубоко убѣжденъ, что обладаетъ истиной. Остановившись въ своемъ развитіи очень рано, Фотій не пережилъ періода сомнѣній и колебаній; его крайне простое и узкое міровоззрѣніе окончательно сформировалось еще въ тѣ годы, когда онъ не зналъ жизни, не обладалъ теоретическими познаніями. Для него это міровоззрѣніе было законченное цѣлое, въ которомъ все ясно, все несомнѣнно; онъ выработалъ его въ школѣ, помѣщавшейся въ монастырѣ; слѣдовательно, могъ считать себя вполне правымъ; онъ учился, онъ постигъ, въ чемъ состоитъ истинное благочестіе.

Фотій выработалъ себѣ міровоззрѣніе въ возрастѣ, отличающемся нетерпимостью къ чужимъ взглядамъ и самоувѣренностью; въ теченіе всей жизни онъ сохранилъ это міровоззрѣніе и то отношеніе къ нему, которое характеризуетъ этотъ возрастъ. Онъ горячо вѣрилъ въ превосходство своего міровоззрѣнія, и вслѣдствіе неспособности къ дальнѣйшему развитію, не понималъ людей, мыслящихъ иначе, чѣмъ онъ.

Можетъ быть, нѣкоторую роль играло въ его фанатизмѣ и половое воздержаніе; его страстность, крайняя сосредоточенность, прямолинейность, можетъ быть, были, до нѣкоторой степени, обусловлены половымъ воздержаніемъ. Въ жизни его ничто не развлекало; ничто не отвлекало его вниманія отъ тѣхъ идей, на которыхъ онъ былъ сосредоточенъ; душевная и фи-

зическая энергія не расходовались на любовныя увлеченія, и онъ всей душой могъ отдаться дорогимъ ему идеямъ. Мы вообще очень мало знаемъ о вліяніи на психическую жизнь полового воздержанія и потому невозможно съ точностью опредѣлить роль этого обстоятельства въ жизни Фотія, но едва ли можно сомнѣваться, что оно не осталось безъ вліянія. Вся энергія, всѣ душевныя силы Фотія были сосредоточены въ одномъ направленіи; для него была одна задача въ жизни, и онъ со всею своею энергіею стремился къ достиженію этой цѣли.

Какъ весьма важную особенность характера Фотія слѣдуетъ отмѣтить отсутствіе любви къ людямъ, любви къ истинѣ и красотѣ, любви къ житейскимъ благамъ.

Фотій въ теченіе всей своей жизни никого не любилъ, ни къ кому не былъ привязанъ, за исключеніемъ гр. Орловой, если въ отношеніи къ ней не было притворства. Онъ не любилъ своего брата, не любилъ своихъ товарищей и сослуживцевъ, не любилъ людей вообще. Любовь къ человѣку никогда не была мотивомъ его поступковъ; правда, онъ подавалъ бѣднымъ, но его даже раздражало, что богомольцы въ Юрьевскомъ монастырѣ предавались «чревобѣсію» и уносили хлѣбъ «кучами и котомками.»

Состраданіе, мягкость, кротость все это отсутствовало у Фотія; онъ былъ одинаково суровъ какъ къ грѣшникамъ, такъ и къ нищимъ. Какъ въ своей дѣятельности, такъ и въ своей автобіографіи, онъ постоянно проявлялъ нетерпимость; онъ не снисходилъ къ человѣческимъ слабостямъ, былъ безучастенъ къ человѣческимъ страданіямъ; ни мягкости, ни привязанности ни къ кому никогда не обнаруживалъ.

Фотій не нуждался въ обществѣ себѣ равныхъ; ему нужны были лишь почитатели, слушатели его наставленій. Распоряжаясь громадными средствами гр. Орловой, онъ могъ бы помогать бѣднымъ, облегчать страданія «униженныхъ и оскорбленныхъ», но ничего въ этомъ направленіи не дѣлалъ. Онъ не воспользовался своею близостью къ Аракчееву, чтобы «печаловаться» за присужденныхъ къ наказанію, облегчать участь страждущихъ. Къ нему и не обращались за помощью и утѣшеніемъ униженные и оскорбленные, хотя бы онъ могъ сдѣлать много добра черезъ гр. Орлову.

Не любя людей, онъ не снисходилъ къ человѣческимъ слабостямъ, не хотѣлъ утѣшать горюющихъ; человѣческія страданія

не вызывали въ немъ участія. Онъ обличалъ пороки, поучалъ, наставлялъ, но не какъ «пастырь добрый», а какъ суровый обличитель, всюду разыскивающий ереси и заблужденія.

Можно допускать, что Фотій былъ привязанъ къ гр. Орловой, дорожилъ ея обществомъ, но въ ней онъ цѣнилъ преданную ученицу, снабжавшую его средствами, необходимыми для его дѣятельности. Она такъ покорно исполняла его приказанія, такъ охотно выслушивала его наставленія, что ему пріятно было ея общество, было бы тяжело потерять такую покорную ученицу.

Фотій совершенно не понималъ, что любовь къ людямъ обязательна для христіанина, и никогда не сожалѣлъ, что не исполняетъ этой первой христіанской обязанности; Фотій былъ твердо убѣжденъ, что онъ истинный подвижникъ, соблюдающій всѣ заповѣди. Онъ считалъ, что исполнилъ всѣ свои обязанности по отношенію къ людямъ и могъ искренно восторгаться Аракчеевымъ; все же онъ не былъ настолько глупъ, чтобы не знать подвиговъ этого изверга.

✓ Дружескія отношенія Фотія къ Аракчееву весьма ясно свидѣтельствуя, насколько непонятны были этому фанатику основы религіи, защитникомъ которой онъ себя считалъ. Безсердечіе и подлость Аракчеева были общеизвѣстны, и всѣ искренно ненавидѣли этого временщика; только одинъ «убогій Фотій», аскетъ и боецъ за церковь, водилъ дружбу съ Аракчеевымъ, искренно восторгался этимъ нравственнымъ уродомъ. Malebranche весьма мѣтко опредѣлилъ благочестіе такихъ лицъ и сказанное имъ вполне примѣнимо къ Фотию «lorsqu'ils se veulent mettre dans la piété, et s'y conduire par leur fantaisie, ils entrent entierement dans l'esprit juif et pharisien. Ils s'arrêtent d'ordinaire à l'écorce, à des ceremonies extérieures, et à de petites pratiques, ils s'en occupent tout entiers. Ils deviennent scrupuleux, timides, superstitieux. Tout est de foi; tout est essentiel chez eux, hormis ce qui est véritablement de foi et ce qui essentiel: car assez souvent ils negligent ce qu'il y a de plus important dans l'Évangile, la justice, la miséricorde, et la foi, leur esprit étant occupé par des devoirs moins essentiels». Эта дружба аскета монаха съ нравственнымъ уродомъ не составляетъ исключительнаго явленія; политическіе фанатики въ наше время дружили съ нравственнымъ уродомъ Равашолемъ, хотя социалисты должны были бы питать такое же отвращеніе къ Равашолю, какъ благочестивый монахъ къ

Аракчееву. Фотій не усумнился въ добродѣтеляхъ Аракчеева даже послѣ дикой мести временщика за смерть любовницы, не нашель нужнымъ повліять на Аракчеева, не попытался воздѣйствовать на него своимъ духовнымъ авторитетомъ. Такое безсердечіе Фотія тѣмъ болѣе ярко, что онъ выросъ среди народа, зналъ какъ тяжело положеніе крѣпостныхъ. Недоразвитіе нравственныхъ чувствованій у Фотія едва ли подлежить сомнѣнію; состраданіе весьма элементарное нравственное чувство, и Фотій не былъ имъ надѣленъ даже въ слабой степени; не могъ же онъ думать, что крестьяне иначе чувствуютъ, чѣмъ дворяне, въ чемъ были увѣрены нѣкоторые аристократы.

✓Фотій не любилъ и не понималъ знанія; онъ не обладалъ самую заурядной любознательностью; ни исторія, ни природа его никогда не интересовали; въ этомъ, конечно, нельзя видѣть чисто патологическаго явленія. Къ сожалѣнію, есть немало людей, совершенно не любознательныхъ, не любящихъ знанія, не надѣленныхъ интеллектуальными чувствованіями. Фотій цѣлый годъ провелъ въ духовной академіи, слушалъ лекціи такого выдающагося преподавателя, какимъ былъ Филаретъ Дроздовъ, былъ около четырехъ лѣтъ законоучителемъ кадетскаго корпуса, слѣдовательно, могъ бы имѣть умственные интересы, понимать значеніе знанія. Однако, онъ никогда даже не поинтересовался узнать происхожденіе и смыслъ тѣхъ воззрѣній, съ которыми боролся; онъ не находилъ нужнымъ познакомиться съ тою литературою, которую считалъ зловредною.

Эта особенность душевнаго склада Фотія имѣла весьма важное значеніе въ его дѣятельности; онъ, какъ и всѣ фанатики, не могъ понимать доводовъ противниковъ и потому никогда не могъ усомниться въ собственной правотѣ. Его ничуть не интересовали доводы противниковъ, онъ никогда не задавался мыслію найти какія-либо цѣнныя, достойныя размышленія свѣдѣнія въ сочиненіяхъ противниковъ, а потому для него всѣ книги, за исключеніемъ изданныхъ съ разрѣшенія духовной цензуры, были не болѣе какъ зловредныя и преступныя сочиненія.

Для Фотія всегда оставался чуждымъ тотъ обширный кругъ идей, который очаровывалъ его противниковъ, который даже грубымъ умамъ внушаетъ нѣкоторое почтеніе; онъ искренно и глубоко презиралъ всякое знаніе, потому что его не понималъ. Онъ даже не постарался научиться писать грамотно, и, несмотря

на свою любовь къ сочинительству, не старался обработать свой слогъ, избѣгать самыхъ грубыхъ ошибокъ. Нельзя отказать Фотію въ значительномъ трудолюбіи, и, казалось бы, что, обладая большимъ досугомъ, онъ могъ основательно изучить книги, издаваемые съ разрѣшенія духовной цензуры, но даже знаніе этой области ему было не по силамъ.

✓ Фотій не любилъ и не понималъ красоты; онъ даже не понималъ красоты церковнаго пѣнія, какъ то свидѣтельствуется преданный ему келліархъ. Едва ли нужно говорить, что онъ совершенно не понималъ живописи, ваянія и архитектуры; даже поклонники его дѣятельности, какъ устроители Юрьевского монастыря, не могли похвалить его вкуса. Юрьевскій монастырь поражалъ своимъ богатствомъ; много золота, серебра, драгоценныхъ камней пошло на его украшеніе, но ни одной красивой постройки, свидѣтельствующей о художественномъ вкусѣ Фотія, тамъ не было; этотъ монастырь можетъ служить доказательствомъ, что красота была совершенно непонятна Фотію.

Фотій выросъ въ деревнѣ и потому могъ бы понимать и любить природу. Онъ подробно описываетъ свое путешествіе въ Коневецкій монастырь, но ни одного слова о красотахъ природы этой мѣстности онъ не говоритъ. Можно лишь удивляться, какъ этотъ молодой тогда монахъ, былъ безучастенъ къ красотамъ, поражающимъ богомольцевъ, посѣщающихъ Коневецкій монастырь. Онъ искалъ въ этомъ монастырѣ монастырскаго благочестія, и въ этомъ смыслѣ его путешествіе въ Коневецкій монастырь было ему полезно.

✓ Фотій совершенно не понималъ поэзіи; вся поэзія религіи для него не существовала; поэтому онъ совершенно не понималъ мистицизма. Только ясныя догматы были ему доступны; онъ много и часто цитируетъ св. писаніе, и по выбору текстовъ можно судить, что возвышенная, побѣждавшая самые великіе умы поэзія его не привлекала. Это былъ сухой формалистъ, пѣнвившій только букву закона и ничего болѣе; онъ не могъ войти въ настроеніе псалмопѣвца; его не поражала Пѣснь Пѣсней. Крайняя черствость всей натуры Фотія была одной изъ главныхъ причинъ того, что, несмотря на аскетизмъ, формальное благочестіе, самоувѣренность, онъ не имѣлъ учениковъ, не дѣйствовалъ благотворно на ищущихъ религіознаго утѣшенія. Его формальное пониманіе религіи, не согрѣтое любовью, по-

давявшее всѣ поэтическіе порывы, не могло увлекать ни образованныхъ людей, ни толпы; ему цѣловали руки, удивлялись его аскетизму, но онъ не дѣйствовалъ на сердца.

Фотію жилось легко, потому что онъ не любилъ въ жизни ничего, кромѣ власти; его слабый организмъ не нуждался въ движеніи, въ физическихъ упражненіяхъ, и потому отшельническая жизнь не могла его тяготить. Онъ не любилъ красоты, и потому роскошь въ обстановкѣ и одеждѣ для него имѣла значеніе, лишь какъ символъ власти и величія. Фотій не боролся съ свойственной многимъ слабостью—любовью къ спиртнымъ напиткамъ; его нейропатическій организмъ не нуждался въ опьянѣніи и потому его не тянуло къ вину; ему не пришлось согрѣшать и раскаиваться. Мы знаемъ, какъ для многихъ тяжела борьба съ этой слабостью, какъ трудно бороться даже стойкимъ людямъ съ стремленіемъ къ вину; Фотій, по свойству своей организаци, не стремился къ опьянѣнію и потому ему не было надобности тратить силы на борьбу.

Также Фотія не соблазняла жизнь съ ея движеніемъ и волненіями; и въ Новгородѣ, и въ Петербургѣ онъ не выходилъ изъ монастыря, его не тянуло въ толпу, не тянуло посмотрѣть на веселье, принять въ немъ участіе. Мы знаемъ, какъ тянетъ каждаго изъ насъ въ толпу, какъ тяготитъ насъ постоянное одиночество; всякій, самъ не сознавая почему, жаждетъ принять участіе въ общей жизни и оживляется, когда попадаетъ въ толпу. Фотій, какъ онъ самъ въ томъ сознается, совершенно не испытывалъ желанія походить по оживленнымъ улицамъ, потолкаться на гуляньяхъ; едва ли онъ до постриженія считалъ большимъ грѣхомъ прогулку по улицамъ; посѣщеніе общественаго гулянья на масляной и на святой, но онъ и не хотѣлъ выходить съ своими товарищами и постоянно оставался въ академіи. Тѣмъ болѣе удивительна такая асоціальность Фотія, что она уже рѣзко проявилась въ молодости, когда, какъ извѣстно, всѣ мы нуждаемся въ обществѣ. Фотію легко было вести отшельническую жизнь, потому что ему не нужно было подавлять въ себѣ естественныя для всѣхъ насъ желанія.

Нелегко объяснить, насколько трудно было Фотію переносить тяжелый постъ, который онъ считалъ необходимымъ для своего спасенія. Можетъ быть, онъ много страдалъ вслѣдствіе недостаточнаго принятія пищи, но также возможно, что онъ былъ

безразличенъ къ пищѣ и легко переносилъ постъ. Нѣкоторые нейропаты ѣдятъ удивительно мало, поразительно неразборчивы довольствуются самой невзыскательной пищей. Я наблюдалъ одного душевно больного, который въ будни не ѣлъ ничего кромѣ чернаго хлѣба, а по праздникамъ съѣдалъ одинъ-два соленыхъ огурца. Я долго подозрѣвалъ, что больной незаметно для прислуги отнималъ порціи у другихъ больныхъ, но самое тщательное наблюденіе убѣдило меня, что ничего кромѣ чернаго хлѣба въ количествѣ меньше фунта въ день онъ не ѣлъ; общій видъ больного былъ весьма удовлетворителенъ. Я часто удивлялся, какъ мало ѣдятъ нѣкоторые нейрастеники и истерики. Мы не знаемъ, насколько тяжело было Фотію соблюдать строгій постъ; возможно, что онъ переносилъ наложенное на себя «правило» легко; по крайней мѣрѣ, онъ не отмѣтилъ, что ему было тяжело бороться съ естественнымъ желаніемъ хорошенько поѣсть. Онъ краснорѣчиво описываетъ, какъ трудно ему было бороться съ половыми желаніями.

Впрочемъ, не всѣ вѣрили въ постничество Фотія; такъ крестьяне гр. Орловой писали ей, что Фотій ѣздитъ «въ великолѣпной колесницѣ съ лакеями въ богатой ливреѣ», носить «рубахи фланскаго полотна», ѣсть «сладкія кушанья», «стерляжь уху», «иноземные фрукты», «кіевскія варенья», «различное желе» и т. д. ¹⁾ Крестьяне гр. Орловой могли имѣть вѣрныя свѣдѣнія, и, можетъ быть, Фотій постился не такъ строго, какъ пишетъ въ своей автобіографіи.

Фотій увѣряетъ, что борьба съ половыми желаніями для него была очень тяжела въ молодости; затѣмъ такихъ искушеній, повидимому, не было; по крайней мѣрѣ, онъ таковыхъ не описываетъ. Всѣ его отношенія къ женщинамъ сводились на то, что онъ властвовалъ надъ ними, или, по крайней мѣрѣ, стремился къ властвованію. Зависѣло ли его особое вниманіе къ благочестивымъ поклонницамъ отъ того, что онъ не могъ вліять на мужчинъ, или отъ того, что онъ употреблялъ особыя усилія и старанія окружить себя почтительными богомолками—рѣшить трудно. Эта особенность дѣятельности Фотія такъ бросалась въ глаза, что о ней упоминаютъ крестьяне гр. Орловой; они писали своей барынѣ: «станетъ ли истинный святильникъ,

1) „Русская Старина“. 1896; стр. 528.

если онъ не адскій факель, святить на одинъ только слабый полъ женскій, да и то на одинъ богатый, а мужчинъ умныхъ, какъ демоновъ бояться». Фотій, не любившій людей, свысока относился къ простому народу, а потому и искалъ лишь знатныхъ, богатыхъ поклонницъ. Умныхъ мужчинъ онъ боялся какъ демоновъ, потому что умные мужчины не могли раздѣлять его взглядовъ, понимали его умственное убожество; только преданность богатыхъ дамъ могла быть ему пріятна, и не его вина, что въ этомъ обществѣ было достаточно наивныхъ и неумныхъ особъ, поклонявшихся этому невѣжественному фанатику. Можетъ быть, у Фотія и былъ несознаваемый имъ особый интересъ къ «слабому» полу, какъ видоизмѣненное половое стремленіе; по крайней мѣрѣ его особое вниманіе къ Фитинѣ Павловнѣ нѣсколько подозрительно.

Аскетизмъ Фотія импонировалъ и «богомудрой дѣвицѣ» и другимъ поклонницамъ этого фанатика; само собою разумѣется, что эти благочестивыя дамы не сознавали ясно значенія этого момента, но безспорно, онѣ поклонялись не краснорѣчію и уму Фотія, а его аскетизму, подчинялись его самоувѣренности и преклонялись передъ нимъ, какъ передъ мужчиною, притомъ вполне безгрѣшнымъ въ половомъ отношеніи. Слѣпая покорность гр. Орловой даетъ намъ право предполагать большую долю *пассивизма* въ ея отношеніяхъ къ Фотію; видоизмѣненное, подавленное половое чувство принимаетъ крайне причудливыя формы. Н. Ellis ¹⁾ собралъ немало наблюдений, доказывающихъ немалую роль *пассивизма* въ жизни нѣкоторыхъ женщинъ; желаніе подчиняться, переносить жестокое обращеніе можетъ быть весьма сильно; подчиненіе грубой волѣ мужчины бываетъ очень пріятно. Весьма возможно, что и гр. Орловой доставляло своеобразное наслажденіе подчиняться самоувѣренному деспоту; она любила челоуѣка, доставлявшаго ей эти пріятныя чувствованія, конечно, не сознавая настоящихъ причинъ своей привязанности къ Фотію, увѣряя себя, что любитъ его какъ благочестиваго, мудраго духовника. Извѣстно глубокое почтеніе гр. Орловой къ Фотію; она считала его безсодержательныя, дурно изложенныя письма «апостольскими посланіями».

¹⁾ Studies in the Psychology of Sex. Das Geschlechtsgefühl. (Deutsche Ausgabe von Kurella).

Едва ли кто рѣшится утверждать, что гр. Орлова могла бы также подчиняться женщинѣ, какъ она подчинялась Фотію; очевидно, въ отношеніяхъ Фотія и гр. Орловой имѣло большое значеніе видоизмѣненное любовное влеченіе гр. Орловой къ Фотію; она поклонялась ему какъ мужчинѣ-аскету. Въ ихъ отношеніяхъ имѣли значеніе пассивизмъ гр. Орловой и грубый деспотизмъ Фотія, при чемъ гр. Орлова, зная, что Фотій настоящій аскетъ, могла, безъ страха грѣха, относиться къ нему, какъ къ мужчинѣ-повелителю женщина-раба. Такія отношенія далеко не рѣдки, какъ знаютъ многіе врачи и какъ это еще разъ напомнилъ Н. Ellis. Пассивизмъ въ отношеніяхъ гр. Орловой къ Фотію придавалъ особый отпечатокъ почтенію и преданности этой единственной преданной ученицы Фотія; напряженная страстность этихъ отношеній, полное ослѣпленіе гр. Орловой указываютъ, что вліяніе Фотія на убѣжденія и взгляды гр. Орловой имѣло лишь второстепенное значеніе. Самые великіе учителя не имѣли такихъ преданныхъ ученицъ; если гр. Орлова была не совсѣмъ глупа, то Фотій не могъ завладѣть надолго ея умомъ, потому что для такой власти у него не было данныхъ; если она была очень глупа, то она не могла подчиняться чисто умственному вліянію кого-либо на долгое время. Все, что намъ извѣстно о гр. Орловой, даетъ право думать, что она обладала умственными способностями не ниже среднихъ, была недурно образована. То обстоятельство, что она не вышла замужъ, хотя ея руки добивались самые блестящіе женихи, даетъ основаніе допускать аномалии половой сферы. Что то въ ея половой жизни было настолько ненормально, что, несмотря на жизнь въ высшемъ обществѣ, ухаживанія самыхъ ловкихъ кавалеровъ, гр. Орлова не вышла замужъ, никого не полюбила, никто не могъ похвастаться, что обратилъ на себя вниманіе этой богатой и знатной барышни. Какъ бы ни было велико ея стремленіе къ спасенію, нормальная половая жизнь проявилась бы и не разъ до ея знакомства съ Фотіемъ.

II.

Нельзя опредѣлить, когда впервые у Фотія появились обманы чувствъ, игравшіе немалую роль въ его жизни.

Когда Фотій учился въ хорѣ Казанскаго собора, то въ алтарѣ собора, въ великій четвертокъ, видѣлъ двухъ схимниковъ; онъ

увѣренъ, что это были ангелы, такъ какъ «тогда позналъ, что около ста лѣтъ не было схимниковъ въ лаврѣ, и что они были не человѣки, но ангелы Господни». Но вѣдь мальчикъ могъ принять монаховъ за схимниковъ; наконецъ, Фотій могъ перезабыть подробности этого случая, когда писалъ автобіографію.

Также нельзя съ увѣренностью считать обманомъ чувствъ «привидѣніе», видѣнное имъ въ домѣ отца, когда Фотій учился въ семинаріи. Мачиха послала его на чердакъ «курицу на гнѣздо садить»; «напалъ страхъ на него и нѣкое привидѣніе видѣвъ, отъ страха поспѣшно побѣжалъ съ верха дома». Можетъ быть, это и была галлюцинація, а можетъ быть, боязливый, постоянно опасавшійся дьявола мальчикъ въ темнотѣ просто испугался и ту же курицу принялъ за что-то страшное.

Болѣе вѣроятно, что первый разъ обманъ чувствъ Фотіемъ пережилъ въ 1815 году, т. е. на двадцать третьемъ году жизни. Уже тогда онъ составилъ себѣ убѣжденіе, что крайне вредны всѣ книги, издаваемые «не съ цензуры духовной, не съ благословенія св. Синода»; «а посему, конечно, всѣ власти, отъ Бога церковныя поставленныя, имѣютъ мнѣніе невыгодное о всѣхъ книгахъ Штиллинга, и прочихъ, ему подобныхъ ¹⁾». Смотритель училища далъ Фотію почитать: «Путь ко Христу» Якова Бэма. Фотій признается, что «не слышалъ имени во святыхъ Бэма, а Іаковъ есть не одинъ во святыхъ. Весьма желалъ бы узнать, святой ли есть Іаковъ Бэмъ или не святой». Чтобы выяснитъ себѣ этотъ любопытный вопросъ, молодой учитель началъ читать книгу. Фотій ничуть не смущается своимъ поразительнымъ невѣжествомъ; напротивъ, онъ оправдываетъ себя въ томъ, что читалъ эту мерзкую, по его мнѣнію, книгу, тѣмъ, что не зналъ, кто такой Бэмъ и хотѣлъ узнать святой ли онъ. Книга возмутила Фотія; онъ «ужаснулся, вдругъ почувствовалъ въ себѣ нѣкоторое смущеніе внутри, тягость въ головѣ и мракъ въ умѣ, началъ видѣть своими очами все, но мрачно среди дня», «нападаетъ ужасъ на него, страхъ и трепеть»... «Вдругъ аки бы кто хочеть снять съ его тѣла кожу; отъ ужаса тотчасъ встрепеталъ».

¹⁾ Почти такое же сужденіе я слышалъ отъ одного молодого фанатика о всѣхъ книгахъ, дозволенныхъ цензурою; только заграничныя изданія онъ считалъ достойными своего вниманія; всѣ разрѣшенныя книги ему были такъ же противны, какъ Фотію всѣ, кромѣ изданныхъ съ разрѣшенія св. Синода.

Фотій понялъ, что съ нимъ случилась бѣда отъ чтенія зло-вредной книги, бросилъ ее отъ себя, и успокоился. Несомнѣнно, Фотій былъ плохой наблюдатель; онъ такъ неясно и сбивчиво описалъ этотъ припадокъ, что невозможно составить себѣ яснаго представленія о томъ, что съ нимъ собственно было. Повидимому, онъ пережилъ тяжелый аффектъ, сочетанный съ иллюзiей; иллюзiей можно считать плохо имъ описанное впечатлѣнiе со стороны кожи. Нѣкоторые больные жалуются на то, что съ нихъ снимаютъ кожу, или на то, что имъ кажется, будто съ нихъ сдираютъ кожу. Весьма вѣроятно, что именно такой обманъ кожного чувства былъ въ данномъ случаѣ и у Фотiя.

Я думаю, что въ этомъ случаѣ у Фотiя былъ первый разъ обманъ чувствъ именно вслѣдствiе того, что впечатлѣнiе было неясное, странное, непонятное ему самому; обыкновенно именно въ началѣ, обманы чувствъ бывають неопредѣленные, слабо выраженные. Больному показалось; онъ говоритъ «какъ будто», «аки бы», не можетъ точно описать, что съ нимъ было.

Затѣмъ у Фотiя, какъ почти у всѣхъ больныхъ, обманъ чувствъ принимаетъ болѣе опредѣленный характеръ, потому и описанiе ихъ болѣе ясно и понятно.

Несомнѣнныя галлюцинации развились у Фотiя, если вполне довѣрять точности его воспоминанiй, въ 1817 году, то-есть на двадцать шестомъ году жизни; я думаю, что въ этомъ отношенiи мы можемъ довѣриться точности памяти Фотiя; на основанiи моихъ наблюденiй, я составилъ себѣ сужденiе, что именно въ этомъ возрастѣ у лицъ съ такой патологической организацiей, какой обладалъ Фотiй, и появляются обманы чувствъ.

Когда онъ былъ законоучителемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, Фотiй «день отъ дня всячески старался преуспѣвать въ духовной жизни. Тогда и дьяволъ наводилъ на него не только мечты, но являлся при случаяхъ ошутительно и особенно являлся при его дреманiяхъ въ ноши и сражался съ нимъ». Конечно, сновидѣнiя соотвѣтствовали основнымъ мыслямъ Фотiя и потому ничего патологическаго нельзя видѣть въ томъ, что дьяволъ являлся Фотiю въ дреманiяхъ. Но онъ видѣлъ дьявола и наяву, какъ то можно заключить по слѣдующему разсказу. «Въ первые разы, явился врагъ, напалъ на него»; казалось Фотiю, долго онъ боролся съ нимъ; врагъ всѣ его силы отнялъ въ борьбѣ, такъ съ нимъ сильно сразился. Онъ же вооружился тогда мо-

литвою... и весьма былъ радъ, что одолѣлъ благодатью... Особенно сложна и даже интересна была галлюцинація Фотія въ августѣ 1817 г. Фотій «послѣ часа девятого» сидѣлъ передъ образами въ своей комнатѣ, «хотѣлъ встать и молиться Господу по обычю. Но вдругъ что съ нимъ сдѣлалось и въ какомъ состояніи былъ, но токмо въ забытіи увидѣлъ себя въ непонятномъ нѣкоемъ состояніи, не во снѣ и не наяву; увидѣлъ явно четырехъ бѣсовъ, человѣкообразно пришедшихъ, безобразныхъ въ сѣромъ видѣ, не великихъ по виду». Фотій слышалъ даже, что говорили черти—«сей есть врагъ нашъ! схватимъ его и будемъ бить». Наконецъ сіи четыре бѣса согласились съ четырехъ сторонъ на него напасть... И тако вдругъ нечаянно наскочили на него, какъ волки быстро, и одинъ его такъ ощутительно ударилъ въ грудь, что онъ, вскочивъ на ноги, отъ боли и страха испугался, и забывъ молитву читать, вскорѣ на одрѣ свой возлегъ и окрылся весь одѣяломъ, дабы не видѣть ничего и никого, и, тако молитву лежа въ тайнѣ сотворивъ вмалѣ, весь трепеталъ отъ ужаса вражія».

Фотій однако обладалъ и настойчивостью мысли и не лишень былъ сомнѣній; даже послѣ этой галлюцинаціи онъ не вполне увѣровалъ во все, что слышалъ о нечистой силѣ, онъ говорилъ себѣ такъ: «тогда существованію бѣсовъ извѣстно буду вѣрывать, когда я увижу не въ образѣ человѣческомъ, и не въ привидѣніяхъ, а якоже подобаеть видѣть бѣсовъ».

Скоро Фотій убѣдился въ существованіи бѣсовъ, изъ чего мы въ правѣ заключать, что въ этомъ періодѣ его жизни наступило стойкое, и потому, нужно думать, и длительное обостреніе или ухудшеніе. Мы видимъ, что это обостреніе развивалось медленно и постепенно, а потому трудно допустить, чтобы оно быстро исчезло, т.-е. быстро наступило улучшеніе.

Фотій вполне опредѣленно отмѣчаетъ день, когда онъ имѣлъ сложныя, настоящія галлюцинаціи; это было въ ночь на 6-ое декабря 1817 года, слѣдовательно, у него были обманы чувствъ въ теченіе весьма продолжительнаго періода. Онъ не говоритъ о своихъ видѣніяхъ съ августа по декабрь 1817 г., изъ чего мы, конечно, не въ правѣ заключать, что за эти мѣсяцы у него не было обмановъ чувствъ: онъ вѣдь описываетъ видѣнія, по его мнѣнію, особенно знаменательныя, и не упоминаеть объ обыденныхъ, съ его точки зрѣнія, видѣніяхъ.

Въ ночь на 6-ое декабря, когда онъ легъ въ кровать, «духъ грядеть къ нему, якоже духъ злый»; слѣдовательно, зрительная галлюцинація: духъ «говорить ему: ты желалъ меня видѣть, якоже я есть, прійди ко мнѣ и виждь меня». Галлюцинація была весьма сложная и продолжительная; Фотій при этомъ мало волновался, о чемъ мы можемъ судить по тому, что онъ подробно и ясно описалъ все имъ пережитое. «Фотій тогда пришелъ въ ужасъ велий, всячески отъ мѣста явленія и присутствія бѣса усиливался отойти, а бѣсъ силою яко духъ влекъ къ себѣ его; Фотій долго не уступалъ бѣсу, онъ даже рѣшился бороться съ бѣсомъ» «самъ по себѣ», т.-е. не вспоминая Бога. Наконецъ, «бѣсъ началъ его душить»; «брань и борьба» окончились тѣмъ, что Фотій испугался смерти отъ удушенія за горло». Въ критическій моментъ «сила благодатная восхитила его, привела его въ чувство; Фотій «возопилъ сильнымъ голосомъ ко отцу своему», спавшему въ другой комнатѣ, «и тотчасъ исчезъ духъ лукавый».

Это видѣніе окончательно убѣдило Фотія въ существованіи бѣсовъ и имѣло на него значительное вліяніе; онъ «усугублялъ подвиги свои въ воздержаніи, постахъ и молитвахъ»... читалъ только церковныя книги, изданныя св. синодомъ. «И тако исполнялся духомъ святыхъ отецъ, возрасталъ возрастомъ духовнымъ и силою». Мы знаемъ, что Фотій очень строго соблюдалъ посты; теперь же онъ еще суровѣе ограничивалъ себя въ пищѣ, что, конечно, могло имѣть вліяніе на дальнѣйшее развитіе его патологическаго состоянія, особенно же на обманъ чувствъ.

Дѣйствительно, мы видимъ, что галлюцинаціи въ 1818 году дѣлаются частыми и весьма стойкими. «Нѣсколько мѣсяцевъ сатана подсылалъ къ нему духа злого, который стоялъ по правую сторону, внушалъ тайно, явно прельшалъ его, что онъ Ілія пророкъ новый»; бѣсъ совѣтовалъ Фотію перейти Неву «яко по суху противу самаго дворца»; бѣдный Фотій «явно въ слухъ принужденъ былъ возглашать сатанѣ: отъиди отъ мене сатана».

Кромѣ этой стойкой галлюцинаціи у Фотія были и другія; такъ онъ не совсѣмъ ясно описываетъ, какъ однажды «видѣлъ, что весь потолокъ верхъ кельи снялся съ кельи его, онъ увидѣлъ очами своими нѣкій свѣтъ, но не совсѣмъ сіятеленъ; умъ его восхищенъ отъ него» «къ нему нѣкто предстоить милъ и

сердцу сладокъ, сказываетъ въ тайнѣ, яко Сый съ нимъ тогда прелестъ отъ сатаны онъ увидѣлъ; духъ вражій искушаетъ его».

Я думаю, что въ этомъ неясно описанномъ припадкѣ невозможно отдѣлить галлюцинацію отъ иллюзіи и ложнаго сужденія; исчезновеніе потолка конечно галлюцинація, но нельзя опредѣлить, что собственно было дальше; Фотій не объясняетъ, какой видъ имѣлъ «нѣкто»; «сказываетъ въ тайнѣ» весьма неопредѣленное выраженіе; можно лишь предполагать, что это была псевдогаллюцинація. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что у Фотія были разнообразныя патологическія явленія.

Въ 1818 г. болѣзнь проявлялась такъ сильно и такъ рѣзко, что окружающіе сочли его ненормальныхъ, или, по крайней мѣрѣ, предполагали, что онъ психически боленъ. Однажды, Фотій поѣхалъ въ Лавру, съ нимъ поѣхалъ и діаконъ церкви 2-го кадетскаго корпуса. Діаконъ переговорилъ съ архимандритомъ Иннокентіемъ, принимавшимъ особое участіе въ молодомъ монахѣ; вѣроятно разсказъ діакона показался Иннокентію заслуживающимъ довѣрія. Иннокентій не только «за разными причинами задерживалъ его (Фотія) у себя, никуда его не выпускалъ», но и доложилъ митрополиту; очевидно, дѣло представлялось серьезымъ; вѣдь изъ-за одного подозрѣнія не стали бы беспокоить митрополита.

Самъ Фотій не говоритъ, кто именно и почему находилъ его душевно-больнымъ; также объ этомъ нѣтъ свѣдѣній и въ работахъ, посвященныхъ біографіи Фотія. Носомнѣнно, что самъ діаконъ, какъ лицо подчиненное Фотію, не рѣшился бы по собственной инициативѣ дѣлать сообщенія Иннокентію; навѣрное діаконъ дѣйствовалъ по приказанію лица, облеченнаго властью, вѣроятно же всего, директора корпуса. Понятно, что діаконъ только въ силу крайней необходимости, то-есть по приказанію или настоянію лица, имѣющаго большое значеніе въ его глазахъ, рѣшился доложить Иннокентію. Нужно думать, что разговоры и поступки Фотія были таковы, что начальству корпуса ничего не оставалось дѣлать, какъ поручить діакону ѣхать съ Фотіемъ въ Лавру и доложить Иннокентію о душевной болѣзни законоучителя. Вѣроятно, и самъ діаконъ считалъ своего настоятеля больнымъ; по крайней мѣрѣ, онъ сумѣлъ объяснить Иннокентію серьезность этого дѣла; да навѣрное діаконъ и не взялся бы исполнить порученія, если бы не считалъ Фотія больнымъ, воплѣтъ

понимая, что если его мнѣніе окажется невѣрнымъ, и Фотій вернется въ корпусъ, то едва ли не будетъ ему мститъ. Иннокентій благоволилъ къ Фотію и потому не могъ на основаніи пустыхъ или, неправдоподобныхъ разсказовъ діакона беспокоить митрополита и внушать ему такимъ образомъ подозрѣнія относительно здоровья своего любимца. Самъ Фотій говоритъ, что дѣло приняло огласку, «въ столицѣ молва о немъ пронеслась».

Митрополитъ отнесся весьма серьезно къ полученнымъ свѣдѣніямъ; онъ четыре раза бесѣдовалъ съ Фотіемъ; «въ первый разъ полтора часа подъ видомъ разговора бесѣдовалъ съ нимъ». Очевидно, митрополитъ хотѣлъ убѣдиться въ справедливости свѣдѣній, сообщенныхъ ему отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія или, по крайней мѣрѣ, вниманія. Мы, конечно, не можемъ упрекнуть гуманнаго митрополита за то, что онъ не поручилъ врачу изслѣдовать Фотія, такъ какъ и такое изслѣдованіе могло привести къ невѣрному заключенію, вслѣдствіе хитрости Фотія.

Фотій самъ пишетъ, что, находясь въ Лаврѣ, «уразумѣлъ, что его, яко не въ полномъ умѣ сущаго, задерживаютъ». Зная, что произойдетъ, если онъ не убѣдитъ Иннокентія и митрополита въ томъ, что онъ совершенно здоровъ, Фотій, конечно, сдѣлался скрытенъ, не высказывалъ всѣхъ своихъ мыслей, употребилъ всѣ старанія убѣдить и Иннокентія, и митрополита въ томъ, что онъ здоровъ. Мы знаемъ, что нѣкоторымъ больнымъ это удается даже при наблюденіи ихъ опытными психіатрами. Фотій едва ли вѣрно передаетъ сущность своихъ бесѣдъ съ Иннокентіемъ и митрополитомъ; по его словамъ, митрополитъ убѣждалъ его не бороться противъ массоновъ; это мало вѣроятно; вообще, мы не можемъ довѣрить Фотію, утверждающему: «ни въ чемъ не могъ оспорить пастырь добрый (митрополитъ) его». Едва ли могъ митрополитъ сказать Иннокентію «я желаю, дабы и вы (Филаретъ и Иннокентій и прочіе) были въ такомъ умѣ и разумѣ, какъ отецъ Фотій». Несомнѣнно лишь, что всякій опытный психіатръ слышалъ не отъ одного параноика совершенно то же, что разсказываетъ Фотій; больной увѣряетъ, что онъ доказалъ справедливость своихъ возрѣній; результатомъ спора были слова оппонента—дай Богъ, чтобы всѣ были такъ здоровы, какъ разсказчикъ и г. п.

Добрый Иннокентій, когда въ Лаврѣ было рѣшено, что Фотій

здоровъ, чувствовалъ себя виноватымъ и угостилъ Фотія ягодами.

Однако, самъ Фотій, хотя и непрямо, признаетъ, что онъ обѣщаль Иннокентію быть сдержаннѣе: «если Богъ языкъ мой удержитъ отъ дерзновеній противъ массоновъ говорить, то удержусь и умолчу; и тако далъ слово молчать». Изъ бесѣды съ Иннокентіемъ и митрополитомъ, Фотій могъ усвоить, что признается дозволеннымъ и возможнымъ для здороваго, и что считалось проявленіемъ болѣзни. Онъ узналъ, что эти авторитетныя лица считали разумнымъ и что считали совершенно непозволительнымъ, и потому въ своей послѣдующей дѣятельности зналъ, о чемъ слѣдуетъ молчать и что можно говорить въ качествѣ бойца за церковь. Самъ Фотій категорически заявляетъ, что онъ былъ вполне правъ, что митрополитъ и Иннокентій не могли его «оспорить»; конечно, послѣ бесѣды съ такими авторитетами, онъ еще болѣе убѣдился въ своемъ величіи; вѣдь и они нашли его здоровымъ и не могли его «оспорить».

Такъ какъ духовныя власти нашли Фотія здоровымъ, то начальнику 2-го корпуса ничего не оставалось дѣлать, какъ просить объ удаленіи Фотія изъ корпуса; по всей вѣроятности, представлены были убѣдительныя доказательства полной непригодности Фотія, какъ законоучителя и настоятеля, и онъ былъ назначенъ игуменомъ въ бѣдный монастырь, при чемъ митрополитъ, знавшій Фотія, отнесся къ нему такъ холодно, что не далъ даже просимыхъ Фотіемъ денегъ на дорогу.

Автобіографія Фотія и имѣющіяся въ литературѣ свѣдѣнія не даютъ намъ права судить, наступило ли послѣ 1818 года нѣкоторое улучшеніе, или онъ просто не нашелъ нужнымъ описывать свои видѣнія. Я предполагаю, что обманы чувствъ или прекратились совершенно, или, по крайней мѣрѣ, ослабли; можно думать, что новыхъ галлюцинацій больше не было. Фотій подробно описываетъ свои вѣщія, по его мнѣнію, сны; онъ дѣйствовалъ смѣло, вѣря въ особое значеніе этихъ сновъ; трудно допустить, чтобы онъ не упомянулъ о видѣніяхъ.

Однако и самъ Фотій пишетъ, что и въ 1823 «многіе думали, что Фотій хладнокровенъ сталъ отъ того, что не въ настоящемъ умѣ находится и потерялъ рассудокъ. Однѣ дѣвицы и жены простыя, окруживъ его, о немъ соболѣзновали, утѣшали его въ скорби, брали благословеніе, цѣловали руки

его. Врачи же ученые хотѣли примѣчать въ немъ помѣшательство».

Дѣйствительно, его хладнокровіе во время пожара Юрьевского монастыря было крайне подозрительно; окружающіе имѣли право усумниться въ нормальности умственныхъ способностей Фотія: по его приказанію, свѣчи и кадило въ церкви зажгли принесенной съ пожара горящей доской. Однако хладнокровіе Фотія можно объяснить и тѣмъ, что, какъ полагали многіе, въ томъ числѣ и Филаретъ, митрополитъ московскій, самъ Фотій поджегъ монастырь, чтобы имѣть возможность его построить заново. Митропольскому ¹⁾ это предположеніе кажется правдоподобнымъ; тѣмъ болѣе, что въ день пожара прибыло отъ гр. Орловой на 40 тысячъ строительныхъ матеріаловъ.

Былъ ли Фотій только хладнокровенъ во время пожара, или самъ поджегъ монастырь, такъ какъ былъ психически боленъ, и только «дѣвицы и жены простыя» могли его считать «въ настоящемъ умѣ»? Не только «врачи ученые», но и всѣ образованные люди признаютъ «не въ настоящемъ умѣ» Фотія по его поведенію во время пожара Юрьевского монастыря 21 января 1823. Я думаю, что Фотій могъ поджечь монастырь, чтобы построеніемъ новаго на средства гр. Орловой доказать свое величіе и посрамить своихъ враговъ. Такіе фанатики, какъ Фотій, не останавливаются ни передъ чѣмъ, чтобы возвеличить себя и поразить враговъ; они считаютъ себя всегда правыми и всегда имѣютъ въ распоряженіи доказательства своей правоты—у Фотія были видѣнія, знаменія, сновидѣнія, полное презрѣніе къ врагамъ и ко всѣмъ людямъ вообще, за исключеніемъ гр. Орловой.

Прекратились ли обманы чувствъ Фотія въ началѣ двадцатыхъ годовъ или повторялись всю жизнь, мы рѣшить не можемъ; болѣе вѣроятно, что они прекратились, по крайней мѣрѣ, послѣ 1824-го года. Если бы у Фотія были видѣнія послѣ 1824 г., онъ описалъ бы ихъ, какъ доказательства своего величія, писалъ бы о нихъ Орловой. Впрочемъ, этотъ вопросъ не имѣетъ большого значенія; важно установить, что у Фотія были обманы чувствъ, что они были ранѣе того, когда онъ сыгралъ свою печальную роль въ нашей исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не поучительно, что безспорно душевнобольной, страдавшій обма-

¹⁾ Вѣстникъ Европы 1878; XII, стр. 601.

нами чувствъ, оказалъ значительное вліяніе на духовное развитіе великаго государства, далъ толчокъ къ ужасной реакціи, былъ передовымъ бойцомъ въ серьезной борьбѣ. Правда, этотъ больной, страдавшій обманами чувствъ сыгралъ крайне печальную роль, но увы и теперь, вѣроятно, есть лица, полагающія, что вліяніе Фотія было полезно, что ярая реакція — явленіе здоровое.

Такъ какъ Фотій составлялъ свою автобіографію въ послѣдніе годы жизни, то мы не можемъ сказать съ достаточною точностью, когда у него окончательно сформировались или, какъ говорятъ, кристаллизовались идеи величія; поэтому мы не можемъ опредѣлить, когда онъ началъ своеобразно объяснять для доказательства своего права на высшее призваніе самыя незначительныя обстоятельства своей жизни, когда онъ сталъ имъ придавать особое символическое значеніе.

Едва ли мы ошибемся, допуская, что такая своеобразная система у него выработалась уже тогда, когда онъ своею дѣятельностью проявилъ полную увѣренность въ своемъ высшемъ призваніи т.-е. въ концѣ третьяго десятилѣтія жизни.

Нужно отдать справедливость Фотію: онъ былъ очень послѣдователенъ, и своеобразное толкованіе самыхъ незначительныхъ событій своей жизни переработалъ въ стройную систему.

Въ этомъ отношеніи его автобіографія крайне интересна и для психіатра, и для психолога, такъ какъ выясняетъ намъ своеобразный ходъ мысли многихъ ненормальныхъ лицъ, выясняетъ намъ, какъ складываются идеи величія, удивляющія своею неосновательностью всякаго здравомыслящаго. Поэтому необходимо подробнѣе остановиться на этой сторонѣ автобіографіи Фотія.

Родители Фотія потеряли двухъ старшихъ дѣтей, которыя «вскорѣ умирали послѣ рожденія своего»; Фотій былъ третій ребенокъ. «Когда же Евфимія мать носила Петра (имя Фотія до монашества) во чревѣ своемъ, весьма сохранила себя, часто чрево свое и зачатое въ немъ крестила рукою своею, когда чувствовала внутри взгнаніе или болѣзнь». Очевидно, это самое обыкновенное обстоятельство, Фотій считалъ столь важнымъ, что нашелъ нужнымъ занести въ свою автобіографію; онъ не говоритъ, кто сообщилъ ему объ этомъ обстоятельствѣ, но несомнѣнно, что онъ слышалъ о немъ въ дѣтствѣ, и уже тогда придавалъ ему особое значеніе. Нужно думать, что мать Фотія,

также поступала и во время слѣдующей беременности, но объ этомъ Фотій не нашелъ нужнымъ упомянуть.

Въ день рожденія Фотія въ домѣ его отца лежало тѣло дѣда-эпилептика; въ домѣ были родственники, собравшіеся на похороны; а бѣдной дѣвчухѣ пришлось родить въ хлѣву, при чемъ роды, повидимому, были тяжелые. Фотій очень подробно и патетически описываетъ свое рожденіе въ хлѣву, изъ чего мы въ правѣ заключить, что онъ придаетъ особое значеніе этому обстоятельству. Едва ли нужно говорить, какое значеніе могъ придавать Фотій этому обстоятельству, и мы можемъ лишь удивляться его дерзости.

Что Фотій вообще придавалъ громадное значеніе всѣмъ подробностямъ своего рожденія, считалъ его чудеснымъ и знаменательнымъ, дающимъ ему особія права, видно изъ того, что онъ детально и съ пафосомъ описываетъ даже разговоры лицъ, присутствовавшихъ при его рожденіи.

Фотій увѣряетъ, что попадья, присутствовавшая при его рожденіи, удивилась, что новорожденный «очи имѣетъ отверсты, лице обращено къ свѣту солнца сіяющаго и прямо въ солнце зреть». Попадья высказала, «вѣрно будетъ недобрый человѣкъ», на что тетка Фотія, Марья, весьма резонно отвѣтила: «Развѣ ты была у Бога на умѣ».

Весьма важнымъ Фотій считаетъ то, что «Десная же рука его была подъята повыше главы его, и три ея первые персты были сложены; яко же есть обычай крестъ слагать и молиться: хотя десницу оную отнимая отъ главы, какъ слѣдуетъ, полагали, но послѣ-таки десница тако была, поднималась, какъ бы кѣмъ явно держима со сложеніемъ креста, по образу того, кто даетъ присягу Богу въ вѣрности и клянется живущимъ на небесѣхъ».

Весьма естественно, что родственники, собравшіеся на похороны дѣда новорожденного, различно обсуждали совпаденіе похоронъ и рожденія; одни «благословляли Бога и рожденного ребенка и за здравіе пили вино, ѣли и веселились». «Другіе говорили: можетъ ли что быть благо и радости достойное отъ рождающагося, когда родилось отроча съ часъ плача».

Такимъ образомъ Фотій, весьма подробно описавшій всѣ обстоятельства своего рожденія, отмѣтилъ все то, что указывало на его высшее призваніе, все то, что могло быть истолковано

какъ предугазаіе на его будущую дѣятельность; можно лишь спорить о томъ, когда придавъ особое значеніе Фотію всѣмъ этимъ подробностямъ — тогда ли, когда ему о нихъ рассказы-вали, т.-е. въ дѣтствѣ, или уже потомъ, но несомнѣнно, что рассказы (вѣроятно тетки Маріи) объ обстоятельствахъ его рожденія произвели на него сильное впечатлѣніе, и онъ ихъ запомнилъ. Можно даже допустить, что онъ самъ спрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ; возможно даже, что онъ вслѣдствіе ошибокъ воспоминанія кое что и прибавилъ, но, конечно, въ опредѣленномъ направленіи.

Если и можно, съ точки зрѣнія человѣка, выросшаго въ суевѣрной средѣ, придавать символическое значеніе рожденію во хлѣвѣ, положенію пальцевъ, смотрящимъ на солнце глазамъ, то уже крайней натяжкой представляется толкованіе Фотія тому, что онъ родился «въ часъ плача»; злословію попадья и вышеупомянутымъ спорамъ родственниковъ. Фотію категорически утверждаетъ «отъ перваго дня рожденія начала его преслѣдовать ненависть, клятва, судъ, и бысть о немъ пререканіе въ знаемыхъ». Тутъ очевидны и крайне высокое мнѣніе о своемъ значеніи, и ненависть къ людямъ, будто бы уже съ перваго дня рожденія преслѣдовавшимъ необыкновеннаго ребенка. Всякому очевидно, что ни о какой враждебности къ несчастному ребенку крайне забытыхъ нуждою родителей не можетъ быть и рѣчи; можетъ быть попадья и позлословила—она не могла любить отца Фотія, какъ собутельника своего мужа; можетъ быть пессимисты и говорили, когда вино на покоронахъ развязало имъ языки, о дурномъ предзнаменованіи—смерти дѣда передъ рожденіемъ внука.

Такимъ образомъ самыя обыденныя обстоятельства, достовѣрность которыхъ сомнительна, завладѣваютъ вниманіемъ Фотія, если только ихъ можно истолковать въ смыслѣ указанія на его величіе и на преслѣдованіе его врагами. Онъ не довольствуется тѣмъ, что хорошо самъ запомнилъ, что могъ хорошо разузнать и провѣрить, но придаетъ свое толкованіе даже рассказамъ, въ достовѣрности которыхъ можно сомнѣваться. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было довѣрять рассказу тетки Марьи о спорѣ ея съ попадьею, происшедшемъ при рожденіи Фотія. Очевидно, что тетка могла и позабыть и перепутать много лѣтъ спустя, тѣмъ болѣе, что она, помогая роженицѣ, была взволнована.

Но для Фотія, видно, былъ цѣненъ этотъ, по меньшей мѣрѣ,

сомнительный рассказъ, какъ одно изъ доказательствъ того, что его всегда преслѣдовали люди, что уже съ рожденія онъ былъ жертвой людской злобы. Фотію такъ повезло въ жизни, онъ вознесся на такую высоту, что ему трудно было подобрать доказательства того, что люди его преслѣдовали, а такія доказательства ему были нужны, и онъ воспользовался даже сомнительнымъ рассказомъ тетки о ничего не значащей болтовнѣ попадьи.

Понятно, что въ своей жизни онъ смотрѣлъ на все съ этой своеобразной точки зрѣнія; онъ всюду искалъ и конечно находилъ или указанія на свое высокое призваніе или доказательства того, что его преслѣдуютъ враги.

Въ теченіе всей своей жизни онъ всюду видѣлъ или указанія на свое высокое призваніе или преслѣдованія. Въ семинаріи ему дали фамилію Спасскій, потому что отецъ его былъ дячкомъ въ погостѣ Спасскомъ; это самое простое, обыденное обстоятельство онъ однако истолковалъ такъ: «надобно ему стараться спасти себя: онъ будетъ слуга церкви Божіей». Бѣднаго, физически слабаго семинариста обижали шалуны; къ сожалѣнію это слишкомъ заурядное явленіе, но для Фотія оно представлялось такъ: «Нѣкихъ юношей нерадивыхъ и въ домахъ отцевъ своихъ развращенныхъ отъ избытка и довольства сатана научалъ иногда или убить, или потопить его».

Также особое значеніе, въ глазахъ Фотія, имѣло то обстоятельство, что при постриженіи ему было дано это имя. Когда назначено было ему постриженіе, то онъ въ доказательство полного отреченія отъ собственной воли, не выбралъ себѣ имени, а предоставилъ этотъ выборъ властямъ. Фотій весьма подробно описываетъ этотъ эпизодъ въ своей жизни, не скрывая, что онъ не зналъ подробно житія св. Фотія, но и незнаніе для него является какъ бы доказательствомъ, что нареченіе ему этого имени имѣло особое значеніе; онъ не подозрѣвалъ, что ему дадутъ это имя и былъ крайне удивленъ; въ выборѣ этого имени онъ долженъ видѣть особое указаніе: «нѣсколько же разъ возводимъ былъ и низводимъ съ онаго сана за православіе».

Хотя самъ Фотій отлично зналъ, что между его почитателями есть люди богатые, сознавалъ, что онъ имѣетъ право на особую признательность со стороны своихъ богатыхъ почитателей, зналъ, что благочестивые люди любятъ жертвовать монахамъ, онъ даже

въ денежныхъ подаркахъ, имъ полученныхъ, видѣлъ что-то необыкновенное. Онъ утверждаетъ, что эта помощь «свыше, а не отъ человѣкъ», что подаренныя ему деньги «тайная помощь благодати». Едва ли нужно объяснять, что такой взглядъ не только весьма своеобразенъ, но и весьма удобенъ; было бы неосновательно допускать въ такомъ своеобразномъ отношеніи къ подаркамъ лишь одно лицемѣріе. Вообще, Фотій находилъ все, что онъ дѣлалъ, прекраснымъ, и ему даже не приходила въ голову мысль отказываться отъ подарковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ могъ Фотій смотрѣть на подарки иначе какъ на «помощь благодати», если онъ самые обыденные и даже комическіе эпизоды своей жизни разсматривалъ какъ явленія полныя глубокаго значенія. Когда Фотій первый разъ вѣзжалъ въ Юрьевскій монастырь, при выходѣ изъ экипажа съ одной ноги у него свалился сапогъ. Этотъ случай для него однако оказался «знаменіемъ».

«Тако сотвориша сила Господня, что Фотій стоялъ на землѣ св. обители безъ сапога, да выидеть въ нее совлекшись всякой скверны, и не изыдетъ изъ нея, а въ ней яко сапогъ да почиетъ бренное его тѣло отъ трудовъ».

Очевидно, что дальше итти некуда; это уже бредовая идея величія и несомнѣнно, что такія идеи величія играли громадную роль въ жизни Фотія; онъ жилъ въ созданномъ имъ кругѣ идей величія, образовавшихся путемъ ложнаго толкованія самыхъ обыденныхъ явленій; онъ объяснялъ многія обстоятельства своей жизни не только ложно—это дѣлаемъ всѣ мы далеко не рѣдко,—но что особенно важно, всегда въ опредѣленномъ смыслѣ. Онъ во всемъ видѣлъ указанія на свое особое призваніе, доказательство своего величія.

Идеи величія у Фотія сочетались съ идеями преслѣдованія, какъ-то всегда бываетъ у всѣхъ такихъ больныхъ, и одно и то же обстоятельство онъ объясняетъ, какъ доказательство своего величія и какъ доказательство того, что его преслѣдовали.

Послѣ четырехлѣтней службы во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, Фотій былъ назначенъ игуменомъ Дерявиницкаго монастыря. Онъ былъ крайне огорченъ и оскорбленъ такимъ назначеніемъ, «ибо всѣ законоучители почти прямо въ архіереи производились; «какъ же Фотій, четыре года въ трудахъ законоучителя все здравіе и животь положившій, долженъ удалиться?»

Вопросы философіи, кн. 76.

Мы видимъ, какъ высоко цѣнилъ себя Фотій, какъ онъ перецѣнивалъ свои весьма скромныя заслуги; не нужно забывать, что самъ Фотій зналъ, что начальство корпуса имъ недовольно. Фотій почелъ это назначеніе «за тайное гоненіе», хлопоты о прогонахъ не увѣнчались успѣхомъ, и онъ былъ увѣренъ, что «всѣ его оставили и призрѣли въ мірѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявляетъ въ автобіографіи, что «Свыше, а не отъ чловѣкъ званіе удалиться въ Деревяницѣ, яко же Моисею пророку отъ Египта въ Хоривъ, и Или отъ Израиля въ гору Божію».

Весьма характерно, что рядомъ съ такимъ толкованіемъ своего перемѣщенія въ Деревяницы, Фотій крайне аккуратно подсчиталъ свои убытки.—Въ письмѣ къ гр. Орловой онъ писалъ: «Ты, послѣ жалованья 1200 рублей и всего готоваго прочаго, на 200 рублей посаженъ жить». Слѣдовательно, даже уподобленіе великимъ пророкамъ не могло утѣшить Фотія въ потерѣ 1000 рублей въ годъ. Вполнѣ довѣряя заявленіямъ Фотія, что онъ свои деньги раздавалъ бѣднымъ и на церкви, мы можемъ утверждать, что, несмотря на идеи величія, несмотря на убѣжденіе въ своемъ совершенствѣ, все же онъ хотѣлъ имѣть побольше денегъ и скорбѣлъ, когда его доходы сокращались.

Кромѣ такого своеобразнаго, всегда въ опредѣленномъ смыслѣ, объясненія самыхъ простыхъ обстоятельствъ, Фотій придавалъ особое, вѣщее значеніе своимъ сновидѣніямъ.

Конечно, я знаю, что не мало людей вполнѣ нормальныхъ вѣрятъ въ сны; но *hic modus in rebus*.

Фотій видѣлъ сны, соотвѣтствующіе содержанію его мыслей, былъ убѣжденъ въ особомъ значеніи своихъ сновъ, запомнилъ и записалъ ихъ и, наконецъ, что очень важно — эти сны давали ему силу и увѣренность бороться съ врагами, укрѣпляли въ немъ идеи собственнаго величія. Особенность сновидѣній та, что Фотій видитъ себя и въ сновидѣніяхъ совершающимъ великія дѣла.

Когда онъ заинтересовался дѣятельностью Лабзина, то видѣлъ во снѣ, что изгоняетъ изъ алтаря церкви 2-го корпуса пришедшаго туда Лабзина.

«Отъ сихъ и иныхъ откровеній» Фотій убѣдился, что онъ предназначенъ «огласить враговъ тайны беззаконія». Конечно, Фотій имѣлъ право бороться путемъ пропаганды противъ казавшихся ему вредными ученій, но его энергія и мужество были

обусловлены «откровеніями», а потому онъ не боялся своихъ сильныхъ противниковъ.

Въ 1824-мъ году, когда положеніе Фотія было упрочено настолько, что онъ могъ уже мечтать обратиться непосредственно къ государю, Фотій видѣлъ во снѣ, что говоритъ съ государемъ, который и общаетъ ему «исправить все нужное для церкви». Фотій не говоритъ ясно, было ли это сновидѣніе или галлюцинація; онъ называетъ это и «откровеніе» и «видѣніе». Сколько я могъ заключить по тону описанія и при сравненіи съ его описаніемъ сновидѣній и галлюцинацій—это было сновидѣніе. Весьма важно, что Фотій признается: «Сіе видѣніе не токмо давало дерзновеніе Фотію на подвигъ, но когда въ самомъ подвигѣ былъ онъ и не получалъ видимыхъ успѣховъ, надежду имѣлъ». Такимъ образомъ удивлявшая современниковъ смѣлость Фотія объяснялась очень просто: онъ былъ убѣжденъ въ хорошемъ исходѣ предпринятой имъ борьбы.

Наконецъ, Фотій придавалъ часто пророческое значеніе самымъ причудливымъ своимъ сновидѣніямъ; онъ объяснялъ самымъ произвольнымъ образомъ отрывки сновидѣній, рѣшительно не имѣющія никакого смысла. Такъ въ письмѣ къ государю, написанномъ 5 декабря 1824 г., онъ не только описываетъ, но и объясняетъ свои сновидѣнія. Онъ видѣлъ луну, хотѣлъ узнать, что значить это видѣніе, услышалъ гласъ «знаменіе» и объясняетъ такъ это самое обыкновенное сновидѣніе—«луна есть знаменіе царства турецкаго». Далѣе, онъ видѣлъ «по правой сторонѣ того мѣста, гдѣ была луна, явился кругъ прозрачный, въ нѣсколько кратъ болѣе луны, и внутри того круга бысть аки бы часть созданія земнаго подобіемъ языка, по ней бысть другая часть и третья и вкупѣ сіи три языки, въ небесномъ томъ кругу, то вращались, то двигались»; онъ видѣлъ «птицу черную, яко орла» и т. д. Самымъ удивительнымъ образомъ онъ объяснилъ эти сновидѣнія такъ: языки—знаменіе трехъ великихъ державъ, на мѣстѣ луны дѣйствовать имущихъ; образъ же орла есть образъ царства на полуночи сушаго. А прочая вся имѣяй умъ, да чететь и разумѣеть и внимаеть, дондеже вся сія сбудется во время свое вскорѣ, яко же азъ видѣхъ и слышахъ и написавъ словеса въ книгѣ сей».

Нѣтъ надобности приводить здѣсь всѣ «откровенія», бывшія Фотію; если онъ писалъ 5 декабря 1824 г. искренно—а мы не

имѣемъ основанія сомнѣваться въ его искренности,—то, очевидно, что Фотій былъ увѣренъ въ своемъ высшемъ призваніи, въ своей святости, въ обладаніи даромъ пророчества. Если бы Фотій не былъ увѣренъ въ своемъ величіи, онъ не былъ бы такъ настойчивъ, такъ смѣлъ въ періодъ своей общественной дѣятельности. Въ слѣдующемъ царствованіи Фотій воздерживался отъ общественной дѣятельности и даже былъ уступчивъ и послушенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

В. Ф. Чижъ.

Геній и здоровье Н. В. Гоголя.

Біографія Гоголя — чрезвычайно благодарный матеріаль для спеціального изученія. Очень часто свѣдѣнія о жизни великихъ людей настолько неполны, что приходится отказываться отъ спеціального медико-психологическаго или, вѣрнѣе, естественно-научнаго изслѣдованія. Гоголь въ этомъ отношеніи представляетъ счастливое исключеніе. Образцовое изданіе сочиненій подъ редакціей Тихонравова, богатые «Матеріалы для біографіи Гоголя» В. И. Шенрока, особенно «Письма Н. В. Гоголя» въ послѣднемъ изданіи, наконецъ, масса воспоминаній о Гоголѣ—все это достаточно обезпечиваетъ потребности спеціальной работы. Досаднымъ исключеніемъ являются лишь свѣдѣнія о физическомъ здоровьѣ Гоголя и его наслѣдственности; и тѣ и другія заставляютъ желать многаго и необходимо ограничиваютъ выводы.

Богатая подробностями жизнь Гоголя съ фактической стороны можетъ дать очень полное представленіе объ его личности. Это—очень важное обстоятельство: безъ богатства подробностей нельзя приложить къ дѣлу правильный методъ. Гоголь за свою сорокадвухлѣтнюю жизнь имѣлъ родныхъ, любившихъ его и гордившихся имъ, друзей, преданныхъ ему и восхищавшихся имъ; въ своей служебной дѣятельности въ качествѣ учителя Патріотическаго Института, профессора и т. д. онъ занималъ разнообразныя и отвѣтственныя положенія; какъ видная личность, онъ сталкивался съ массой лицъ самыхъ различныхъ направленій, имѣлъ отношенія къ современнымъ ему партіямъ; наконецъ, какъ великій «писатель нравовъ» и незаурядный публицистъ, онъ былъ связанъ со всѣми слоями общества. Словомъ, Н. В. Гоголь былъ окруженъ широкой соціальной сферой, долженъ былъ реагировать на ея запросы, опредѣлять свое отношеніе къ ней.

Наконецъ, въ одномъ отношеніи жизнь Гоголя имѣетъ исключительный интересъ для спеціалиста; это—его «странности». Онѣ составляютъ большое мѣсто русской литературы, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, большое мѣсто и для психіатріи; именно благодаря «странностямъ», изученіе великихъ людей такъ часто принимало односторонне-психіатрической характеръ, теряло правильное направленіе. Въ этомъ отношеніи Гоголь изъ числа русскихъ знаменитостей наиболѣе заслуживаетъ вниманія; его біографія снова поднимаетъ «старый споръ»: гдѣ же истина? въ психіатріи ли, которая (тайно или явно) объясняетъ особенности гениальной натуры болѣзью, или въ чемъ-нибудь другомъ?

Неудивительно, что именно о великомъ сатирикѣ за послѣднее время явилось двѣ солидныхъ психіатрическихъ работы— д-ра Баженова и д-ра Чижа ¹⁾. Обѣ онѣ отличаются большими достоинствами; особенно тонкій анализъ даетъ д-ръ Баженовъ; д-ръ Чижъ въ своей работѣ нѣсколько схематично беретъ вопросъ и даетъ не анализъ личности, а синтезъ фактовъ. Обѣ работы существенно себя ограничиваютъ: онѣ разсматриваютъ личность Гоголя, какъ личность обыкновеннаго человѣка, внѣ условій гениальнаго творчества и внѣ тѣхъ особенностей, которыя накладываетъ на своего носителя гениальная натура; д-ръ Чижъ такое отдѣленіе генія отъ остальной духовной организациі ставитъ даже на принципиальную почву.

Конечно, для нашего непосредственнаго чувства безразлично, былъ ли Достоевскій эпилептикомъ, или нѣтъ; мы его любимъ, какъ автора «Бѣдныхъ людей» и «Братьевъ Карамазовыхъ». Равнымъ образомъ и психіатръ, слѣдуя непосредственно психіатрическому чувству, имѣетъ право изучать болѣзнь великаго писателя, не считаясь съ его гениемъ; но правильный ли результатъ получится отъ такого изученія, это—большой вопросъ; вѣдь можетъ случиться, что какъ разъ въ условіяхъ гениальнаго творчества и въ особенностяхъ (психологическихъ и физиологическихъ) гениальной натуры и находится разрѣшеніе тѣхъ симптомовъ, на основаніи которыхъ психіатръ ставитъ блестящій діагнозъ душевнаго заболѣванія.

Если бы условія гениальнаго творчества и особенности высшей

¹⁾ Баженовъ: «Болѣзнь и смерть Гоголя». «Рус. Мысль». 1901. Чижъ: «Болѣзнь Н. В. Гоголя». «Воп. Фил. и Псих.», кн. 67—71.

психологіи были мелкими чертами, ихъ, конечно, можно было бы выпустить безъ ущерба изслѣдованію; но они опредѣляютъ личность великаго человѣка, составляютъ въ ней главное ядро, такъ что, изъясвъ ихъ, трудно, почти невозможно изучать душевную болѣзнь, сущность которой состоитъ въ измѣненіи личности.

Такимъ образомъ, психіатрическій методъ въ приложеніи къ Н. В. Гоголю нельзя не признать одностороннимъ. Личность Гоголя для психіатра представляетъ большой интересъ, это несомнѣнно; но психіатру необходимо видоизмѣнить, или, вѣрнѣе, дополнить свой методъ, чтобы избѣжать вполнѣ основательнаго упрека въ односторонности. Характеръ этого видоизмѣненія и дополненія опредѣляется сущностью изучаемаго: Гоголь — геніальный творецъ; слѣдовательно, въ изученіи его психологія творчества должна идти рядомъ съ психопатологіей. Мнѣ кажется, это — самая правильная постановка вопроса.

Цѣль настоящей работы та же, какую имѣютъ психіатрическія работы д-въ Баженова и Чижа: объяснить нѣкоторыя черты изъ жизни Гоголя, непонятныя біографамъ-неспециалистамъ; только задача эта понимается различно. Изучая жизнь Гоголя, я вынесъ убѣжденіе, что онъ не былъ душевнобольнымъ и потому считаю, что именно въ біографіи Гоголя психіатрическій методъ не только не объясняетъ, но даже затемняетъ вопросъ. Но, отрицая душевную болѣзнь, я однако не хочу возвратиться къ прежнему положенію: особенности въ біографіи Гоголя остаются, и имъ нужно дать специальное объясненіе. По-моему мнѣнію, это объясненіе можно получить, но только не изъ патологіи нервной системы. Въ біологіи нервной системы есть другой отдѣлъ фактовъ для объясненія такихъ явленій, какъ жизнь Гоголя; отдѣлъ этотъ менѣе разработанъ, чѣмъ психіатрія, но во всякомъ случаѣ, есть возможность составить себѣ представленіе о типахъ высшаго развитія; этотъ типъ имѣетъ свои психологическія особенности, иногда очень ясныя, даже общеизвѣстныя. Наша задача собрать ихъ въ систему и свести къ принципамъ естествознанія, т. - е. къ той основѣ, на которой покоится медицина вообще, психіатрія въ частности ¹⁾. Это — задача спеціальнаго

¹⁾ Въ данной работѣ за недостаткомъ мѣста я беру лишь часть указаннаго вопроса — психологію творчества, его появленіе, развитіе, постепенное уявленіе и зависимость отъ физической сферы. Въ другомъ мѣстѣ я надѣюсь

изслѣдованія; обыкновенныя біографіи даютъ въ этомъ отношеніи пробѣлъ.

Кромѣ того, настоящая работа имѣетъ и другую цѣль. За послѣднее время, особенно въ юбилейной литературѣ, явились странные взгляды на Гоголя. Я не говорю о тѣхъ людяхъ, которымъ симпатичны «Выбранныя мѣста» и «Размышленія о Божественной литургіи»; напротивъ, появились мнѣнія изъ другихъ источниковъ; подъ видомъ благоговѣнія къ геніальному сатирику стали утверждать, что Гоголь не любилъ такихъ персонажей, какъ Акакій Акакіевичъ, будто бы онъ видѣлъ въ нихъ только смѣшную сторону; что противъ Гоголя, въ противовѣсъ «Шинели» написаны Достоевскимъ «Бѣдные люди» и т. д. Даже въ солидной работѣ г. Чижа встрѣчаются подобныя же воззрѣнія: Гоголь «не могъ любить людей, не могъ любить оскорбленныхъ и униженныхъ, хотя, какъ геніальный художникъ, сумѣлъ возбудить въ насъ любовь къ Акакіямъ Акакіевичамъ, Поприщинамъ». А между тѣмъ, въ началѣ своей работы г. Чижъ ставитъ въ обязанность психіатру — «снять съ памяти многострадальнаго геніальнаго автора «Мертвыхъ Душъ» тѣ тяжелыя обвиненія, которыя съ такою душевной тоской были высказаны нашимъ великимъ, и по уму и благородству характера, критикомъ»; «я, — говоритъ г. Чижъ, — долженъ преслѣдовать задачу... именно указанную Бѣлинскимъ»¹⁾.

Когда Бѣлинскій писалъ Гоголю: «Или вы больны и вамъ нужно лѣчиться, или... я не смѣю досказать своей мысли», то, конечно, онъ не давалъ завѣщанія признавать Гоголя душевнобольнымъ; вполнѣдствіи великій по чуткости критикъ отказался отъ этого предположенія и нашелъ объясненіе гораздо болѣе вѣрное: бессознательность творческаго генія; Бѣлинскій признавалъ послѣднюю, хотя—по собственному выраженію—способенъ былъ рвать на себѣ волосы при мысли, что геній творитъ бессознательно. Онъ былъ правъ: бессознательный факторъ играетъ большую роль въ психологіи Гоголевскаго творчества; онъ ближе всего подходитъ къ рѣшенію вопроса, хотя, конечно, всего объяснить не можетъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдуя задачѣ Бѣлинскаго, нѣтъ

разобрать другія стороны въ жизни Гоголя и доказать, что своеобразность нашего великаго писателя находитъ свое объясненіе не въ душевной болѣзни, а въ особенности психологіи высшаго типа.

¹⁾ «В. Ф. и Пс.», кн. 69, стр. 670; кн. 67, стр. 262, 265.

необходимости признавать въ Гоголѣ душевную болѣзнь, особенно такую, которая одной рукой снимаетъ упрекъ съ автора «Переписки», а другой — въ то же время отрицаетъ въ авторѣ «Шинели» любовь къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Есть путь болѣе широкій, указанный отчасти самимъ же Бѣлинскимъ: условія творческой природы.

Психіатрическая точка зрѣнія въ изученіи такихъ сложныхъ и крупныхъ натуръ, какъ Н. В. Гоголь, имѣетъ однако одно неоспоримое преимущество: она проще. Въ доброе старое время этотъ методъ упрощался, елико возможно, примѣромъ чего служитъ пресловутая книга Ламброзо; теперь требуются печатные листы, чтобы доказать болѣзнь Гоголя... но сущность осталась та же. Безъ всякаго сомнѣнія, задача упрощается, если принципиально держаться взгляда, что «сущность гениальности намъ непостижима» ¹⁾. При такомъ воззрѣніи можно, конечно, утверждать, что у Гоголя «гениальность» была какъ бы (?) отдѣленной, не слитой со всей духовной организаціей, а «художественное творчество было настолько чуждо, посторонне всей остальной духовной жизни великаго поэта, что Гоголь, какъ человѣкъ, совершенно не симпатизировалъ тѣмъ великимъ идеямъ, которыя выражены въ его художественныхъ произведеніяхъ» ²⁾. Задача еще болѣе упрощается, если принять, «что мы рѣшительно не знаемъ ни біологическихъ, ни психологическихъ условий, способствующихъ развитію гениа», «однимъ словомъ, ничто, кромѣ болѣзни, не можетъ объяснить намъ удивительныхъ способностей Гоголя» ³⁾.

Но возможно ли отдѣлять гениа отъ личности, отъ его носителя? Практически это удобно. Въ самомъ дѣлѣ; пусть Гоголь — душевнобольной; тогда «Переписка» и масса другихъ обвиненій на его личность падаютъ; «Переписка» не имѣетъ цѣнности, какъ произведеніе больной мысли; но тогда и «Ревизоръ», и «Шинель», и «Портретъ» тоже не имѣютъ цѣнности; ихъ писалъ тотъ же душевнобольной. Нѣтъ, отвѣчаютъ защитники отдѣленія, ихъ писалъ великій художникъ, гениа котораго не связанъ съ остальной личностью... Но это удобство лишь кажущееся. Разъ дѣло

1) «В. Ф. и Пс.», кн. 71, стр. 70.

2) Ibid., кн. 69, стр. 669.

3) Ib., кн. 67, стр. 277—8. См. также кн. 69, стр. 664 и 680, кн. 70, стр. 35.

касается точнаго рѣшенія вопроса, поднимается масса сомнѣній, приходится доказывать основной вопросъ: возможно ли отдѣлять геній отъ личности; такова ли геніальная дѣятельность, чтобы ее можно было изъять изъ разбора личности; не связана ли она, напротивъ, съ личностью?

Все зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на геніальное творчество. Былъ періодъ (который и до сихъ поръ не вполне закончилъ свое существованіе), когда на высшія проявленія смотрѣли, какъ на нѣчто случайно наносное, какъ на особую «шишку» въ мозгу, какъ на патологию. При этомъ забывали, что высшія функціи имѣютъ свою біологію. Всякая высшая функція является по опредѣленнымъ законамъ; какъ одно изъ звеньевъ психической эволюціи, она можетъ явиться лишь при наличности другихъ сторонъ психики; она наслаивается на старыя функціи, подчиняетъ ихъ себѣ. Она вступаетъ въ связь съ остальнымъ содержаніемъ психической жизни: съ перцепціей, ассоціативной дѣятельностью, памятью, бессознательной сферой, съ областью чувства, съ двигательными импульсами.

Особенно тѣсна связь всякой высшей функціи съ аффективной сферой. Если у обыкновеннаго человѣка тонкость воспріятія, точность воспроизведенія и широта ассоціаций усиливается подъ вліяніемъ эмоцій, то еще въ большемъ масштабѣ это наблюдается у людей, одаренныхъ высшими функціями. Подъ вліяніемъ такихъ эмоцій, какъ вдохновеніе (и эквивалентныхъ ему состояній) у высшихъ типовъ психическіе продукты доходятъ до колоссальныхъ размѣровъ. То же самое и въ художественномъ творествѣ. Л. Н. Толстой совершенно правъ, когда главнымъ элементомъ искусства признаетъ чувство: не имѣя его, нельзя написать геніальнаго произведенія, такого, которое заразило бы читателя тѣмъ же чувствомъ. Вотъ почему называть Гоголя «геніальнымъ сатирикомъ» и отрицать въ немъ «негодование предъ несправедливостью» ¹⁾—значитъ впадать въ противорѣчіе; въ такомъ случаѣ, что же такое самая сатира?

Изучать Гоголя, обходя его творчество, задача по меньшей мѣрѣ бесполезная. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на Гоголя, нельзя игнорировать громаднаго вліянія на всю его жизнь творческой работы и творческаго самосознанія. Какъ для

¹⁾ В. Чижевъ. „В. Ф. и Пс.“, кн. 69, стр. 670.

насъ, такъ и для самого Гоголя творчество и его условія стоять на первомъ планѣ. «Я бросилъ все,—говоритъ Гоголь въ Авторской Исповѣди,—и прежнія должности свои, и Петербургъ, и общество близкихъ душѣ моей людей, и самую Россію, затѣмъ, чтобы вдали и въ уединеніи отъ всѣхъ обсудить, какъ это сдѣлать, какъ произвести такимъ образомъ свое твореніе, чтобы доказать, что я былъ также гражданиномъ земли своей и хотѣлъ служить ей. Я употреблялъ всѣ усилія держаться на своемъ поприщѣ и продумывалъ всѣ средства, которыя могли двинуть мою работу, не имѣя и въ мысляхъ оставлять званіе писателя».

Творчество Гоголя — это фокусъ, который освѣщаетъ его жизнь. Чтобы изучить личность Гоголя, не только не нужно отдѣлять ее отъ геніальнаго творчества, а, напротивъ, въ условіяхъ геніальнаго творчества, въ особенностяхъ психологіи высшаго типа искать объясненія тѣхъ фактовъ, которые непонятны біографу неспеціалисту. И дѣйствительно, при такомъ освѣщеніи личность геніальнаго творца является со всѣми психологическими и фізіологическими особенностями, свойственными высшему типу; пробужденіе таланта, его развитіе получаютъ особый колоритъ; становится понятнымъ увяданіе творчества; многія фактическія обстоятельства объясняются гораздо проще, выпадаютъ «странности», которыя замѣтны каждому, на первый взглядъ непонятны, а при извѣстномъ методѣ считались и считаются признаками душевной болѣзни.

I.

Въ жизни геніальнаго творца есть моментъ, когда въ первый разъ проявляется творческая способность. Подробностей этого интереснѣйшаго момента мы обыкновенно не знаемъ; здѣсь дѣло касается такого факта, о которомъ не только окружающіе, но даже самъ носитель творчества не догадываются. Можно составить себѣ понятіе только о нѣкоторыхъ условіяхъ этого момента, а именно: необходимый для этого возрастъ и степеніе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Литературно-художественное творчество, въ болѣе или менѣе самостоятельной формѣ, появляется сравнительно поздно: позже, чѣмъ въ музыкѣ и пластическихъ искусствахъ. Это, конечно, не случайное явленіе и зависитъ отъ психологическихъ условій въ различныхъ формахъ творчества; литературно-художественное

творчество требуетъ большаго знанія человѣческой психики и большей рефлексіи, чѣмъ, напр., музыка. Совпаденіе благоприятныхъ или неблагоприятныхъ обстоятельствъ съ моментомъ появленія творчества понятно безъ особыхъ объясненій.

Интересно прослѣдить, когда наступилъ этотъ моментъ у Гоголя.

Безъ всякаго сомнѣнія, юношескіе лицейскіе опыты Гоголя не были такимъ моментомъ, не былъ имъ и «Ганцъ Кюхельгартенъ»; это былъ только тотъ необходимый періодъ подражанія, чрезъ который проходитъ почти всякій гений, даже самый оригинальный. Настоящее творчество началось съ созданіемъ «Вечеровъ», т.-е. когда Гоголю было 19 лѣтъ. Сравнительно съ другими гениальными творцами, Гоголь дебютировалъ довольно поздно; Шиллеръ и Байронъ начали въ шестнадцать лѣтъ. Вѣроятно, первоначальная среда здѣсь сыграла свою роль, долго не позволяя вспыхнуть искрѣ; однако слѣды готовящагося перелома въ психологіи Гоголя мы можемъ замѣтить и раньше.

Было бы наивно искать въ письмахъ Гоголя до 1829 года *прямыхъ* указаній на обладаніе гениальнымъ даромъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Гоголь не зналъ, что его ожидаетъ; творческая способность подготавливается безсознательно до тѣхъ поръ, пока мощные двигательные импульсы, связанные съ природой творческаго воображенія, не найдутъ себѣ выхода при первомъ благоприятномъ обстоятельстве. Пока этого нѣтъ, сознательная сфера реагируетъ на непреодолимый импульсъ самыми различными психологическими мотивировками, создаетъ то одно объясненіе, то другое, ставитъ себѣ ту или другую задачу, смотря по индивидуальности, но, большею частью, эти сознательныя объясненія внутреннихъ зарождающихся процессовъ стоятъ далеко отъ настоящей причины.

Психологію пробуждающагося творчества мы, конечно, знаемъ очень мало; судя по аналогіи съ вполне развитой формой его, можно думать, что это — продолжительное состояніе, можетъ быть даже мучительное, какъ мучительны бываютъ состоянія напряженности предъ появленіемъ чего-то неизвѣстнаго.

Было ли такое состояніе у Гоголя предъ пробужденіемъ его самостоятельнаго творчества? Къ счастью, мы имѣемъ неоспоримое свидѣтельство, что такое состояніе дѣйствительно было и продолжалось довольно долгое время: начиная съ появленія юно-

шескихъ грезъ о «службѣ» и кончая путешествіемъ въ Гамбургъ въ сентябрѣ 1829 года.

По необходимости мы должны привести здѣсь большую выдержку:

«Но, странное дѣло! даже въ дѣтствѣ, даже во время школьнаго ученія, даже въ то время, когда я помышлялъ только объ одной службѣ, а не о писательствѣ, мнѣ всегда казалось, что въ жизни моей мнѣ предстоитъ какое-то большое самопожертвованіе и что именно для службы моей отчизнѣ я долженъ буду воспитаться гдѣ-то вдали отъ нея. Я не зналъ, ни какъ это будетъ, ни почему это нужно; я даже не задумывался объ этомъ, но видѣлъ самого себѣ такъ живо въ какой-то чужой землѣ тоскующимъ по своей отчизнѣ, картина эта такъ часто меня преслѣдовала, что я чувствовалъ отъ нея грусть. Можетъ быть, это было просто то непонятное поэтическое влеченіе, которое тревожило иногда и Пушкина ѣхать въ чужіе края, единственно затѣмъ, чтобы, по выраженію его,

Подъ небомъ Африки моей
Вздыхать о сумрачной Россіи.

Какъ бы то ни было, но это противувольное мнѣ самому влеченіе было такъ сильно, что не прошло пяти мѣсяцевъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ, какъ я сѣлъ уже на корабль, не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному. Проектъ и цѣль моего путешествія были очень неясны. Я зналъ только то, что ѣду вовсе не затѣмъ, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорѣй чтобы натерпѣться, точно какъ бы предчувствовалъ, что узнаю цѣну Россіи только внѣ Россіи и добуду любовь къ ней вдали отъ нея. Едва только я очутился въ морѣ, на чужомъ кораблѣ, среди чужихъ людей (пароходъ былъ англійскій, и на немъ ни души русской), мнѣ стало грустно, мнѣ слѣдалось такъ жалко друзей и товарищей моего дѣтства, которыхъ я оставилъ и которыхъ я всегда любилъ, что прежде чѣмъ вступить на твердую землю, я уже подумалъ о возвратѣ. Три дня только я пробылъ въ чужихъ краяхъ и, несмотря на то, что новостъ предметовъ начала меня развлекать, я поспѣшилъ на томъ же самомъ пароходѣ возвратиться, боясь, что иначе мнѣ не удастся возвратиться. Съ тѣхъ поръ я далъ себѣ слово не питать и мысли о чужихъ краяхъ — и точно, во все время пребыванія

моего въ Петербургѣ, въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ не приходили мнѣ никогда на мысли чужіе края, покажѣсь обстоятельства моего здоровья, нѣкоторыя огорченія и, наконецъ, потребность большаго уединенія не заставили меня оставить Россію» (Авторская Исповѣдь).

Стоитъ сравнить это мѣсто съ юношескими письмами 1827—28 годовъ, чтобы вѣрить, насколько точенъ Гоголь въ своихъ признаніяхъ. Судя по письмамъ, «непроизвольное влеченіе» имѣетъ ясныя хронологическія границы: начало ихъ — вмѣстѣ съ мечтами о службѣ въ дѣтствѣ, во время школьнаго ученія, конецъ — въ сентябрѣ 1829 года; иными словами, въ то время, когда пробуждалось творчество.

Надо отдать спрavedливость гениальному наблюдателю: моментъ пробужденія своего генія онъ описываетъ замѣчательно типичными чертами. Онъ чувствовалъ «противовольное влеченіе»; оно было «сильно» и «такъ часто» наступало, что наводило «грусть»; тѣмъ болѣе, что «какъ» и «почему» наступало это состояніе, для самого творца было неясно. Мистическіе зачатки подсказывали ему «какое-то большое самопожертвованіе», въ «какой-то чужой землѣ»; но при первой попыткѣ провѣрить это «самопожертвованіе», стало грустно, «жалко друзей и товарищей»... И, неудивительно, причина была не въ «самопожертвованіи», а въ томъ, о чемъ Гоголь говоритъ только предполагая: «можетъ быть, это было, просто, то непонятное поэтическое влеченіе, которое тревожило иногда и Пушкина».

На этомъ пунктѣ біографіи Гоголя мы въ первый разъ встречаемся съ психо-физиологическими особенностями высшаго типа. Впослѣдствіи мы встрѣтимся съ ними много разъ; съ того времени, когда начинается работа творческаго самосознанія, эти особенности выступаютъ очень ясно. Тогда мы будемъ имѣть возможность прослѣдить въ жизни Гоголя нѣсколько характерныхъ подъемовъ, съ своеобразными пониженіями и повышеніями настроенія, съ типичнымъ измѣненіемъ въ слогѣ писемъ, съ особенностями внѣшняго поведенія. Въ 1827—8 гг. пока нельзя говорить о творческомъ самоопредѣленіи; здѣсь идетъ только бессознательная работа; это — только пробужденіе льва. Но и здѣсь чрезвычайно много характерныхъ чертъ. Самая продолжительность инкубационнаго періода болѣе, чѣмъ въ два года, вполне типична для Гоголя; ниже мы увидимъ, что подобные

критическіе періоды у великаго писателя продолжались: въ 1833 году—больше года, въ 1836 году—около двухъ, а послѣдній подъемъ передъ «Перепиской»—даже болѣе 3-хъ лѣтъ. Затѣмъ, характеренъ слогъ писемъ 1827—28 годовъ съ ихъ непонятнымъ на первый взглядъ «пламенѣніемъ», «неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства»; типичны также тѣ состоянія унынія, какія переживалъ Гоголь въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ, когда онъ продолжалъ «искать», не можетъ установиться, найти свою колею; когда у него масса предпріятій: издаетъ «Ганца», учится живописи, держитъ экзаменъ на актера, занимается переводами... пока не попадаетъ на свою настоящую дорогу.

Нужно отдать честь проницательности Н. С. Тихонравова, который поѣздку Гоголя въ Гамбургъ считаетъ послѣдствіемъ неудачи съ «Ганцемъ Кюхельгаргеномъ». Если такой выводъ для нѣкоторыхъ психіатровъ кажется «неосновательнымъ», то только потому, что они стараются втиснуть психологію Гоголя въ рамки обыкновеннаго человѣка, да еще съ патологической организаціей. Конечно, что для обыкновеннаго 19-лѣтняго юноши стоить неудача съ «Ганцемъ»? Неудалось, бросилъ и принялся за другое. Къ счастью, Гоголь переживалъ моментъ, для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, недостижимый; неудача съ «Ганцемъ» была не простой неудачей, а неумениемъ найти разрѣшеніе продолжительнаго мучительнаго напряженія; тутъ игралъ роль неодолимый импульсъ творческихъ образовъ; если бы природа не надѣлила высшій, въ сравненіи съ нами, типъ этимъ мощнымъ импульсомъ, мы не имѣли бы многихъ геніальныхъ произведеній. Не даромъ геніальные авторы, достигнувъ самостоятельнаго творчества, т.-е. той точки, которой искалъ Гоголь, круто разрываютъ со своими прежними опытами и сжигаютъ то, чему поклонялись.

Послѣ всего сказаннаго нѣтъ необходимости подробно останавливаться на томъ неправильномъ толкованіи, которое даетъ г. Чижевъ 1827—8—9 гг. въ жизни великаго писателя: Въ письмахъ этого періода (дядѣ, матери и др.) онъ находитъ идеи величія и даже преслѣдованія; «размахъ юношескаго честолюбія» и переѣздъ въ Петербургъ считаетъ слѣдствіемъ этихъ идей, а путешествіе въ Гамбургъ—«безспорнымъ психическимъ заболѣ-

ваніемъ» импульсивнаго характера ¹⁾. Я вполне согласенъ съ г. Чижомъ, что въ сентябрѣ 1829 года у Гоголя была навязчивая идея, только эта идея — не патологическаго, а физиологическаго характера.

Если при первомъ пробужденіи генія Гоголя встрѣчаются характерныя особенности творческой природы, то при *дальнѣйшемъ развитіи* творчества эти особенности проявляются еще рѣзче и въ концѣ-концовъ выливаются въ очень своеобразную картину.

Неоспоримую связь съ развитіемъ творчества имѣетъ отъѣздъ Гоголя за границу послѣ постановки «Ревизора». Какихъ только предположеній не дѣлалось по этому поводу, до душевной болѣзни включительно. Было бы ошибкой у самого Гоголя отыскать точныя, совершенно опредѣленныя объясненія этому шагу. Здѣсь дѣло идетъ опять-таки о тѣхъ физиологическихъ и психологическихъ условіяхъ, властно диктуемыхъ творчествомъ, разобрать и оцѣнить которыя можетъ только специальная біографія. Сами носители творчества отлично чувствуютъ эти требованія, отлично знаютъ ихъ вліяніе на продуктивность творчества, но это — только эмпирическое знаніе. Лишь дѣло доходить до объясненія, какъ всегда, примѣшиваются различныя психологическія мотивировки, каждая изъ которыхъ справедлива только отчасти. Буквально то же самое повторяется съ Гоголемъ. Онъ указываетъ нѣсколько причинъ отъѣзда за границу, часто одну рядомъ съ другой, одновременно: тутъ и разстроенное здоровье, и недовольство на «соотечественниковъ», будто бы дурно понявшихъ «Ревизора», и творческіе замыслы. Замѣчательно, что больше всего Гоголь упиралъ на условія своего творчества. Сначала онъ ссылался на нихъ довольно неясно: «писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины», писалъ онъ въ 1836 г. (Погодину 10/v 1836); но затѣмъ, съ теченіемъ времени, указываемая причина получаетъ болѣе точную формулировку. Въ 1847 г. онъ подробно останавливается на этомъ вопросѣ, подробно выясняетъ, какъ мало давала ему русская обстановка, когда приходилось, вмѣсто живой жизни, довольствоваться тѣмъ, «что дѣлается въ англійскомъ клубѣ, да кое-что изъ того, что я и самъ уже зналъ» (Авт. Исп.). «Словомъ, — заключаетъ Гоголь, — во все мое пребываніе въ Россіи,

¹⁾ «В. Ф. и Пс.», кн. 67, стр. 306—310.

Россія у меня въ головѣ разсѣивалась и разлеталась. Я не могъ ее никакъ собрать въ одно цѣлое; духъ мой упadalъ, и самое желаніе знать ее ослабѣвало. Но какъ только я выѣзжалъ изъ нея, она совокуплялась вновь въ моихъ мысляхъ цѣлой, желаніе знать ее пробуждалось во мнѣ вновь». Гоголь даже провѣрялъ на опытѣ пользу этого приѣма и, дѣйствительно, замѣчалъ, что его расчеты не ошибочны: «Во мнѣ рождалось даже умѣнье выпрашивать, и часто въ одинъ часъ разговора я узнавалъ то, чего не могъ, живя въ Россіи, узнать въ продолженіе недѣли» (ibid).

Вполнѣ соглашаясь съ г. Чижомъ, что мы не въ правѣ недоувѣрять Гоголю и его проникательности, я могу сожалѣть о томъ, почему въ своемъ разборѣ, очень обширномъ, отъѣзда за границу г. Чижа перечисляетъ различныя причины этого отъѣзда, находитъ ихъ въ идеяхъ величія, но выпускаетъ ту причину, на которую больше всего упиралъ самъ Гоголь. Вѣдь для великаго писателя творчество стояло на первомъ планѣ; выпустить творчество, значитъ придти къ малодоказательнымъ выводамъ; не вводя его въ объясненія, можно пристрастіе къ Риму считать за проявленіе больной психологіи, и даже въ томъ, что Гоголь различалъ «натопленное» отъ «ненатопленнаго» тепла, видѣть что-то ненормальное.

Далеко не такъ. Физиологія высихъ типовъ не такова, какъ у обыкновенныхъ людей, — у нихъ есть свои физиологическіе «стигматы», біологически связанные съ ихъ остальной духовной организаціей вообще, съ творческой дѣятельностью — въ частности.

Большое число творцовъ прекрасно знали физиологическую особенность своей работы въ самомъ разнообразномъ видѣ: особое положеніе тѣла, извѣстная степень температуры, характеръ погоды, мѣста, вѣтра и т. д. Во всѣхъ такихъ якобы «странностяхъ» есть физиологическое ядро, даже біологическое: это физиологическая сторона высшаго типа въ развитіи нервной системы.

Та заботливость, съ какою большинство творцовъ слѣдило за обстановкой своей работы, свидѣтельствуетъ, что отъ ихъ вниманія не ускользнули физиологическія особенности ихъ натуры; часто бессознательно и инстинктивно они устраивали свою жизнь такъ, чтобы творческая работа совершалась безпрепят-

ственно; мѣняются мѣстности, страна за страной, городъ за городомъ. По существу, это была погоня не за физиологической средой, а за творчествомъ, продуктивность котораго для творцовъ была всего дороже. Тутъ, какъ и всегда, примѣшались психологическіе мотивы; послѣдніе при этомъ получали самое разнообразное выраженіе, смотря по индивидуальности творца; Дидро, напр., говорилъ: «во время сильныхъ вѣтровъ мнѣ кажется, что у меня мозги не въ порядкѣ».

Конечно, не всѣ великіе люди одинаково заботились о физиологической обстановкѣ своего творчества. Повидимому, наиболѣе чуткими въ этомъ отношеніи были лица, подобно нашему гениальному сатирику, отмѣченныя физической слабостью. Въ биографіи Гоголя эта черта почему-то не отмѣчалась, даже, напротивъ, игнорировалась, а, между тѣмъ, безъ нея малопонятны нѣкоторые очень важные факты, таковы, напр.: отъѣздъ Гоголя за границу послѣ постановки «Ревизора» въ 1836 году, любовь къ путешествіямъ, нѣжное чувство къ Италіи, тонкая разница между «натопленнымъ» и «ненатопленнымъ» тепломъ и т. д.

Безъ знанія тѣхъ условій, которыя накладываетъ на жизнь творца его творчество, эти факты получаютъ подчасъ очень одностороннее освѣщеніе. Для г. Чижа, напр., несомнѣнно, что отъѣздъ Гоголя за границу въ 1836 году, какъ и пріѣздъ его въ Спб. въ 1828 году и любовь къ Италіи — обуславливаются только душевной болѣзью; Нѣжинъ Гоголь покинулъ будто бы благодаря своему параноическому характеру и идеямъ величія; въ Нѣжинѣ будто бы «существователи» его не оцѣнили и даже преслѣдовали (?) ¹⁾; Петербургъ онъ покидаетъ по той же причинѣ: «ничто не могло привлечь Гоголя въ Петербургъ»; разныя неудачи не оправдали его идей величія, и, кромѣ того, онъ понималъ, что, въ силу болѣзни, не можетъ жить въ обществѣ ²⁾; наконецъ, «пристрастіе» къ Риму объясняется тѣмъ, что «ухудшеніе въ состояніи здоровья Гоголя совпало съ отъѣздомъ изъ Рима и улучшение совпало съ возвращеніемъ туда въ концѣ 1837 г.»; ничѣмъ, кромѣ болѣзни, въ Римѣ Гоголь будто бы не интересовался ³⁾.

¹⁾ «В. Ф. и Пс.», кн. 67, стр. 297.

²⁾ Ib., кн. 68, 440—446.

³⁾ Ib., стр. 457—459.

Столь же неправильное толкованіе получаютъ и другіе факты изъ исторіи Гоголевскаго творчества; а между тѣмъ съ отъѣздомъ за границу подобные факты становятся и чаще, и выразительнѣе, что вполнѣ естественно, такъ какъ въ 1836—1837 гг. Н. В. переживаетъ одинъ изъ важнѣйшихъ подъемовъ творческой дѣятельности. Будучи за границей, Гоголь, судя по воспоминаніямъ Золотарева и Смирновой, велъ себя странно: онъ вдругъ среди разговора замолкалъ, отъ него нельзя было добиться слова, онъ обнаруживалъ странную застѣнчивость. По словамъ Смирновой, «часто онъ былъ такъ застѣнчивъ, что его звали и не могли дозваться. Если же это и удавалось, то онъ отказывался гулять вмѣстѣ, приводя самыя странныя причины».

Къ счастью та же Смирнова даетъ возможность къ объясненію: оказывается, что въ это время Гоголь читалъ знакомымъ двѣ главы изъ «Мертвыхъ Душъ»; всѣ много смѣялись, Гоголь пришелъ въ «нервическое» состояніе, и на другой день рѣшительно отказался продолжать чтеніе и просилъ не просить его никогда объ этомъ...

Итакъ, въ то время, когда наблюдались упомянутыя странности, Гоголь создавалъ «Мертвыя Души». Думается, этого достаточно. Нельзя забывать, что гениальные творцы въ минуты творчества чувствуютъ себя иначе, чѣмъ обыкновенные люди въ обычное время, особенно если ихъ просятъ «прочитать еще что-нибудь». На высотѣ творчества, по словамъ Бюффона, «вы чувствуете легкій электрической толчокъ въ головѣ, въ то же время васъ что-то хватаетъ за сердце»... Часто они переживаютъ мучительное состояніе, особенно когда не сразу получается результатъ; это усугубляетъ мучительное состояніе, связанное съ напряженной интеллектуальной работой. Отъ Гоголя, съ его пониженной работоспособностью, въ силу физической болѣзненности, съ его безконечными передѣлками и сжиганіями черновиковъ было бы несправедливо требовать галантнаго поведенія въ то время, когда создавался его *opus majus*.

А, между тѣмъ, въ этомъ эпизодѣ находятъ цѣлую картину душевнаго заболѣванія. «Если сопоставить воспоминанія Золотарева и Смирновой,—пишетъ г. Чижъ,—то необходимо (?) должны будемъ придти къ заключенію, что въ этотъ періодъ жизни Гоголь вырабатывалъ идеи величія; бредовыя идеи появлялись среди разговора, какъ то свидѣтельствуется Золотаревъ, и Гоголь пре-

крашалъ разговоръ, потому что бредовая идея всецѣло завладѣвала его вниманіемъ; на него нападалъ «столбнякъ». Въ Баденѣ бредовыя идеи подолгу завладѣвали вниманіемъ Гоголя, и онъ тогда, конечно, слабо реагировалъ на раздраженіе внѣшняго міра; если же его друзьямъ и удавалось отвлечь, хотя отчасти, его вниманіе, онъ приводилъ «странныя причины». Дѣйствительно, когда больной, всецѣло сосредоточенный на своихъ идеяхъ бреда, возвращается въ дѣйствительный міръ, нѣкоторое время онъ спутываетъ идеи бреда съ воспріятіями дѣйствительности, и потому его отвѣты кажутся «странными». Больного въ такомъ положеніи можно сравнить съ глубоко сосредоточеннымъ на своихъ мысляхъ ученымъ, котораго зовутъ гулять; незаконченный ходъ мыслей можетъ страшно переплетаться съ воспріятіями дѣйствительности»¹⁾.

Подобная сѣтъ предположеній показываетъ, насколько мало считаются съ особенностями психологіи и фізіологіи великихъ людей. Продолжаютъ видѣть «странности», и «чужачества», даже душевную болѣзнь тамъ, гдѣ дѣло идетъ о фізіологическихъ явленіяхъ. Съ нашей привычкой все сводить къ нормѣ (какъ будто бы она существуетъ въ какомъ-либо опредѣленномъ видѣ), всякаго человѣка стараются понять житейской психологіей. Было время, когда сомнѣвались въ душевномъ здоровьѣ Лейбница, Декарта, Шиллера—на томъ основаніи, что первый размышлялъ въ горизонтальномъ положеніи, второй—при этрмъ запрокидывалъ голову назадъ, а третій—опускалъ ноги въ ледяную воду. Теперь не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь—ни странность, ни чужачество, а просто фізіологическій приѣмъ, измѣненіе кровообращенія съ цѣлью содѣйствовать творческой дѣятельности.

«Столбняки», описываемые Золотаревымъ и Смирновой, конечно—частность; дать имъ правильное освѣщеніе не мѣшаетъ, но и безъ объясненій, на основаніи ихъ нельзя дѣлать серьезныхъ выводовъ, въ родѣ существованія душевной болѣзни. Гораздо интереснѣе и важнѣе прямыя указанія на психологію творческой работы, долгіе годы совершавшейся въ душѣ Гоголя. Въ письмахъ его мы находимъ много такихъ указаній. Я думаю, что пока мы не проникнемъ въ святая святыхъ Гоголя, въ его творчество, мы постоянно будемъ наталкиваться на невѣрные объясненія внутреннихъ убѣжденій Гоголя.

¹⁾ «В. Ф. и Пс.», кн. 68, стр. 452.

Какъ одинъ изъ наиболѣе типичныхъ примѣровъ можно указать на письмо къ Языкову 4 ноября 1843 года. Гоголь пишетъ: «Отъ тебя не такъ далеко время писанья и работы. Остается испросить вдохновенія. Какъ это сдѣлать? Нужно послать изъ души нашей къ Нему стремленіе. «Чего не поищешь, того не найдешь», говоритъ пословица... Но нужно, чтобы эта молитва была отъ всѣхъ силъ души нашей. Если такое постоянное напряженіе хотя на двѣ минуты въ день соблюсти въ продолженіе одной или двухъ недѣль, то увидишь ея дѣйствія непремѣнно. Къ концу этого времени въ молитвѣ окажутся прибавленія. Вотъ какія произойдутъ чудеса. Въ первый день еще ни ядра мысли нѣтъ въ головѣ твоей; ты просишь просто о вдохновеніи. На другой или на третій день ты будешь говорить не просто: «Дай произвести мнѣ», но уже: «Дай произвести мнѣ въ *такомъ-то* духѣ». Потомъ, на четвертый или на пятый: «съ *такою-то* силою». Потомъ окажутся въ душѣ вопросы: какое впечатлѣніе могутъ произвести задумываемыя творенія и къ чему могутъ послужить? И за вопросами въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, которые будутъ прямо отъ Бога. Красота этихъ отвѣтовъ будетъ такова, что весь составъ уже самъ собою превратится въ восторгъ, и къ концу какой-либо другой недѣли увидишь, что уже все составилось, что нужно: и предметъ, и значеніе его, и сила, и глубокой внутренней смыслъ, словомъ—все; стоить только взять въ руки перо, да и писать... (Письма, II, 359—360).

Подобныхъ мѣстъ въ перепискѣ Гоголя очень много; они чрезвычайно важны для спеціальнаго изслѣдованія; именно по нимъ можно приблизиться къ истинному пониманію того, что совершалось въ душевной лабораторіи великаго творца.

Это и подобныя мѣста изъ переписки Гоголя получаютъ самое различное толкованіе, смотря по тому, считаются ли съ психологіей творчества или нѣтъ. Само по себѣ, безъ связи съ тѣмъ мучительнымъ напряженіемъ творческаго самоопредѣленія, какое переживалъ Гоголь въ 1843 году, письмо къ Языкову можно объяснить какъ угодно, смотря по желанію и по точкѣ зрѣнія. Г. Чижъ, напримѣръ, видѣлъ въ немъ идеи величія: «Гоголь теперь уже вполне убѣжденъ, что онъ одаренъ необычайной способностью; онъ узнаетъ истину самымъ простымъ, даннымъ ему, за неизвѣстные намъ «подвиги», способомъ...

Этотъ способъ поразительно простъ. «И за вопросами въ ту же минуту послѣдуютъ отвѣты, которые будутъ прямо отъ Бога» и т. д. ¹⁾

Достаточно однако прочитать контекстъ письма, чтобы видѣть, что въ немъ рѣчь идетъ не объ истинѣ, а о творческой работѣ, о тѣхъ фактахъ, которые хорошо извѣстны, даже общественны. Всякому извѣстенъ тотъ фактъ, что часто, при самомъ сильномъ напряженіи чувства интеллекта, результатъ психической работы изучается не сразу; только съ теченіемъ времени, часто незамѣтно для насъ самихъ, результатъ постепенно выясняется; съ нашей стороны необходимымъ условіемъ является постоянное напряженіе психики на извѣстный ладъ. Очень вѣрное и ясное описаніе этого состоянія творческой работы въ письмѣ Гоголя къ Языкову: чтобы достигъ вдохновенія, надо «постоянное напряженіе»; указывается продолжительный срокъ—одна, двѣ недѣли; «такой-то духъ» и такая-то сила, о которыхъ молится Гоголь, направляютъ бессознательную работу; въ концѣ-концовъ она даетъ отвѣтъ.

На своеобразномъ языкѣ Гоголя здѣсь дѣйствуетъ Богъ; психиатрической методъ вмѣсто Бога ставитъ идеи величія; психологія творчества обходится безъ того и другого; она считается съ фактомъ, что въ процессѣ творчества не достаточно интеллектуального и эмоционального фактора, требуется третій—бессознательный факторъ; онъ совершаетъ за насъ свою таинственную во многихъ отношеніяхъ работу.

Эта работа дѣйствительно таинственна; но безъ нея не обходится творческой гений; въ однихъ случаяхъ она меньше, въ другихъ больше. Что касается нашего великаго сатирика, то въ его творествѣ бессознательный факторъ имѣлъ большое значеніе; извѣстную роль онъ игралъ въ моментъ пробужденія творчества; онъ выражается въ тѣхъ бессознательныхъ или полусознательныхъ приспособленіяхъ къ наилучшимъ условіямъ творчества, которыми наполнена жизнь Гоголя; они же положили особый отпечатокъ на характеръ творчества.

Путемъ продолжительнаго напряженія, упорной борьбы, вліянія бессознательнаго фактора—словомъ путемъ долгаго развитія, характернаго по своимъ деталямъ, творчество Гоголя вылилось

¹⁾ «В. Ф. и Пс.», кн. 70, стр. 773.

въ очень своеобразную форму. Окончательная форма—чрезвычайно своеобразна и по своему характеру имѣетъ глубокой спеціальный интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ человѣкъ, написавшій «Ревизора» и «Мертвыя души», выпустить подъ своимъ именемъ «Переписку съ друзьями»? Могъ ли человѣкъ съ геніальной пронизательностью человѣческой природы видѣть спасеніе Россіи въ о. Мотвъ, въ просѣженныхъ чиновникахъ, въ хорошихъ помѣщикахъ? Это едва ли не самая важная странность, которую представляетъ личность Гоголя. Оставить безъ объясненія эту странность, значить констатировать у Н. В. отсутствіе сознанія собственной дѣятельности; даже болѣе того: появленіе «Переписки» послѣ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», принимаемое какъ фактъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, безъ связи съ другими явленіями жизни Гоголя, можетъ свидѣтельствовать о «переломѣ», объ измѣненіи личности—совершенно патологическомъ, свойственномъ только душевнобольнымъ. Такое именно объясненіе дали Ламброзо, признавшій Гоголя параноикомъ, и Баженовъ, признающій «Переписку» продуктомъ патологическаго творчества.

Д-ръ Чижъ этому вопросу даетъ нѣсколько другую постановку. Находя въ Гоголѣ врожденную патологическую организацію, онъ утверждаетъ, что «Гоголь не цѣнилъ, не любилъ и не понималъ своихъ великихъ произведеній»; «взгляды Гоголя совершенно не соответствовали тому, что выражено въ его художественныхъ произведеніяхъ; такого раздвоенія личности не бываетъ у здоровыхъ художниковъ, почему здоровые художники любятъ свои созданія, горячо отстаиваютъ свои идеалы, въ своихъ теоретическихъ произведеніяхъ исповѣдуютъ тѣ же начала, что и въ художественныхъ»¹⁾.

Можно быть благодарнымъ г. Чижу за рельефную постановку; вопросъ настолько важенъ, что спеціальная біографія, пользуясь своими преимуществами, должна рѣшить его. Но самая важность требуетъ совершенно правильной, согласной съ фактическими данными постановки.

Дѣйствительно ли Гоголь не цѣнилъ своихъ произведеній? Доказывается ли это тѣмъ, что онъ жестоко критиковалъ сначала свои «Вечера», затѣмъ «Ревизора», потомъ I т. «Мертвыхъ

1) «В. Ф. и Пс.», кн. 69, стр. 670 и 673.

Душъ», наконецъ, самую «Переписку»? Исторія творческаго самосознанія, съ ея постепеннымъ повышеніемъ вопросовъ, доказываетъ противное; одно то обстоятельство, что отъ критики Гоголя не спаслось ни одно изъ его произведеній, и даже «Переписка» оказалась слѣдствіемъ «переходнаго белѣзненнаго состоянія», говоритъ за то, что Гоголь зналъ цѣну своихъ твореній, хотя и не удовлетворялся ими; замыслы онъ цѣнилъ больше, чѣмъ достигнутые результаты.

Дѣйствительно ли Гоголь не любилъ своихъ произведеній и не боролся за нихъ? Опять-таки вся громадная работа творческаго самосознанія съ ея иногда героическими и на первый взглядъ непонятными средствами говорить противъ этого; достаточно вспомнить тѣ усилія, какихъ требовалъ I томъ «Мертвыхъ Душъ»; самъ г. Чижъ, упоминая объ этихъ усиліяхъ, приходитъ къ другому, чѣмъ раньше, выводу: «геніальный поэтъ, какъ великій художникъ, горячо любилъ свой opus majus» ¹⁾.

Наконецъ, дѣйствительно ли Гоголь не понималъ своихъ произведеній, «не понималъ особенностей своего творчества»? ²⁾. Дѣйствительно ли онъ предпочиталъ «Переписку» и теоретическія работы художественнымъ произведеніямъ? Конечно, нѣтъ; послѣ критики онъ отказался отъ разсужденій, убѣдившись, что его дѣло—«говорить живыми образами» (письмо Жуковскому объ искусствѣ).

Итакъ, Н. В. Гоголь цѣнилъ, любилъ и понималъ свои великія произведенія. Слѣдовательно, остается выяснитъ, какимъ образомъ его личныя воззрѣнія не соотвѣтствовали его геніальнымъ твореніямъ.

Единственно, откуда мы можемъ получить объясненіе, это—психологія высшаго типа. «Переломъ» Гоголя—большое мѣсто русской литературы. Однимъ изъ первыхъ, пытавшихся залѣчить его, былъ Бѣлинскій; онъ выдвинулъ идею о бессознательномъ творествѣ Гоголя, какъ всякаго генія. Неистовый Виссаріонъ, по собственному выраженію, способенъ былъ «рвать на себѣ волосы» при мысли, что геній творитъ бессознательно; но для Гоголя долженъ былъ признать эту бессознательность.

Безъ всякаго сомнѣнія, геніальная дѣятельность не исчерпы-

¹⁾ «В. Ф. и Пс.», кн. 69, стр. 647.

²⁾ В. Чижъ, *ib.* стр. 658.

вается однимъ бессознательнымъ факторомъ; въ ней масса условий; тутъ принимаютъ участіе и интеллектуальный, и эмоциональный факторы. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выдвигается больше то одинъ, то другой; у творцовъ, какъ и у обыкновенныхъ людей, бессознательная сфера дѣйствуетъ въ неодинаковой мѣрѣ; но нигдѣ громадное богатство психическаго опыта, скрытое подъ порогомъ сознанія, не отличается такой подвижностью, какъ у представителей высшаго типа.

Мы имѣемъ достаточно свѣдѣній о процессахъ Гоголевскаго творчества, чтобы оцѣнить мнѣніе Бѣлинскаго. Бессознательное въ творческой дѣятельности проявляется въ двухъ формахъ. Первая форма болѣе рѣдкая, почти не свойственна обыденной жизни, это — такъ называемое вдохновеніе; оно имѣетъ свои опредѣленные признаки и констатировать его легко: во-1-хъ, оно наступаетъ внезапно, во-2-хъ, не зависитъ отъ воли творца, послѣдній или пассивно пользуется имъ, или принужденъ бороться съ нимъ. Повидимому, у Гоголя бессознательный факторъ творчества въ этой формѣ не проявлялся; правда, иногда Гоголь упоминаетъ терминъ «вдохновеніе», но это только *façon de parler*. Другая форма бессознательнаго встрѣчается очень часто; это тотъ случай, когда мы при всемъ напряженіи чувства и интеллента не можемъ по желанію сейчасъ же достигнуть результата психической работы; и только впоследствии, съ теченіемъ времени, незамѣтно для самихъ себя, результатъ выясняется или сразу, или постепенно: бессознательная сфера совершила для насъ свою таинственную работу; необходимымъ условіемъ съ нашей стороны является только постоянное настраиваніе на извѣстный тонъ психики. У Гоголя подобный процессъ ясно замѣтенъ: онъ вынашивалъ свои произведенія долгое время, цѣлыми годами; въ письмѣ къ Языкову ¹⁾ ясно изображается надежда на плодотворность бессознательной работы: «молись постоянно Богу объ одномъ и томъ же и въ концѣ концовъ получишь отвѣтъ» — вотъ процессъ работы на своеобразномъ языкѣ Гоголя.

Мы не знаемъ точно природы бессознательнаго творчества; судя по результатамъ его, мы можемъ думать, что природа въ общемъ идентична съ сознательной работой; вѣроятно, она только тѣснѣе связана съ физиологической нервно-мозговой работой,

¹⁾ Письма, II, 360.

болѣе устойчива, меньше зависитъ отъ сферы чувства—симпатій и антипатій, которыя часто заставляютъ колебаться нашу интеллектуальную работу и приходятъ къ невѣрнымъ выводамъ. При такомъ характерѣ бессознательной работы Гоголь могъ дать произведенія, болѣе соотвѣтствующія дѣйствительности, чѣмъ его собственные симпатіи, его собственное желаніе видѣть въ русской природѣ «глубокое пониманіе Евангелія».

Представляетъ ли Гоголь единственный примѣръ противорѣчія между убѣжденіями и собственными произведеніями? Конечно, нѣтъ. Въ литературѣ мы имѣемъ много очень хорошихъ примѣровъ такого противорѣчія. Ярый консерваторъ, противникъ Сократа, защитникъ старыхъ порядковъ, Аристофанъ пользуется древне греческими богами, какъ комическими персонажами въ своихъ произведеніяхъ; повидимому, греческій консерваторъ не замѣчаетъ, что, обращая возвышенный Олимпъ въ шутовскую толпу, онъ подрываетъ устои древнегреческаго уклада. Сходство между Гоголемъ и Аристофаномъ—не простое совпаденіе: оно глубже, чѣмъ кажется, и заключается въ сходствѣ творческаго метода. Смѣхъ того и другого—громадная сила. Еще Гоббсезъ сказалъ, что смѣяться можно надъ тѣмъ, что ниже насъ; въ смѣхѣ выражается наше моральное и интеллектуальное превосходство. Чтобы смѣхомъ торжествовать побѣду собственнаго разума надъ ничтожествомъ и бессмысліемъ, необходимо ясно чувствовать контрастъ между высокимъ и смѣшнымъ; а чувство контраста—настолько сильно и свободно, что его трудно заглушить; разъ начавшись, оно сознаетъ свою независимость и, не останавливаясь, разрушаетъ всѣ авторитеты, власть которыхъ уже ускользнула. Вотъ почему Мольеръ въ своемъ «Мизантропѣ» въ смѣшномъ видѣ представилъ почтенную личность, а Гоголь дѣлаетъ это съ цѣлыми классами общества, по симпатіямъ близкими къ нему. *Difficile satyram non scribere*, говорили римляне.

Противорѣчіе между убѣжденіями и характеромъ произведеній—кардинальный вопросъ для специальной біографіи Гоголя. Эту черту нужно бы признать признакомъ душевной болѣзни, если бы не было другого объясненія. Къ счастью, такое объясненіе заключается въ творческомъ методѣ, психологіи смѣха и бессознательномъ факторѣ, т.-е. въ той же психологіи творчества, которая красною нитью проходитъ черезъ жизнь Гоголя, ясно замѣтна при первомъ пробужденіи таланта, проявляется въ

дальнѣйшемъ его развитіи и, наконецъ, отливаешь все творчество въ ту сложно-противорѣчивую форму, предъ которой въ изумленіи останавливаются біографы великаго сатирика.

II.

Мы видѣли, насколько естественъ и важенъ методъ — изучать жизнь Гоголя въ связи съ условіями творчества. Этотъ методъ даетъ естественное объясненіе многихъ фактовъ, которые при другомъ методѣ не только кажутся подозрительными, но даже приводятся, какъ доказательство душевной болѣзни. Но это далеко не все. Необходимо, кромѣ того, прослѣдить въ Гоголѣ развитіе творческаго самосознанія; тогда его личность представится въ болѣе ясномъ видѣ; многіе его взгляды исторіей творческаго самоопредѣленія выясняются настолько, что перестаютъ казаться страшными и смущать психіатровъ.

Рядомъ съ этимъ было бы очень полезно прослѣдить вообще исторію Гоголевскаго міровоззрѣнія. Конечно, жизнь Гоголя, его воззрѣнія, независимыя отъ вліяній творческой природы — для специальной біографіи имѣютъ меньшій интересъ; даже для психіатровъ, склонныхъ признавать въ великомъ писателѣ душевную болѣзнь, здѣсь мало подходящихъ фактовъ (главнымъ источникомъ для нихъ служитъ творчество съ его условіями), но и внѣ творческой дѣятельности гениальная натура выступаетъ съ присущими ей особенностями. Къ сожалѣнію, я не имѣю мѣста, чтобы полностью прослѣдить исторію развитія Гоголя, какъ человѣка, и посему ограничиваюсь характеристикой Гоголя лишь за послѣднія 10—15 лѣтъ его жизни.

Если бы мы пожелали вкратцѣ выразить духовный обликъ великаго писателя за послѣднія 15 лѣтъ его жизни, когда его міровоззрѣніе сложилось окончательно, мы могли бы сказать: въ обще-философскихъ воззрѣніяхъ, въ вопросахъ религіи, общей нравственности и социологіи онъ былъ религіознымъ мистикомъ и индивидуалистомъ; въ вопросахъ болѣе практическихъ: въ отношеніяхъ къ Россіи, къ современнымъ теченіямъ мысли — онъ былъ благонамѣреннымъ человѣкомъ съ славянофильскими симпатіями; и, наконецъ, въ личной жизни, въ задачахъ своей дѣятельности, въ своемъ поведеніи, въ отношеніяхъ къ роднымъ, знакомымъ и друзьямъ это была разнo очерченная индивиду-

альность, стойкая и послѣдовательная до мелочей, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несимпатичная, въ другихъ — привлекающая наши симпатіи и уваженіе.

Н. В. Гоголь жилъ въ эпоху, которая отличалась особеннымъ подъемомъ философской мысли. Гегельянство и Шеллингянство захватило лучшіе слои русскаго общества въ лицѣ важнѣйшихъ представителей публицистики и литературы. Во всемъ огромномъ біографическомъ матеріалѣ о Гоголѣ мнѣ удалось найти лишь краткія указанія, какъ относился Гоголь къ этимъ теченіямъ философской мысли; намъ несомнѣнно, что онъ не читалъ ихъ и относился къ нимъ отрицательно, какъ и ко всякаго рода измамъ. Н. В. имѣлъ собственную философію, если только это названіе можно дать отрывочнымъ замѣчаніямъ его объ основныхъ вопросахъ жизни. Зачатки этой философіи мы могли прослѣдить съ самаго дѣтства великаго писателя: они замѣтны въ переходный періодъ его развитія, но всего ярче выразились за послѣднія 10—15 лѣтъ жизни.

Для иллюстраціи мы ограничимся самыми рельефными мѣстами изъ писемъ 1836 г.

Опечаленный и встревоженный отношеніемъ общества къ «Ревизору», Гоголь создаетъ себѣ особенное утѣшеніе: «Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ провидѣніемъ на мое воспитаніе и ~~нѣ~~нѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой, — онъ, вѣроятно, необходимъ для меня» (Погодину 15/v 36). Почти то же повторяетъ Гоголь 28/vi въ письмѣ Жуковскому.

1838 г. Въ письмѣ Данилевскому (30/vi 38) утѣшаетъ его въ смерти матери; способъ утѣшенія тотъ же, что и для себя. «Это тотъ страшный переломъ, который высшія силы нашли для тебя нужнымъ, и эти исполненныя сильной горечи слезы были для оживленія души твоей».

Сестрамъ совѣтуетъ читать творенія Апостоловъ (Аннѣ и Елизаветѣ Гоголь 4/xii 38).

1840 г. Объясненіе выздоровленій отъ приступа болѣзни въ Вѣнѣ: «Теперь я пишу къ Вамъ, потому что здоровъ, благодаря чудной силѣ Бога, воскресившаго меня отъ болѣзни, отъ которой, признаюсь, я не думалъ уже встать. Вы въ вашемъ письмѣ сказали, что вѣрите въ то, что мы увидимся опять. Какъ угод-

но будетъ всевышней силѣ! Можетъ быть, это желаніе, желаніе сердець нашихъ, сильное обоудно, исполнится» (Аксакову 28/хп 40).

1841 г. «Всякая втуне потраченная минута *здѣсь* спросится тамъ и лучше не родиться, чѣмъ поблѣднѣть предъ этимъ страшнымъ упрекомъ» (Аксакову по поводу русской лѣни). Мы всѣ здѣсь мимоѣздомъ и всѣ недолго пробудемъ. Но дѣло въ томъ, что мы здѣсь мимоѣздомъ не по своенравному случаю, не для какого-либо пустяка. У Бога нѣтъ пустяковъ. Мы присланы сюда за тѣмъ, чтобы исполнить порученіе, возложенное на насъ пославшимъ, безъ чего не можемъ получить ни награды, ни права на будущую жизнь» (сестрѣ Аннѣ). «Ужасно жалко мнѣ Аксаковыхъ, не потому только, что у нихъ умеръ сынъ, но потому, что безграничная привязанность до упоенія къ чему бы ни было въ жизни—есть уже несчастіе» (Погодину 15/v 41).

1842 г. «Я не рожденъ для тревоженій и чувствую съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха» (Языкову 10/п 42). «Грѣховъ, указанія грѣховъ желаетъ и жаждетъ теперь душа моя» (Жуковскому 20/vп 42).

Въ этотъ годъ Гоголь впервые заговорилъ о желаніи ѣхать въ Іерусалимъ (Данилевскому 9/v 42); въ письмѣ Аксакову (18/vп) онъ подробно мотивируетъ это желаніе: главное содержаніе мотивировки—благодарность Христу за Его благодѣянія.

1843 г. «Жестокая тоска есть глубокое доказательство того, что въ душу твою вложены тайныя стремленія къ чему-нибудь, что безпокойно мечутся силы, не слышашія и не сознающія назначенія своего, безъ сомнѣнія не пустого и ничтожнаго» (Данилевскому 26/п 43). «Я говѣлъ на первой недѣли еще поста, и это было прекрасное время. Богъ неисчетно, сугубо награждаетъ насъ за самое даже мгновенное пребываніе въ немъ» (Шереметевой 15/iv 43); по собственному примѣру совѣтуетъ Языкову говѣть, читать священныя книги, служить всенощныя (8/vп 43); отъ Шереметевой получаетъ какой-то шнурокъ для постоянного ношенія (Письма II, 341). Совѣтуетъ Языкову во время творческихъ мукъ молиться Богу «хотя на двѣ минуты въ день»; каждый день прибавлять въ молитвѣ новыя и новыя желанія; въ концѣ-концовъ на всѣ вопросы относительно задумываемыхъ твореній получатся отвѣты; «красота этихъ отвѣтовъ будетъ такова, что весь составъ уже самъ собой превратится въ восторгъ»;

и къ концу какой-нибудь другой недѣли увидишь, что все уже составилось, что нужно: и предметъ, и значеніе его, и сила, и глубокий внутренній смыслъ, словомъ—все; стоить только взять въ руки перо и писать». Это явленіе нельзя объяснить, что «одна нерва толкнула другую», какъ говорятъ естествоиспытатели. «Чудеса, повидимому безпричинныя, случались съ тѣми людьми, у которыхъ сила вѣры перелетѣла чрезъ всѣ границы и чрезъ всѣ ихъ невеликія способности. За точную вѣру ниспосланы были и явленія имъ, перешедшія всѣ естественныя границы. Но и тутъ, всмотрѣвшись, можно толковать естественнымъ образомъ: тоже одна нерва толкнувъ другую и вызвала видѣніе» (Языкову 4/xi 43).

1844 г. Разсылаетъ друзьямъ «подражаніе Христу» Оомы Кампійскаго съ наставленіемъ читать эту книгу постоянно. Въ мартѣ Гоголь поѣхалъ на пароходѣ внизъ по Рейну; пароходъ «хлопнулся объ арку моста, изломалъ колесо и заставилъ меня еще на день остаться въ Страсбургѣ». «Самое несчастіе, случившееся теперь на пароходѣ, случилось, можетъ быть, для того, чтобы мнѣ теперь же доставить время и удобность написать вамъ напоминаніе», что «мы всѣ орудія Божьяго провидѣнія» (Віельгорской 26/ш 44). «Кажется что не о чемъ даже писать, и не хочется, но какъ только преодолѣется первое нехотѣніе и письмо приходитъ къ половинѣ или концу, набираются и мысли и предметы, о чемъ писать, такъ что ужъ и мѣста не остается для строкъ, есть кто-то, кто препятствуетъ намъ и какъ только оттолкнешь его, слышишь тотъ же часъ, что есть кто-то другой, который помогаетъ намъ» (матери 12/vi 44).

1845 г. «Я мучилъ себя, насилывалъ писать, страдалъ... видя безсиліе свое, много-много разъ тоска и даже чуть-чуть не отчаяніе овладѣвали мною отъ этой причины. Но великъ Богъ, свята его воля и выше всего Его премудрость: не готовъ я былъ тогда для такихъ произведеній, къ какимъ стремилась душа моя. Нельзя изглашать святыни, не освятивши прежде сколько-нибудь свою собственную душу (Смирновой 2/iv 45). «И душѣ и тѣлу моему слѣдовало выстрадаться. Безъ этого не будутъ «Мертвыя души» тѣмъ, чѣмъ имъ быть должно» (Ей же 4/ш 46).

1846 г. Гоголь откладываетъ поѣздку въ Іерусалимъ, потому что книга Норова «Путешествіе въ Іерусалимъ» какъ-то странно не можетъ дойти до него. (Письма III, 150); отъ гр. Шере-

метевоу получаетъ образа и молитву. Сочиняетъ собственную молитву слѣдующаго содержания:

«Влеку меня къ себѣ, Боже мой, силою святой любви Твоей. Но на мигъ бытія моего не оставляй меня; соприсутствуй мнѣ въ трудѣ моемъ, для него же произвелъ меня въ міръ, да, совершая его, пребуду весь въ Тебѣ, Отче мой, Тебя единаго представляя день и ночь предъ мысленныя мои очи. Сдѣлай, да пребуду нѣмъ въ мірѣ, да обезчувствуетъ душа моя ко всему, кромѣ единаго Тебя, да обезотвѣтствуетъ сердце мое къ житейскимъ скорбямъ и бурямъ, ихъ же воздвигаетъ сатана на возмущеніе духа моего, да не возложу моей надежды ни на кого изъ живущихъ на землѣ, но на Тебя единаго, Владыко и Господинъ мой! Вѣрю бо, яко Ты единъ въ силахъ поднять меня; вѣрю, яко и сіе самое дѣло рукъ моихъ, надъ нимъ же работаю нынѣ, не отъ моего произволенія, но отъ святой воли Твоей. Ты поселилъ во мнѣ и первую мысль о немъ; Ты и возрастилъ ее, возрастивши меня самого для нея. Ты же далъ силы привести къ концу Тобой внушенное дѣло, строя все въ спасеніе мое: насылая скорби на умягченія сердца моего, воздвигая гоненія на частыя прибѣганія къ Тебѣ и на полученіе сильнѣйшей любви къ Тебѣ, ею же да воспламеняетъ и возгорится отнынѣ вся душа моя, славя ежеминутно святое имя Твое, прославляемое всегда и нынѣ и присно, и вѣки вѣковъ, аминь». (Письма III, 309).

1848 г. «Едва ли сплетни есть произведеніе людское» (Шевреву 21/IV 48); «не забывайте, что ихъ распускаетъ чортъ, а не люди, затѣмъ, чтобы смутить и низвести съ высокаго спокойствія» (Смирновой 6/XII 49 года; ссылка на чорта повидимому не серьезная).

1849 г. Описывая Жуковскому путешествіе въ Палестину, между прочимъ говоритъ: «помню, что на этой Элеонской горѣ видѣлъ слѣды ноги Вознесшагося, чудесно вдавленной въ твердомъ камнѣ, какъ бы въ мягкомъ воскѣ, такъ что видна малѣйшая выпуклость и впадина необыкновенно правильной пяты». (Письма IV, 300).

Мы привели наиболѣе типичныя выдержки, характеризующія религиозно-философскія воззрѣнія Н. В. Гоголя. Ихъ можно бы привести гораздо болѣе. Дѣло въ томъ, что Гоголя въ его частныхъ письмахъ и въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями»

носить особый характеръ, метафорическій, напыщенный; часто здѣсь у Гоголя нѣтъ строгаго соотвѣтствія между словами и опредѣленными понятіями; даже свое знакомство съ Пушкинымъ Н. В. выражаетъ въ слѣдующихъ фразахъ: «что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу» ¹⁾. Эту особенность стили частныхъ писемъ Гоголя всегда нужно имѣть въ виду, оцѣняя его психическую жизнь; вмѣсто указаній на патологическій элементъ, здѣсь проявляется только *façon de parler* великаго писателя.

Принимая во вниманіе указанную предосторожность, мы пытаемся квалифицировать религіозно-философскія воззрѣнія Гоголя. Въ этомъ отношеніи мы примыкаемъ къ старому мнѣнію, многими оспариваемому въ настоящее время: мы признаемъ Гоголя религіознымъ мистикомъ; мистицизмъ—преобладающая черта въ немъ.

Основная особенность мистика—это способность къ особаго рода воспріятіямъ (мистическимъ): безъ посредства какихъ-либо разсужденій и выводовъ пріобрѣтать знаніе того, что не составляетъ части внѣшняго міра, но что въ то же время не мы сами и не наши душевныя состоянія; мистикъ, напр., не только вѣритъ въ Бога, но знаетъ Его; разсужденія мистика о Бога слѣдуютъ только послѣ того, какъ онъ узналъ Его бытіе внутреннимъ путемъ. У Гоголя данная черта замѣтна ясно. Припомнимъ, напр., какъ онъ описываетъ Языкову работу творческой мысли: нужно молиться Богу, каждый день хотя бы по двѣ минуты; каждый день раскрывать предъ Богомъ свои творческіе допросы; къ концу второй недѣли раскроется все и предметъ, и значеніе его и глубокой внутренней смыслъ.. Это откровеніе нельзя объяснить естественнымъ путемъ, «будто бы одна нерва толкнула другую». Этотъ послѣдній, «естественный путь» неприложимъ, по мнѣнію Гоголя, и къ чудесамъ; это явленія «перешедшія всѣ естественныя границы». Также ясно проявляется способность Гоголя къ мистическому воспріятію въ другихъ случаяхъ: онъ говѣетъ и чувствуетъ, что Богъ сугубо награ-

¹⁾ Письмо I, 432.

ждаетъ его за мгновенное даже пребываніе въ немъ; когда онъ пишетъ письмо, сначала это трудно и не удается, затѣмъ мысли текутъ живѣе, наконецъ, не хватаетъ даже строчекъ; «могла бы, кажется, она смекнуть», говоритъ Н. В. по этому поводу о своей сестрѣ, «что есть кто-то, кто препятствуетъ намъ.., что есть кто-то другой, кто помогаетъ намъ» ¹⁾).

Не менѣе ясно проявляется въ перепискѣ Гоголя другой важный признакъ мистицизма--символизмъ: непріязнь русскаго общества къ «Ревизору», всѣ несчастія и болѣзни посланы Гоголю для исправленія его души; тоска, постигающая каждого человека, гдѣ бы онъ ни жилъ, служить указаніемъ, что въ душу вложены тайныя силы; выздоровленіе отъ припадка въ Вѣнѣ въ 1840 г. произошло въ силу вмѣшательства Бога; пароходъ, на которомъ онъ ѣхалъ по Рейну, сломался, можетъ быть, для того, чтобы доставить время и удобство написать друзьямъ; книга Норова «Путешествіе въ Іерусалимъ» долго не доходитъ до Гоголя; это указаніе, что поѣздка въ Іерусалимъ въ 1846 году преждевременна. Другія особенности мистицизма: глубокая вѣра, участіе сильного чувства въ воззрѣніяхъ, настолько ясны у Гоголя, что не требуютъ детального изложенія; даже стиль мистиковъ крайне метафорическій и эмфатическій, проявляется у Гоголя въ его благочестивыхъ lamentаціяхъ.

Мистицизмъ проявляется очень различно; мысль мистика можетъ работать въ различныхъ направленіяхъ и можетъ дать космологическія, религіозныя, метафизическія и т. п. построенія; очень часто мистицизмъ проявляется какъ социальная система. У Н. В. Гоголя мистицизмъ принялъ главнымъ образомъ религіозное направленіе. Это было вполне естественно: его семья, въ особенности мать и отецъ, были очень религіозные люди, устраивавшіе свою жизнь по указанію свыше, вѣрившіе въ сны и т. д.; ближайшіе друзья Гоголя—Жуковский, Погодинъ, Аксаковы, по своимъ воззрѣніямъ были религіозны не менѣе, чѣмъ Гоголь; главнымъ же обществомъ, гдѣ поддерживалось и культивировалось религіозное настроеніе Н. В., было общество высшаго круга; здѣсь Н. В. имѣлъ многихъ знакомыхъ: гр. Толстого, Віельгорскихъ, Шереметеву, А. О. Смирнову; сюда же примыкалъ и знаменитый о. Матвѣй Константиновскій. Не удивительно,

¹⁾ Письма II, 449.

Вопросы философіи, кн. 76.

что при такой общественной средѣ религиозность Гоголя, замѣтная у него съ юности, не только не уменьшилась, но все болѣе и болѣе росла.

Его мистическое направленіе не ограничивается только сферой религиозныхъ убѣжденій; этимъ мистическимъ колоритомъ окрашиваются и прочіе интересы Гоголя: въ своихъ занятіяхъ исторіей онъ особенную склонность имѣетъ къ среднимъ вѣкамъ съ ихъ таинственностью; свое социальное положеніе, какъ писателя, онъ считаетъ назначеніемъ, даннымъ ему Богомъ для жизни на землѣ; отсюда—идеи мессіанизма у Гоголя; свои неудачи на этомъ пути, болѣзни, разочарованія разсматриваетъ какъ указаніе свыше для собственнаго самоусовершенствованія; «душѣ и тѣлу нужно выстрадаться; безъ этого «Мертвыя Души» не будутъ тѣмъ, чѣмъ онѣ должны быть»; отсюда явился аскетизмъ; въ которомъ Н. В. заходилъ такъ далеко, что званіе монаха считалъ для себя наилучшимъ положеніемъ.

Оцѣняя религиозно-философскіе взгляды Гоголя, необходимо сознаться, что философія Гоголя не высокаго достоинства. Какъ социальная система, мистицизмъ представляетъ очень легкой способъ разрѣшать всѣ вопросы: въ большинствѣ случаевъ мистикъ ссылается на волю Божию, предопредѣленіе свыше; въ Гоголѣ эта черта замѣтна очень ясно. Самъ по себѣ религиозный мистицизмъ не составляетъ, конечно, патологическаго явленія; это только извѣстное направленіе религиознаго чувства; болѣзнью съ нѣкоторымъ правомъ его можно признать лишь тогда, когда онъ доходитъ въ индивидуальной сферѣ до экстаза, въ социальной сферѣ — до фанатизма. Религиозный мистицизмъ въ томъ видѣ и размѣрѣ, въ какомъ онъ былъ у Гоголя, можетъ съ достовѣрностью свидѣтельствовать только о томъ, что философская подготовка Гоголя вообще была очень слаба; такой выводъ вполне согласуется съ данными біографіи Гоголя; какъ мы упоминали выше, Н. В. по своимъ симпатіямъ и интеллектуальнымъ интересамъ стоялъ далеко отъ широкихъ философско-общественныхъ теченій, представителями которыхъ въ его время являлись Станкевичъ, Герценъ, Бѣлинскій, Грановскій.

Я вполне понимаю, насколько важно для спеціалиста, изучающаго жизнь Гоголя лишь съ той стороны, которая непонятна обыкновенному біографу, составить правильный взглядъ на религиозный мистицизмъ Гоголя, въ частности на его происхождение

ніе. Религіознымъ воззрѣніямъ Гоголя можно придать бредовой характеръ; все зависитъ отъ того, насколько мы знаемъ развитіе Гоголя, тѣ предпосылки, которыя лежатъ въ основѣ его воззрѣній. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важенъ вопросъ: были ли у Гоголя галлюцинаціи, не лежали ли онѣ въ основѣ мистическихъ идей. Въ томъ или другомъ видѣ галлюцинаціи бывають въ большинствѣ душевныхъ болѣзней; онѣ имѣють громадное вліяніе на психику человѣка, подъ ихъ вліяніемъ измѣняется поведеніе, отношеніе къ своему я и къ внѣшнему міру; больной реагируетъ на нихъ созданіемъ системы бредовыхъ идей. Нельзя, конечно, всякаго галлюцинанта считать ео ipso душевно больнымъ, но на всякаго галлюцинанта нужно смотрѣть подозрительно.

Въ біографіи Гоголя мы имѣмъ слѣдующія указанія на возможность галлюцинацій.

1. Въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» Гоголь говоритъ про себя: «Вамъ, безъ сомнѣнія, когда-нибудь случалось слышать голосъ, называющій васъ по имени, который простолюдины объясняютъ тѣмъ, что душа стосковалась за человѣкомъ и призываетъ его, и послѣ котораго слѣдуетъ неминуемо смерть. Признаюсь, мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, что въ дѣтствѣ я часто его слышалъ: иногда вдругъ позади меня кто-то явственно произносилъ мое имя. День обыкновенно былъ въ это время самый ясный и солнечный; ни одинъ листъ въ саду на деревѣ не шевелился; тишина была мертвая; даже кузнечикъ въ это время переставалъ прыгать; ни души въ саду. Но, признаюсь, если бы ночь самая бѣшенная и бурная, со всѣмъ адомъ стихій, настигла меня одного среди непроходимаго лѣса, я бы не такъ испугался ея, какъ этой ужасной тишины среди безоблачнаго дня. Я обыкновенно такъ бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ саду, и тогда только успокаивался, когда попадался мнѣ навстрѣчу какой-нибудь человѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню». Приведенное мѣсто—одно изъ важныхъ указаній на существованіе у Гоголя галлюцинацій; повидимому, Н. В. самъ сознается въ нихъ; но несомнѣнно патологическаго въ данномъ фактѣ нѣтъ. Во-1-хъ, голосъ, звавшій по имени, могъ быть только иллюзіей, а не галлюцинаціей; онъ встрѣчался въ дѣтствѣ, т. е. въ возрастѣ, когда вниманіе легко отвлекается и критика

окружающаго слаба; далѣе голосъ случался въ тихую погоду, когда въ саду ни души; непривычная тишина и одиночество возбуждали страхъ въ ребенкѣ, по ассоціаціи представленій вспоминались суевѣрные рассказы о смерти, зовущей человѣка... словомъ — это психическая иллюзія подѣ влияніемъ своего вниманія, недостаточной критики окружающаго, душевнаго волненія. Если даже это—галлюцинація, то она похожа на общеизвѣстныя галлюцинаціи путешественниковъ среди зноя и песковъ пустыни: подѣ палящими лучами солнца разстроенное мозговое кровообращеніе рисуетъ цѣлыя ландшафты, города, сады; то же самое могло быть съ маленькимъ Гоголемъ, бѣгавшимъ въ саду до усталости въ «ясный и солнечный» день.

2. За 10 дней до смерти ночью съ пятницы на субботу 9—10 числа февраля 1852 г. Гоголь внезапно послалъ за священникомъ, говоря, что онъ видѣлъ себя умершимъ, слышалъ какіе-то голоса. Это второй и послѣдній разъ, когда Н. В. признаетъ у себя галлюцинаціи. Но и здѣсь фактъ галлюцинацій очень сомнителенъ: Гоголь просто смѣшалъ сонъ съ дѣйствительностью, что при ослабленномъ питаніи, глубокомъ угнетеніи, сосредоточенности вниманія на близкой смерти, какія переживалъ Гоголь за послѣдніе свои дни, очень возможно; при этихъ условіяхъ могъ быть даже настоящій бредъ, какъ у лихорадящаго больного.

3. Въ перепискѣ Н. В., начиная съ 1843 года, часто попадаютъ странныя выраженія: «Иногда силой внутренняго глаза и уха я вижу и слышу время и мѣсто, гдѣ должна выйти на свѣтъ моя книга» (Шевыреву 28/II 43 г.); «душа моя слышитъ» (Иванову 18/II 44); «внутренній глазъ мой» (Шереметевой). Такія выраженія были бы очень подозрительны, если бы мы не знали, что Н. В. въ это время зачитывался разными душеспасительными книгами.

4. Въ воспоминаніяхъ о Гоголѣ попадаютъ странные рассказы о немъ; такъ, въ 1851 году лѣтомъ Н. В. гостилъ въ Спасскомъ у Смирновой; однажды хозяйка застала его въ необыкновенномъ состояніи: онъ держалъ въ рукахъ Четью-Минею и смотрѣлъ сквозь открытое окно въ поле; глаза его были какіе-то восторженные, лицо оживлено чувствомъ высокаго удовольствія; онъ какъ будто бы видѣлъ предъ собою что-то восхитительное. Когда Александра Осиповна заговорила съ нимъ, онъ какъ будто бы

изумился и съ какимъ-то смущеніемъ отвѣтилъ ей, что читаетъ житіе такого то святого.

Фактъ этотъ, конечно, подозрителенъ, но и онъ можетъ имѣть много другихъ объясненій болѣе естественныхъ и невинныхъ, чѣмъ галлюцинація. Очень возможно, что Н. В. въ Спасскомъ дѣйствительно читалъ житіе святого и привычныя ассоціаціи его увлекли. Увлекался же онъ «Подражаніемъ Христу» Фомы Аквината до такой степени, что разсылалъ экземпляры этой книги своимъ друзьямъ; увлекался же онъ «Одиссеей» Жуковского до такой степени, что находилъ въ ней чуть ли не разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ о значеніи литературы.

С. Т. Аксаковъ, со словъ Н. П. Боткина, сообщаетъ, что въ 1840 году Гоголь имѣлъ «видѣнія»; это случилось во время болѣзни. Но что это за видѣнія, мы такъ и не знаемъ, можетъ быть, это были галлюцинаціи, а, можетъ быть, что-нибудь другое.

Д-ръ Баженовъ отрицаетъ галлюцинаціи у Гоголя, г. Чижевскій склоненъ ихъ признавать; мнѣ кажется, что вопросъ о галлюцинаціяхъ, вообще, слѣдуетъ оставить открытымъ за неимѣніемъ доказательствъ; въ частности, на вопросъ, не служили ли галлюцинаціи матеріаломъ, изъ котораго Гоголь строилъ ложныя заключенія, нужно отвѣтить отрицательно; указаній на это нѣтъ. Напротивъ, для происхожденія религіознаго мистицизма въ Гоголѣ мы имѣемъ достаточно другихъ, вполне естественныхъ причинъ.

Зная складъ личности великаго писателя, легко было ожидать, что первоначальныя религіозно-мистическія наклонности, существовавшія раньше въ видѣ задатковъ, съ теченіемъ времени разовьются въ широкую систему. Прежде всего, Гоголь былъ религіозенъ, слѣдовательно, имѣлъ сферу, которая немислима безъ понятій неизвѣстнаго и сверхчувственнаго; слѣдя за его развитіемъ, мы не можемъ замѣтить ни одного момента, когда его религіозность колебалась; напротивъ, она идетъ, постоянно прогрессируя; глубокая, безусловная и постоянная вѣра—необходимое свойство мистическаго ума; эта особенность у Гоголя была въ его религіозности. Далѣе. Мистическія истины не нуждаются въ методахъ научнаго характера; глубокая вѣра освобождаетъ отъ этого; мистикъ увѣренъ, что скрытый идеалъ можно обнаружить вездѣ, нужно умѣть лишь въ него проникнуть.

Мы не разъ уже указывали на эту особенность въ міровоззрѣніи Гоголя; онъ нашелъ себѣ идеаль въ высокихъ достоинствахъ русской природы; чтобы приблизиться къ нему, онъ выбралъ методъ, приведшій его «ко Христу»; научныхъ гипотезъ онъ не строитъ, даже относится къ нимъ съ крайнимъ недовѣріемъ: «Оглянешься: на мѣсто одного—другое: сегодня гегелисты, завтра шеллентисты, потомъ опять какіе-либо исты», пишетъ онъ въ 1843 году. И, замѣчательно, эта черта, какъ и религіозность, идетъ crescendo: въ началѣ 1837 г. ему «опротивѣло даже слово политика», «жизнь политическая», когда «о дѣлахъ Испаніи каждый знаетъ больше, чѣмъ о своихъ собственныхъ»; въ 1844 г. онъ пишетъ Анненкову (10/v), что «всякихъ мнѣній о нашемъ вѣкѣ и нашемъ времени я терпѣть не могу»; а въ 1847 году, въ непосланномъ отвѣтѣ Бѣлинскому онъ свой индивидуализмъ ставитъ въ принципъ: «тотъ выѣзжаетъ на однихъ началахъ, другой на другихъ, одинъ суетъ тотъ проектъ, другой опять иной»... Въмѣсто научныхъ гипотезъ Гоголь руководится логикой чувства и символизмомъ; примѣровъ того и другого въ жизни Гоголя мы имѣемъ болѣе, чѣмъ достаточно.

Я не могу себѣ составить яснаго понятія, почему два психіатра, д-ра Баженовъ и Чижъ, оба отрицаютъ въ Гоголѣ настолько ясно выраженный мистицизмъ; оба они ссылаются на французскаго критика Вогюэ, не нашедшаго въ Гоголѣ мистицизма. При всемъ уваженіи къ извѣстному критику, въ данномъ вопросѣ онъ далеко не авторитетенъ. Гораздо авторитетнѣе С. Т. Аксаковъ, упрекавшій своего друга въ мистицизмѣ. Я вообще избѣгаю руководствоваться въ вопросѣ о душевномъ здоровьи Гоголя взглядами его современниковъ, но здѣсь не могу не указать на одно обстоятельство: мнѣніе С. Т. Аксакова о душевной болѣзни Гоголя часто цитируется и принимается въ расчетъ, его упреки въ мистицизмѣ—напротивъ; казалось бы совсѣмъ наоборотъ; вѣдь въ вопросѣ о мистицизмѣ С. Т. гораздо компетентнѣе, чѣмъ въ діагнозѣ душевной болѣзни. Г. Чижъ, говоря о мистицизмѣ Гоголя, ограничивается его отрицаніемъ: «Много писали о мистицизмѣ Гоголя, утверждали, что мистицизмъ отвлекъ его отъ художественной дѣятельности, хотя такъ ясно, что Гоголь мистикомъ никогда не былъ, и для Вогюэ не могло быть сомнѣнія въ несправедливости такого мнѣнія. Дѣйствительно, можно лишь удивляться, какъ возникло убѣжденіе въ мисти-

цизмъ Гоголя» ¹⁾. Этой фразы слишкомъ мало для рѣшенія вопроса.

Мистицизмъ Гоголя имѣеть слишкомъ большое значеніе. Не зная его зарожденія, постепеннаго развитія до полной системы и его органической связи съ другими интересами Гоголя, съ другими сторонами его психики, трудно понять личность великаго писателя въ надлежащемъ свѣтѣ. Только въ связи съ нимъ мы можемъ понять многія обстоятельства въ жизни Гоголя за послѣднія 10—15 лѣтъ.

Мнѣ уже не разъ приходилось указывать на особый слогъ въ перепискѣ Гоголя. Своеобразный слогъ—очень характерный внѣшній признакъ мистицизма. Гоголь не былъ исключеніемъ изъ этого правила. Метафорическій напыщенный слогъ его писемъ за вторую половину жизни часто вводилъ въ сомнѣнія. Такія фразы изъ письма арх. Иннокентію (22/v 1842), какъ: «Силою вашего же благословенія благословляю васъ! Неослабно и твердо протекайте пастырскій путь вашъ... Я слышу въ себѣ, что ждетъ насъ многозначительное свиданіе» и т. д., г. Чижъ считаетъ за идеи величія; «небесныя минуты» въ письмѣ Жуковскому (16/iii 1847) и «чудныя явленія» въ Римѣ по письму Данилевскому (7/viii 1841) — за галлюцинаціи ²⁾. Какъ у всякаго мистика, слогъ Гоголя временами достигалъ до неясности и непонятности, до «разгула мистицизма», какъ выражается Шенрокъ. Очень часто символическое мышленіе приводитъ къ чрезмѣрному злоупотребленію аналогіей, метафорамъ; разница между фигуральнымъ и буквальнымъ исчезаетъ и въ концѣ-концовъ получается мистицизмъ буквъ, чиселъ и т. д. Мистицизмъ Гоголя до такой степени не доходилъ, но и онъ беспокоился, «что въ одной молитвѣ изъ тѣхъ, которыя вамъ далъ, пропущена одна строчка»... (Голстому іюнь 1846 г.) Конечно, на основаніи такихъ фразъ нельзя признавать религіозность Гоголя не истинной, какъ это дѣлаетъ г. Чижъ ³⁾.

Слогъ—лишь внѣшній признакъ. Подъ вліяніемъ мистицизма измѣняется общество Гоголя; онъ окружаетъ себя такими лицами, какъ Толстые, Віельгорскіе. Мистически-религіозное направленіе

1) В. Чижъ «В. Ф. и Пс.», кн. 67, стр. 266.

2) „В. Ф. и Пс.“, кн. 70, стр. 769 и 793.

3) Іб., стр. 780.

проникаетъ въ его воззрѣнія на литературу вообще и собственное творчество въ частности. Объ этомъ предметѣ такъ много писали, что нѣтъ необходимости останавливаться еще разъ; достаточно указать на «Выбранныя мѣста» — письмо VII: «Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ», письмо XIV: «О театрѣ» (мѣсто о Пушкинѣ), письмо XV: «Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время». Особенно типично для мистически-символическаго метода, которымъ шель Гоголь, письмо XXXI о существѣ русской поэзии, гдѣ Гоголь между прочимъ говоритъ: «Какъ только кто-нибудь изъ нихъ (нашихъ поэтовъ), упустивъ изъ виду свое главное поприще и назначеніе, бросался за другое или же опускался въ нашъ омутъ свѣтскихъ отношеній, гдѣ не слѣдуетъ ему быть и гдѣ нѣтъ мѣста для поэта, внезапная насильственная смерть вырывала его вдругъ изъ нашей среды. Три первостепенныхъ поэта: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣхъ, похищены насильственною смертью». Самая дѣйствительность въ глазахъ Гоголя получала особое освѣщеніе. Въ немъ растетъ убѣжденіе, что переживаемая имъ эпоха представляетъ нѣчто особенное, переходное время какъ для него лично, такъ и для другихъ.

Правда, слѣдя за подобными мѣстами въ письмахъ Гоголя ¹⁾, почти всегда можно уловить частные мотивы жалобъ и указаній на «переходное» время. Чаше всего указанія эти относятся къ той «внутренней ломкѣ», которую переживалъ Гоголь въ 1843—1846 гг., когда онъ пытался и собственнымъ творчествомъ и творчествомъ своего любимца Языкова дать «бодрящую мысль» людямъ, разрѣшалъ вопросы о значеніи лиризма, и оцѣнялъ дѣйствительность сообразно съ этимъ; «теперь сатира не подѣйствуетъ и не будетъ мѣтка», писалъ онъ по этому поводу Языкову (26/xii 1844). Болѣе позднѣйшія указанія на «переходное» время относятся къ оцѣнкѣ Гоголемъ происшествій, подобныхъ парижскимъ 48-го г. (Данилевскому 24/ix 1848); мы знаемъ, какъ относился Гоголь къ европейской «цивилизациі»: «и фаланстерамъ, и краснымъ и всякимъ» съ ихъ «разрушительными началами» (Бѣлинскому 10/viii 1847). Но и независимо отъ частныхъ моти-

¹⁾ См. Смирновой 20/iv 1844, Языкову 26/xii 1844, Смирновой 11/v 1845, Толстому 2/i 1846, Жуковскому 16/iii 1846 и 10/viii 1846, Смирновой 15/x 1846, Плетневу 5/i 1847, Данилевскому 24/ix 1848, о. Матвѣю 9/xi 1848, Жуковскому 3/iv 1849.

вовъ, подобныя указанія на «переходное» время вполнѣ сходятся съ психологіей мистика, для котораго всѣ воспріятія, все окружающее—пустая видимость, самое большее—знаки, указывающіе на истинную реальность, часто скрывающіе ее. Нужно помнить общее направленіе Гоголя и частные мотивы, лежащіе въ основѣ своеобразныхъ взглядовъ на окружающее, и, наконецъ, *façon de parler* мистика, чтобы указанія на «переходное» время не считать бредовымъ толкованіемъ дѣйствительности ¹⁾.

Наконецъ, съ религіозно-мистическимъ направленіемъ связана эпоха въ началѣ 40-хъ годовъ, когда Гоголь усиленно занялъ своимъ душевнымъ воспитаніемъ, внутреннимъ совершенствомъ. Въ это время званіе монаха онъ считаетъ высшимъ удѣломъ на свѣтѣ (Языкову 10/II 1842); «грѣховъ, указаніе грѣховъ желаетъ и жаждетъ теперь душа» его (Жуковскому 20/VII 1842). Своему любимцу Языкову онъ пишетъ цѣлую программу душевнаго воспитанія (4/XI 1843). Мы уже указывали, насколько психологія этого письма сходна съ психологіей мистицизма; какъ истинный мистикъ, Гоголь здѣсь дважды противопоставляетъ свою теорію объясненіямъ «естествоиспытателей»; по его мнѣнію, желаніе воплотить идею не нуждается въ томъ, чтобы «одна нерва толкнула другую». Гоголь вполнѣ послѣдователенъ, когда неоднократно указывалъ, что его внутреннее воспитаніе необходимо для «Мертвыхъ душъ». Дѣйствительно, какъ планъ представить «высокое достоинство русской природы», такъ и стремленіе къ собственному совершенству выходили изъ одной основы: какъ всякій мистикъ, въ своемъ воображеніи Гоголь стремился воплотить идеаль въ нѣчто осязаемое, открыть идею, скрывающуюся отъ того, кто не умѣетъ въ нее проникнуть.

Мы такъ привыкли обвинять мистицизмъ, что даже игнорируемъ его хорошія стороны. Обыкновенно выпускаютъ стремленіе Гоголя къ «внутреннему совершенству», какъ будто бы оно явилось безъ всякихъ предыдущихъ условій и осталось совершенно безрезультатнымъ. А между тѣмъ эта эпоха очень интересна, какъ для пониманія самаго мистицизма, такъ и для уясненія личности Гоголя. Мы видѣли, что изъ Яновщины онъ вынесъ очень невысокую мораль; она долго давала себя знать и такъ

¹⁾ Г. Чижъ находитъ у Гоголя, какъ душевнобольного, неправильное пониманіе дѣйствительности (см. „В. Ф. и Пс.“, кн. 70, стр. 781—782).

ясно выразилась въ несчастной профессурѣ Гоголя. Г. Чижъ объяснилъ эту мораль даже какъ признакъ патологической организаціи; по его мнѣнію, Гоголь «не могъ любить людей, не могъ любить оскорбленныхъ и униженныхъ» ¹⁾; по мнѣнію г. Чижа, можно лишь удивляться злобности, съ которой Гоголь ругаетъ Погодина, «точно чушка, которая не даетъ... порядочному чловѣку; какъ только завидитъ, что онъ присѣлъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ, она суетъ подъ самую... свою морду, чтобы схватить первое..... ²⁾».

Дѣйствительно ли это качество было присуще Гоголю, какъ признакъ слабой нравственной организаціи? Дѣйствительно ли Гоголь имѣетъ дефектъ въ нравственной сферѣ, или его нравственность, какъ и вообще, стояла въ связи съ общимъ развитіемъ? Изъ числа лицъ, встрѣчавшихся Гоголю въ жизни, безъ сомнѣнія были незначительныя личности, ограниченныя, забытыя. По свидѣтельству Шенрока, Гоголь вообще имѣлъ склонность вышучивать такихъ людей, изводить ихъ своими насмѣшками, часто злыми. Въ лицѣ мишенью его остротъ служили нѣкоторые товарищи, стоящіе ниже его по развитію. Въ позднѣйшее время изъ лицъ, особенно терпѣвшихъ отъ насмѣшекъ Гоголя, извѣстна Магдалина Александровна Власова, «женщина очень ограниченная, но очень добрая и сердечная» по характеристикѣ Шенрока ³⁾; это была сестра Зинаиды Волконской, съ которою Н. В. часто встрѣчался, будучи за границей. Подобное поведеніе Гоголя, конечно, вооружало многихъ противъ него. По свидѣтельству его товарища Любича-Романовича ⁴⁾, въ лицѣ Гоголь пользовался прямо нелюбовью со стороны товарищей до такой степени, что въ послѣдствіи его товарищи долго не могли вѣрить, чтобы ихъ Яновскій, «похожій на пиголицу, съ длиннымъ тонкимъ носомъ, изъ котораго что-то сочилось» могъ сдѣлаться знаменитымъ писателемъ. Можно, конечно, не вполне довѣрять воспоминаніямъ Любича-Романовича (тѣмъ болѣе, что онъ иные общеизвѣстные факты біографіи Гоголя передаетъ невѣрно), но во всякомъ случаѣ, въ его сообщеніяхъ есть своя доля правды.

¹⁾ „В. Ф. и Пс.“, кн. 69, стр. 670.

²⁾ *Иб.*, кн. 70, стр. 774.

³⁾ Матеріалы, т. III, стр. 20. Повидимому, М. Власова была не совсѣмъ нормальна психически.

⁴⁾ „Истор. Вѣстникъ“ 1902 года.

Мнѣ кажется, достаточно вспомнить нѣкоторые факты изъ жизни Гоголя, чтобы отказаться отъ подозрѣнія нравственнаго дефекта. «Я провожу теперь безсонныя ночи,—пишетъ Гоголь Балабиной (30/IV 1839),—у одра больного, умирающаго моего друга Иосифа Вѣльгорскаго... и не спасутъ его ни молодая лѣта, ни право на жизнь, безъ сомнѣнія, прекрасную и полезную! Я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его. Его улыбка, или на мгновеніе развеселившійся видъ уже для меня эпоха, уже происшествіе въ моемъ однообразно проходящемъ днѣ». «Ночи на виллѣ», я думаю, не говорятъ за то, что Гоголь «не могъ любить людей» ¹⁾.

Было бы большою неточностью думать, что мистически-религіозныя идеи—не что иное какъ бредъ душевнобольнаго, связанный съ пониженіемъ чувствованій и, вообще, съ дефектомъ въ сферѣ нравственныхъ чувствъ, какъ полагаетъ г. Чижъ, разбирая отношеніе Гоголя къ смерти Языкова ²⁾. Къ судьбѣ Вѣльгорскаго Гоголь относится также мистически, какъ и къ смерти Языкова. «Клянусь,—продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ Балабиной,—непостижимо странна судьба всего хорошаго у насъ въ Россіи. Едва только оно успѣетъ показаться—и тотъ же часъ смерть! безжалостная, неумолимая смерть! Я ни во что теперь не вѣрю, и если встрѣчаю что прекрасное, жмурю глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него мнѣ несетъ запахомъ могилы» ³⁾. И однако это мистическое направленіе не помѣшало Гоголю самоотверженно ухаживать за умирающимъ другомъ въ 1839 году. Нельзя отрицать, что мистическое стремленіе къ внутреннему совершенству, напротивъ, повышало нравственную чуткость Гоголя. Достаточно вспомнить отношенія его къ бѣдствіямъ Иванова, въ которомъ великій писатель видѣлъ мистическій идеаль христіанскаго художника, какъ въ Языковѣ онъ видѣлъ такой же идеаль поэта. «Если бы случилось,—пишетъ Гоголь объ Ивановѣ,—чтобы онъ умеръ отъ бѣдности и недостатка средствъ, вдругъ бы все исполнилось негодованія.. Одинъ только человекъ былъ бы безчестенъ и виноватъ, и этотъ человекъ былъ бы я: я испробовалъ почти то же состояніе, испробовалъ

¹⁾ „В. Ф. и Пс.“, кн. 69, стр. 670.

²⁾ Лб., кн. 70, стр. 789; кн. 71, стр. 47.

³⁾ Письмо I, 605—606. Объ отношеніяхъ Гоголя къ Вѣльгорскому г. Чижъ не пишетъ въ своей работѣ.

его на собственномъ тѣлѣ и не объяснилъ того другимъ. И вотъ почему я теперь пишу къ вамъ». («Выбр. мѣста», письмо XXIII, 1846 года).

Даже отношенія къ Погодину измѣняются съ того времени, когда Гоголь заговорилъ о «внутреннемъ воспитаніи». 12 марта 1844 г. онъ пишетъ С. П. Шевыреву: «Между нами должны быть простыя и жесткія слова, душа моя этого требуетъ. Словомъ, превратитесь въ отношеніи ко мнѣ всѣ въ Погодина и рубите прямо съ плеча, не разбирая, правъ ли я, или виноватъ. Погодинъ оказалъ мнѣ великое благодареніе, и я теперь въ лицѣ насъ всѣхъ приношу ему душевную благодарность». Правда, Гоголь поторопился; Погодинъ вторично и опять безъ согласія автора, напечаталъ портретъ Гоголя въ «Москвитянинѣ». Это уже вывело Гоголя изъ себя; въ письмѣ Языкову (26/x 1844 г.) онъ раздражается негодованіемъ противъ Погодина и журналистовъ вообще и употребляетъ сравненія, очень не лестныя для Погодина; даже въ «Завѣщаніи» Выбр. Мѣсть онъ не забываетъ вторичной обиды. И, несмотря на все это, потомъ дружеская переписка съ Погодинымъ снова возобновляется, а въ письмѣ Плетневу (11/ii 1847 г.) Гоголь называетъ послѣдняго «великодушнымъ». Трудно сказать, что примирило Гоголя: мистическое ли стремленіе къ «нравственному воспитанію», критика ли «Переписки», или еще другія обстоятельства; во всякомъ случаѣ, письма его къ московскимъ друзьямъ въ этотъ періодъ носятъ замѣчательно искренній характеръ, хотя бы извѣстное письмо Аксакову (12/xii 1847 г.), въ которомъ Гоголь такъ искренно характеризуетъ свои отношенія «къ друзьямъ». Надо помнить, что недоразумѣнія и недовольство Гоголя на московскихъ славянофиловъ въ это время еще не кончилось и проявлялось въ послѣдствіи (см. п. Данилевскому 23/x 1848 г.).

Если сравнить приведенные факты съ тѣмъ нравственнымъ обликомъ, въ какомъ является Гоголь вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ, впечатлѣніе получается въ его пользу. Нужно обратить вниманіе, что это измѣненіе наблюдается въ послѣднее пятилѣтіе жизни Гоголя, т.-е. въ тотъ періодъ, когда г. Чиждъ находитъ въ психикѣ Гоголя громадныя слѣды разрушенія; по мнѣнію г. Чижа, Гоголь въ это время потерялъ даже такія чувства, какъ сочувствіе смерти близкихъ (Языкова), удовольствіе и желаніе исполнить давнишнюю мечту съѣздить въ Іерусалимъ

и т. д. «Ослабленіе чувствованій указываетъ на переходъ болѣзни въ заключительный періодъ, указываетъ на начинающійся распадъ душевной жизни», говоритъ г. Чижъ ¹⁾. Въ приведенныхъ фактахъ мы замѣчаемъ противное: и въ отношеніи къ больному, и въ отношеніи къ постороннимъ Гоголь доказываетъ, что «любви у него ²⁾ скорѣе прибавилось, чѣмъ убавилось». Въ 47 г. онъ издаетъ «Ревизора» въ пользу бѣдныхъ; въ томъ же году одинъ вексель на имя Н. В. былъ полученъ какимъ-то другимъ Гоголемъ; по этому поводу Н. В. пишетъ: «Какого-бы рода ни былъ этотъ другой Гоголь, или не-Гоголь, воспользовавшійся деньгами, но онъ, безъ сомнѣнія, былъ человѣкъ безпутный и безденежный, стало быть, и теперь остался безпутнымъ и безденежнымъ; а потому взыскивать пришлось бы ихъ съ несчастной семьи, или родственниковъ, чего Боже сохрани. Жуковского я просилъ разузнать, если можно, но не взыскивать» (Плетневу 22/п 47). Въ концѣ этого года въ Римѣ почтальонъ, повидимому, затерялъ денежный пакетъ; «странная судьба бѣднаго почтальона,— пишетъ Гоголь Иванову (28/xii 47). Жаль что вы не пишете, пострадалъ ли онъ или нѣтъ, т.-е. выгнанъ на улицу, или есть у него какой-нибудь уголъ. Я на всякій случай написалъ письменное изъясненіе, при семъ прилагаемое, которое прошу васъ вручить начальству, если только съ него требуютъ и взыскиваютъ убытки, а онъ невиненъ. Если онъ точно бѣденъ и ему нечѣмъ жить, то возьмите у Моллера изъ моихъ денегъ 100 франковъ. Изъ нихъ дайте себѣ два наполеона, а остальные 60 (фр.) дайте ему, но въ видѣ скудъ, римскою монетою. Напрасно вы дали ему наполеонами. Серебромъ, можетъ быть, онъ бы не потерялъ. Скажите Моллеру, чтобы остальные 600 онъ хранилъ у себя до моего свиданія съ нимъ. Если же такъ случится, что меня гдѣ-нибудь на моемъ странствованіи постигнетъ смерть, что все отъ Божіей воли, то эти деньги пусть остаются въ запасѣ на помощь такому изъ русскихъ художниковъ, которому придется слишкомъ круто и рѣшительно будетъ неоткуда взять денегъ». Въ 1849 г. Н. В. посылаетъ на родину деньги и помощь голодающимъ, въ 1851 г.—тоже; а своимъ сестрамъ ³⁾ пишетъ:

1) „В. Ф. и Пс.“, кн. 70, стр. 789.

2) Шевыреву 25/1 1848. Письма IV, 167.

3) Письмо матери въ концѣ 1847 года. Письма IV, 122—123.

«Глянула ли хоть одна изъ нихъ на то, какъ вообще ведется жизнь на свѣтѣ? Крестьянинъ вырабатываетъ трудомъ и потомъ средства своей жизни, а мы кушаемъ да поджидаемъ гостей, да выдумываемъ, куда бы поѣхать, гдѣ бы лучше поразвлечь себя, и чѣмъ бы именно поразвлечь себя, да почитаемъ пріятную книгу, да зѣваемъ и жалуемся на скуку, тогда какъ нужно дивиться, какъ не задушить и не заѣсть насъ на смерть эта скука. Есть ли хоть тѣнь какого-нибудь исполненія долга во всемъ томъ, что мы дѣлаемъ? (Дальше символическая нотка): Если подвластный созданъ для того, чтобы трудиться для насъ и исполнять наши повелѣнія,—развѣ мы не созданы для того, чтобы обращаться во благо трудъ его и умѣть давать ему повелѣнія, задавать непрерывные вопросы уму нашему, какъ улучшить работу рукъ его и удесятерить плоды отъ работы рукъ его. Развѣ не для того получили мы лучшее предъ нимъ образованіе, чтобы быть ему вожатымъ и привести его къ лучшему».

Мы прослѣдили религіозный мистицизмъ Гоголя по возможности во всѣхъ его главнѣйшихъ проявленіяхъ. Слѣдя за тѣмъ, какъ зарождался онъ, какъ естественно вытекалъ изъ возрѣній Гоголя, если можно такъ выразиться, гносеологическаго характера, какъ въ постепенномъ развитіи онъ выразился въ задачахъ личнаго усовершенствованія и, наконецъ, вошелъ въ органическую связь со всѣмъ міровозрѣніемъ великаго писателя, мы можемъ правильно понять извѣстную фразу Гоголя:

«О себѣ скажу вамъ вообще, что моя природа совсѣмъ не мистическая» (письмо Аксакову 16/v 1844 г.).

Обыкновенно это мѣсто приводятъ какъ доказательство отсутствія мистицизма у Гоголя. По нашему мнѣнію, значеніе этой фразы болѣе глубокое; она намъ выясняетъ, что Н. В. смотрѣлъ на свой мистическій методъ, какъ на нѣчто лежащее внѣ его «природы», вызванное вопросами къ нему внѣшней среды, какъ способъ ориентироваться въ окружающемъ. Слѣдовательно, это—не точка зрѣнія бредовыхъ идей, когда «я» больного является носителемъ истины. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ планъ «Мертвыхъ Душъ»—«громодно-великаго произведенія», имѣющаго цѣлю изобразить великія стороны русской природы,—развѣ желаніе внутренняго воспитанія и совершенства представляетъ бредовую идею, символизмъ больной логики? Конечно, нѣтъ. Каждый имѣетъ право достигать своей цѣли различнымъ путемъ;

Гоголь дошелъ до нея привычнымъ ему методомъ; какъ мистикъ, онъ былъ увѣренъ, что идеаль есть и чтобы проникнуть въ него, не нужно разнаго рода «измовъ», достаточно внутренняго созерцанія; вмѣсто «объясненій естествоиспытателей» достаточно «внутренняго глаза и уха» и т. п. средствъ. Исторія съ «Перепиской», которую мы разберемъ ниже, показываетъ, что для себя Гоголь считалъ свой методъ дѣйствительнымъ; по отношенію къ своей литературной дѣятельности путемъ долгой борьбы и многихъ неудачъ, онъ дошелъ до другого убѣжденія, которое и выразилъ въ 1847 году въ знаменитомъ письмѣ Жуковскому объ искусствѣ: «не мое дѣло поучать проповѣдью. Искусство и безъ того уже поученіе. Мое дѣло говорить *живыми образами*, а не разсужденіями. Я долженъ выставить *жизнь* лицомъ, а не трактовать о жизни. Истина очевидная. Тотъ фактъ, что письмо объ искусствѣ Гоголь хотѣлъ поставить вмѣсто «Завѣщанія», а это послѣднее выбросить ¹⁾, краснорѣчиво подтверждаетъ, что мистицизмъ великаго писателя дѣйствительно не связанъ съ его «природой», какъ связаны бредовыя идеи съ логикой душевнобольнаго.

О другихъ сторонахъ въ мировоззрѣніи Гоголя за послѣдніе 10—15 лѣтъ его жизни нѣтъ необходимости распространяться; онъ настолько ясны, что не возбуждаютъ сомнѣній и споровъ, исключая развѣ индивидуализма въ Гоголевскихъ взглядахъ.

Послѣдняя черта замѣтна очень рано; она ярко выразилась уже въ отношеніяхъ Гоголя къ «Ревизору». Какъ истый индивидуалистъ, Гоголь не хотѣлъ считаться съ тѣмъ, что его великая комедія дорога лишь «для не многихъ»; онъ, какъ и Л. Толстой, стремился къ тому воздѣйствию искусства, которое касается всѣхъ. Въ 1835—36 г. пока слабо намѣчается теоретическая сторона индивидуализма. Съ теченіемъ времени онъ получаетъ извѣстную форму, вводится въ систему. Гоголь идетъ совершенно послѣдовательно: разъ центръ тяжести находится въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, всякія общественныя точки зрѣнія, разнообразныя направленія мысли, различныя партіи порождаютъ только сумбуръ и отклоняютъ отъ настоящаго пониманія истины. Поэтому, уже въ началѣ 1837 года, когда, создавъ обширный планъ «Мертвыхъ Душъ», Гоголь опредѣлилъ социальныя задачи своего творчества,

¹⁾ Письма IV, 141.

онъ отказывается отъ «политики», онъ замыкается отъ той жизни, когда «о дѣлахъ Испаніи больше всякій хлопочеть, чѣмъ о своихъ собственныхъ» и предпочитаетъ жизнь «смирненную художническую» (Прокоповичу 25/1 1837 г.). Позднѣе неоднократно развивается та же мысль: «Оглянешься—уже на мѣсто одного другое: сегодня гегелисты, завтра шеллингисты, потомъ опять какіе-либо *исты*. Что жъ дѣлать? ужъ таково стремленіе общества быть какими-либо *истами*. Человѣчество бѣжитъ опростетью, никто не стоитъ на мѣстѣ; пусть его бѣжитъ; такъ нужно», пишетъ Гоголь Шевыреву (20/x 1843 г.). Въ періодъ созданія «Переписки» эта точка зрѣнія получаетъ окончательную формулировку. По мнѣнію Гоголя, каждый отдѣльный человѣкъ «довлѣетъ себѣ». 10/v 1844 г. онъ пишетъ Анненкову: «Если бы мы всѣ, вмѣсто того, чтобы разсуждать о духѣ времени, взглянули, какъ должно, всякій на самого себя, мы больше бы выиграли. Кромѣ того, что мы узнали бы лучше, что въ насъ самихъ заключено и есть, мы приобрѣли взглядъ яснѣе, многостороннѣе на всѣ вещи вообще и увидѣли бы для себя пути и дороги тамъ, гдѣ грѣховное уныніе все тьмитъ предъ нами... Да, если бы только хорошо освѣтились глаза наши, то мы увидѣли бы, что на всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы ни довелось намъ стоять, при всѣхъ обстоятельствахъ, какихъ бы то ни было, споспѣшествующихъ или поперечныхъ, столько есть дѣлъ въ нашей собственной, въ нашей частной жизни...»

Нѣсколько дальше мы увидимъ, что 1843—1845 гг. составляютъ періодъ, когда создавалась своеобразная философія «Переписки», которая имѣетъ несомнѣнно громадную связь со всѣмъ міровозрѣніемъ Гоголя. По мнѣнію Гоголя, каждый отдѣльный человѣкъ не виноватъ въ томъ, что онъ не исполняетъ того, что ему надлежитъ. Развѣ «виноваты *плохо видящіе* въ томъ, что они плохо видятъ»? спрашиваетъ Гоголя Языкова (5/v 1845 г.) предъ самымъ изданіемъ «Переписки».

Но нигдѣ такъ не выразился индивидуализмъ Гоголя, какъ въ послѣдующей за «Перепиской» исторіи. Ожесточенная причина, особенно беспощадная въ знаменитомъ письмѣ Бѣлинскаго, принудила Гоголя раскрыть теоретическія основы той идеологіи, на которой были построены «Выбранныя мѣста». Не отосланное письмо Бѣлинскому въ этомъ отношеніи чрезвычайно важно; безъ него мы не могли бы составить себѣ яснаго понятія, на-

сколько яркимъ индивидуалистомъ былъ Гоголь по отношенію къ другимъ.

Въ письмѣ Бѣлинскому цѣлая система: «Общество образуется само собою, слагается изъ единицъ. (Надобно, чтобы каждая) единица исполняла должность свою». «Будемъ исполнять свое дѣло честно. Будемъ стараться, чтобы не зарыть въ землю талантовъ. Будемъ отправлять по совѣсти свое ремесло. Тогда все будетъ хорошо, и состояніе общества поправится само собой. Владѣльцы разѣдутся по помѣстьямъ. Чиновники увидятъ, что не нужно жить богато, перестанутъ брать взятки; а честолюбецъ, увидя, что важныя мѣста не награждаютъ ни деньги, (н)и богатымъ жалованьемъ... ¹⁾ «Довольно заботъ намъ и вокругъ себя. Нужно (прежде всего) ихъ исполнить, такъ общество (само) собою пойдетъ хорошо. А если (пренебрежемъ) свои обязанности относительно лицъ (близкихъ и погонимся) за обществомъ, (то запутаемся) ²⁾. Не оттого ли эта склонность (къ роскоши) и чудовищное накопленіе (пороковъ), что мы—«кто въ лѣсъ, кто по дрова»? Одинъ смотритъ въ Англію, другой въ Пруссію, третій во Францію; тотъ выѣзжаетъ на однихъ началахъ, другой на другихъ; одинъ суетъ тотъ проектъ (—другой, третій—) опять иной. Что ни человѣкъ, (то и раз)ныя мысли... (Какъ же не) образоваться посреди (такой разладицы вор)амъ и всевозможнымъ, (плутнямъ и несправе)дливостямъ, когда всякій (видитъ, что вездѣ) завелись препятствія, (всякій) думаетъ только о себѣ и о томъ, какъ бы себѣ запасти потеплѣе квартиру» ³⁾. «Я хотѣлъ только остановить нѣсколько пылкихъ головъ, готовыхъ закружиться и потеряться въ этомъ омутѣ и беспорядкѣ... Я попалъ въ излишества ⁴⁾». «Зачѣмъ же вамъ, вамъ съ вашей пылкою душою, врываться въ этотъ омутъ политической (жизни), въ эти мутныя событія современности, среди котораго и твердая осмотрительность многосторонняго (ума) теряется?» ⁵⁾.

Какъ образовался подобный индивидуализмъ въ Гоголь? Въроятно, тѣмъ же путемъ, какимъ сложились всѣ его убѣжденія; какъ общая подкладка, онъ чрезвычайно близко сходится и съ

¹⁾ Письма IV, 40.

²⁾ ib. 39.

³⁾ Ib. 35.

⁴⁾ Ib. 34.

⁵⁾ Ib. 33.

консервативностью Гоголя и съ его религіозно-мистическими наклонностями. Съ психологической стороны мы знаемъ одну черту въ личности Гоголя, нѣсколько объясняющую намъ происхождение индивидуализма. Гоголь всегда шелъ своимъ путемъ; даже въ школьный періодъ онъ учился плохо не потому, что былъ неспособенъ и не потому что «объективное знаніе было ему не доступно» (какъ полагаетъ г. Чижъ), а просто въ силу своей рѣзко очерченной индивидуальности, не поддающейся такимъ вліяніямъ, какъ «школьныя»; онъ перерабатывалъ всѣ многочисленные вліянія, съ какими сталкивала его жизнь, сообразно своему складу, и всегда оставался самимъ собою; эта черта, конечно, могла отразиться на его возрѣніяхъ: самъ по себѣ представляя рѣзко очерченную индивидуальность, онъ и по отношенію къ другимъ былъ типичнымъ индивидуалистомъ. Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы эта черта была слѣдствіемъ душевной болѣзни; г. Чижъ, останавливаясь на нѣкоторыхъ чертахъ индивидуализма Гоголя, даетъ имъ именно такое объясненіе; нелюбовь Гоголя къ «измамъ» онъ объясняетъ тѣмъ, что Гоголь потерялъ уваженіе къ наукѣ и научной мысли ¹⁾; нерасположеніе Гоголя къ политикѣ—тѣмъ, что болѣзнь лишила Гоголя возможности интересоваться чѣмъ-нибудь, кромѣ собственного здоровья ²⁾; отношеніе къ критикѣ «Ревизора» — непониманіемъ Гоголя собственныхъ произведеній ³⁾ и т. д. Всѣ эти объясненія возможны только при игнорированіи общей картины психологіи Гоголя, его мировозрѣнія вообще.

Консерватизмъ и славянофильскія симпатіи преобладаютъ въ общественныхъ взглядахъ Гоголя за вторую половину его жизни. Въ началѣ 30-хъ годовъ подъ вліяніемъ Пушкинскаго кружка благонамѣренность Гоголя испытывала колебанія. Это была наиболѣе свѣтлая эпоха въ жизни великаго сатирика, но и въ то время Гоголь уже былъ знакомъ съ Москвою; близость его къ московской партіи была очень значительна и сыграла большую роль въ 1836 — 37 годахъ, когда у Гоголя впервые является идея изобразить всю природу рускаго человѣка съ ея дурными и хорошими сторонами. Къ сожалѣнію, въ этотъ

1) «В. Ф. и Пс.», кн. 70, стр. 775.

2) Ib. кн. 68, стр. 449

3) Ib. кн. 68, стр. 442.

періодъ развитія Гоголя, вліяніе Пушкина ослабѣло; можно думать, что Пушкинъ, занятый домашними дѣлами, не могъ поддержать своего молодого друга въ тотъ переходный періодъ, когда передъ авторомъ «Ревизора» властно встали неотразимые вопросы творческаго самосознанія, когда Гоголь, по его выраженію, бросаетъ «все» и уѣзжаетъ за границу. Планъ «Мертвыхъ Душъ» составляетъ уже подъ другимъ угломъ зрѣнія; большое значеніе, на ряду съ Пушкинскими завѣтами, получаютъ московскія вліянія. Подолгу живя за границей, Гоголь продолжаетъ слѣдить за русской жизнью, но авторитетнаго голоса уже нѣтъ; во время поѣздокъ въ Россію Гоголь проводитъ время главнымъ образомъ среди московскихъ знакомыхъ. Ихъ ревниво оберегаемая возрѣнія близко подходятъ къ старымъ впечатлѣніямъ, полученнымъ Гоголемъ еще въ Яновщинѣ; неудивительно, что мало знающій, недисциплинированный умъ Гоголя замыкается въ узкомъ индивидуализмѣ отъ новыхъ теченій въ русской жизни и болѣе и болѣе проникается славянофильскими симпатіями.

Уже въ 1841 году Гоголь радуется, что К. С. Аксаковъ пробирается «на русскую дорогу»: нѣмецкая философія—только лѣсъ при строящемся зданіи. «Вы напрасно извиняетесь въ письмѣ, что заикнулись про нѣмецкую философію», пишетъ Гоголь. «Опасаясь только того, чтобы вы не вдались односторонне въ нее, какъ въ науку, для нея же самой я радовался, между прочимъ, внутренно при мысли, что вы сами собой проберетесь на русскую дорогу, ее употребите, какъ лѣсъ, для поднятія себя на извѣстную вышину, съ которой можно начать зданіе» ¹⁾. Всего яснѣе выступаютъ славянофильскія симпатіи во второй половинѣ 40-хъ годовъ, когда «Переписка», оживленная полемика по поводу ея и «Авторская Исповѣдь» заставили Гоголя подробнѣе касаться теоретической стороны своихъ убѣжденій. Въ это время можно найти въ письмахъ Гоголя почти всѣ главные тезисы славянофильства.

Въ русской природѣ онъ находитъ нѣчто особенное. «Но есть въ нашей природѣ то, что намъ пророчить это. Уже самое неустройство наше намъ это пророчить. Мы еще растопленный металлъ, не отлившійся въ свою національную форму; еще намъ

¹⁾ Письма II, 103.

возможно выбросить, оттолкнуть отъ себя намъ неприличное и внести въ себя все, что уже невозможно другимъ народамъ, получившимъ форму и закалившимся въ ней». (Выбр. мѣста, письмо XXXII). Въ письмѣ къ А. М. Вѣльгорской (30/ш 1849 г.), выясняя *народность* и *національность* ¹⁾, Гоголь пишетъ: «Высокое достоинство русской природы состоитъ въ томъ, что она способна глубже, чѣмъ другія, принять на себя высокое слово евангелическое, возводящее къ совершенству человѣка».

Мы уже имѣли случай касаться того, какъ открещивался Гоголь отъ всего иноземнаго, якобы несогласнаго съ устоями Россіи. Достаточно вспомнить, какъ онъ писалъ Бѣлинскому о «европейской цивилизаціи», о «фаланстьерахъ, и красныхъ, и всякихъ», какъ отозвался о парижскихъ происшествіяхъ 48 года («совершенное разложеніе общества»!). «Страхи и ужасы Россіи». (Выбр. мѣста, п. XXVI) слабѣютъ въ сравненіи съ гнилымъ Западомъ: «Въ Европѣ завариваются теперь повсюду такія сумятицы, что и не поможетъ никакое человѣческое средство, когда онѣ вскроются, и передъ ними будетъ ничтожная вещь тѣ страхи, которые намъ видятся теперь въ Россіи». Гоголь боится, «что черезъ нашу деревеньку хотятъ пролагать дорогу... Всякая проѣзжая сволочь будетъ подушать и развращать мужиковъ, которые, слава Богу, до сихъ поръ все еще нравственнѣй другихъ» ²⁾.

Гоголю рисуется другая картина: русская деревня съ грамотностью, но безъ «развращенія, подъ управленіемъ помѣщика, получившаго университетское образованіе» ³⁾. Славянофильскіе идеалы рисуютъ ему такую идиллію. «Какъ сдѣлать, чтобъ гражданскому закону отдано было дѣйствительно только то, что должно принадлежать гражданскому закону; чтобы обычаямъ возвращено было то, что должно оставаться во власти обычаевъ, и чтобы за Церковью вновь было утверждено то, что должно вѣчно принадлежать Церкви? Словомъ, какъ возвратить все на свое мѣсто? Въ Европѣ сдѣлать этого невозможно: она изольется кровью, изнеможетъ въ напрасныхъ бореньяхъ и ничего не успѣетъ. Въ Россіи есть возможность; въ Россіи можетъ это

¹⁾ Ib. IV, 239. Курсивъ подлинника. .

²⁾ Письма IV, 320.

³⁾ Ib. 38. Изъ неотосланнаго письма Бѣлинскому.

нечувствительно совершиться—не какими-нибудь нововведеніями, переворотами и реформами и даже не засѣданіями, не комитетами, не преньями и не журнальными толками и болтовней; въ Россіи можетъ этому дать начало всякій генераль-губернаторъ ввѣренной его управленію области, и какъ просто!—ничѣмъ другимъ, какъ только собственной жизнью своей» (Выбр. мѣста, п. XXVIII).

Въ этомъ мѣстѣ проглядываетъ уже не одно славянофильство; здѣсь вся «шуйца» Гоголя; и индивидуализмъ, и религиозное мистическое направленіе и благонамѣренность соединились съ славянофильствомъ, чтобы произвести своеобразную идеологию «Переписки». Неудивительно, что С. Т. Аксаковъ разсорился съ своимъ младшимъ сыномъ (Иваномъ Сергѣевичемъ) изъ-за «Переписки»; неудивительно, что Погодинъ хохоталъ, читая въ ней нѣкоторыя мѣста. Своенравный ученикъ славянофиловъ не оправдалъ надеждъ учителей; онъ и здѣсь пошелъ, какъ всегда, своимъ путемъ. Бѣлинскій былъ правъ, когда писалъ о приѣмѣ славянофилами «Переписки»: «они... трусы, люди не консеквентные, боящіеся крайнихъ выводовъ собственнаго ученія, а онъ (т. е. Гоголь) человѣкъ храбрый, которому нечего терять»... ¹⁾

Гоголь былъ «человѣкъ храбрый», потому что онъ шелъ своимъ путемъ; симпатіи къ славянофильству не мѣшали ему видѣть недостатки «московскихъ друзей», такъ ревниво относившихся къ нему; не даромъ онъ смѣялся надъ бороδοю и кафтаномъ К. С. Аксакова ²⁾ и убѣдительно просилъ не носить ихъ ³⁾; не даромъ въ «Спорахъ» (Выбр. мѣста, п. XI) онъ находилъ у славянофиловъ и восточниковъ «правды больше», но зато и «кичливости больше; они «хвастуны»; не даромъ «дружескія» отношенія Гоголя къ москвичамъ носятъ въ себѣ много недоговореннаго, имѣютъ неопредѣленный характеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Г. Трошинъ.

1) Бѣлинскій II, стр. 271. Цит. по Барсукову.

2) Письма II, 214.

3) Ib. IV, 148.

Письма по философіи естествознанія.

Письмо II.

О возможномъ вліяніи математическихъ методовъ на черты научнаго міропониманія.

(Посвящаю памяти моего учителя Н. В. Бугаева.)

I.

Когда какая-нибудь эпоха, какой-нибудь народъ, какая-нибудь отдѣльная личность воспринимаетъ что-нибудь, они обыкновенно воспринимаютъ это *что-нибудь* «подъ видомъ» идей, уже раньше сдѣлавшихся имъ свойственными. Воспринимающій субъектъ есть нѣчто *цѣлое*; тысяча нитей сплетаются въ немъ, отвѣчая своими дрожаніями на колебаніе одной изъ нихъ:

Вѣдь можно фабрику идей
Сравнить съ работою ткачей:
Одинъ ударъ всю ткань сплетаетъ,
Туда, сюда снуетъ челнокъ,
И каждый мастера толчокъ
Сто нитей разомъ потрясаетъ.

(*Фаустъ*).

Постоянно существуетъ фондъ, обусловливающій собою своеобразную окраску cadaго вновь привходящаго элемента. Это— какъ бы фонарь, всегда съ опредѣленной стороны бросающій свѣтъ на новаго пришельца: пришелецъ кажется такимъ-то, потому что рельефъ *опредѣленной стороны* его бросается намъ въ глаза; онъ показался бы другимъ, если бы перемѣнилось положеніе источника свѣта и зрительнаго органа. Такъ въ святочныхъ гаданіяхъ кусокъ вылитаго воска представляется то гро-

бомъ, то рыцаремъ на конѣ, то брачнымъ вѣнцомъ. Это—одна изъ общеизвѣстнѣйшихъ истинъ; отношенія, про которыя говоритъ она, имѣютъ множество именъ: «уголь зрѣнія», «традици», «предубѣжденія», «предразсудки», «предвзятія теоріи», «аперципирующая масса»—все разные символы для обозначенія одной и той же вещи.—Своеобразную иллюстрацію указываемаго отношенія между «субъектомъ» и «объектомъ» употребилъ Н. А. Умовъ. Онъ говоритъ ¹⁾: «Явленія, силы міра, прежде чѣмъ дойти до нашего сознанія, просѣиваются, такъ сказать, чрезъ сито, представляемое нашимъ организмомъ, устройствомъ нашихъ органовъ чувствъ».

Но кромѣ этого сита, которое мы носимъ, какъ улитка носитъ свой домъ, есть вѣдь еще и множество другихъ, которыя различны у людей разныхъ профессій, состояній, различны у одного и того же индивидуума въ разное время жизни и чуть ли не въ разные часы дня. Наиболѣе гигантское изъ такихъ не безусловно обязательныхъ ситъ—это то, что называется «научнымъ міровоззрѣніемъ». Я не буду останавливаться на анализѣ его; мнѣ достаточно указать на замѣчательную, возбудившую заслуженное вниманіе статью В. И. Вернадскаго: «О научномъ міровоззрѣніи» («Вопросы философіи и психологіи», 1903). Отмѣчу лишь, какимъ внезапнымъ перемѣнамъ можетъ подвергаться частота этого сита, и иллюстрирую это указаніе примѣромъ гипнотическихъ явленій, которые за 30—40 лѣтъ передъ симъ застревали въ петляхъ этого сита—были объявляемы и объясняемы обманомъ—а теперь свободно просѣиваются. (Невольнo навязывается сравненіе съ отношеніемъ сегодня признаваемаго научнаго міровоззрѣнія къ такъ называемымъ (Круксъ) «проявленіямъ психической силы».)

А само «научное міровоззрѣніе» не распадается ли на тысячу отдѣльныхъ ситъ, раздѣляющихъ между собою трудъ просѣиванія,—нерѣдко видоизмѣняющихся отдѣльно и довольно независимо другъ отъ друга? Не является ли такимъ ситомъ каждая отдѣльно взятая научная теорія? не даромъ иногда случается, что факты бывають подгоняемы къ теоріи, а не теорія къ фактамъ! Подобный образъ дѣйствія подвергается, какъ извѣстно, строгому осужденію; но—любопытно замѣтить—лишь въ томъ

¹⁾ Въ предисловіи къ книгѣ Пуанкаре: „Наука и Гипотеза“.

случаѣ, если фаворъ относится къ сити не слишкомъ високаго ранга. Чѣмъ выше его рангъ, чѣмъ обширнѣе область, на которую распространяется его примѣнимость, тѣмъ бережнѣе къ нему относятся. А наиболѣе високо на іерархической лѣстницѣ стоящее сито—«научное міровоззрѣніе»—есть уже своего рода деспотъ, временами налагающій на факты тяжелую десницу.

Но не мудрено, что это такъ! Вѣдь научное міровоззрѣніе—едва ли не та же наука, лишь иначе названная; что же должно представляться болѣе вреднымъ для ближайшихъ (по крайней мѣрѣ) видовъ человѣчества: поколебать все зданіе науки или затереть нѣсколько фактовъ? Тогда какъ если дѣло идетъ о судьбѣ одной изъ частныхъ теорій, то за нее обыкновенно не очень стоятъ. Частныя теоріи не представляютъ собою рѣдкаго товара. Не даромъ зачастую существуетъ цѣлая серія различныхъ частныхъ теорій для объясненія одной и той же группы фактовъ. Выбросимъ одну за бортъ—другая всегда найдется.

Въ этомъ слабость частныхъ теорій, но въ этомъ же ихъ и преимущество. Здѣсь истина явно бываетъ «многократна» или «многозначна»; мы можемъ становиться то на одну точку зрѣнія, то на противоположную; одинъ предразсудокъ нейтрализуется другимъ, противоположнымъ; изъ соединенія, столкновенія противоположныхъ воззрѣній возникаетъ истина высшаго порядка; тезисъ и антитезисъ, положеніе и противоположеніе, совокупляясь, приближаютъ насъ къ синтезу.

Изъ этого должно быть видно, какъ важно своевременно отвергнуть извѣстную теорію, создавъ противоположную, чтобы тѣмъ самымъ перейти отъ рабства къ свободѣ—какъ удачно выразился Пуанкаре ¹⁾: «Допустивъ предвзятая идеи, вполнѣ сознаваемые нами, мы едва ли усилимъ зло; онѣ скорѣе будутъ служить другъ другу противовѣсомъ, — такъ сказать, противоидіемъ; онѣ вообще будутъ плохо уживаться другъ съ другомъ; однѣ изъ нихъ окажутся въ противорѣчій съ другими, и такимъ образомъ мы будемъ вынуждены разсматривать дѣло съ различныхъ точекъ зрѣнія. Этого достаточно для нашего освобожденія: кто можетъ выбирать себѣ господина, тотъ пересталъ быть рабомъ».

¹⁾ Наука и Гипотеза. Перев. А. Бачинскаго, Н. Соловьѣва и Р. Соловьѣва. М. 1904.

Итакъ, въ сущности, столь чтимая (и заслуженно чтимая) борьба противъ предрасудковъ сводится лишь къ изобрѣтенію новыхъ предрасудковъ, имѣющихъ ту же область вліянія, что и старыя, и поэтому конкурирующихъ съ старыми. Какъ конкуренція нѣсколькихъ производителей въ экономической области ведетъ къ эмансипаціи потребителя, такъ конкуренція теорій въ области идеологіи содѣйствуетъ освобожденію мыслящаго духа.

Послѣ этого вступленія мнѣ предстоитъ повести рѣчь объ одномъ величавомъ и величественномъ предрасудкѣ, который уже нѣсколько столѣтій почти неограниченно властвуетъ надъ чловѣческими умами и для котораго лишь въ послѣднее время стали находиться отдѣльные противоборствующие ему Белерофонты.

II.

Одинъ смѣлый умъ сказалъ: «Всякая наука является лишь постольку наукой, поскольку она содержитъ въ себѣ математику». Мы не будемъ останавливаться долго на разсмотрѣніи того, вѣрно ли, или насколько вѣрно это утвержденіе; ограничимся однимъ указаніемъ на нѣкоторыя безспорныя положенія, изъ которыхъ читатель, быть можетъ, сдѣлаетъ выводъ, какой ему покажется естественнымъ. Вотъ эти положенія:

1. Наука стремится въ своихъ выводахъ къ точности и опредѣленности.

2. Орудіемъ точности и опредѣленности является число и мѣра.

3. Математика есть наука о числѣ и мѣрѣ.

Во всякомъ случаѣ, историческое разсмотрѣніе дѣла позволяетъ установить: 1) что отдѣльныя отрасли такъ называемаго научнаго знанія всегда стремились напитаться математическими методами; 2) что тѣ изъ нихъ, на долю которыхъ выпало особенно интимное родство съ математикой, нерѣдко были обусловлены въ самомъ своемъ развитіи современнымъ развитіемъ математическаго мышленія. Первый изъ этихъ фактовъ общеизвѣстенъ: ограничиваясь ближайшимъ къ намъ временемъ, достаточно вспомнить труды Кетле, Гербарта, Джевонса, Пирсона и его школы. Что касается втораго пункта, то на немъ мы остановимся гораздо подробнѣе.

Изъ исторіи математики извѣстно, до какой степени назрѣла

потребность въ методѣ бесконечно-малыхъ въ концѣ XVII вѣка. Явилась масса теоретическо-практическихъ вопросовъ изъ области математики, механики, физики, которые либо съ чрезвычайнымъ трудомъ разрѣшались, либо вовсе не разрѣшались съ помощью извѣстныхъ тогда методовъ. Различные специальные приемы, нерѣдко поражающіе остроуміемъ, придуманные Кеплеромъ (1615), Кавальери (1635), де-Сень-Венсаномъ (1647), Ферма, Робервалемъ, Барроу, Уоллисомъ (1656), Паскалемъ (1658), служили лишь какъ бы предтечами или несовершеннымъ отраженіемъ имѣющаго явиться универсальнаго откровенія. Такимъ откровеніемъ стало дифференціальное и интегральное исчисленіе Лейбница (1684—1686), совпадающее по идеѣ съ методомъ флюкцій Ньютона.

Послѣдующее за этимъ время—цѣлыхъ полтора столѣтія—было какъ бы оргіей анализа бесконечно-малыхъ. Между прочимъ подверглись бурному прогрессу механика и астрономія, которая въ теченіе одного времени почти совпадала съ тѣмъ, что называютъ теперь «небесной механикой». Взглядъ на устройство вселенной, подъ вліяніемъ развитія анализа бесконечно-малыхъ и механики, радикально преобразовался. Казалось, что послѣднія тайны космогоніи раскрыты, и Пьеръ-Симонъ Лапласъ уже не имѣлъ нужды въ гипотезѣ Бога при построеніи своей теоріи мірозданія. Съ усовершенствованіемъ механики расцвѣла и теоретическая физика. Трудями Пуассона, Ёнга (Young), Френеля, Фурье, Грина, Гауса, Коши, Ампера были приобрѣтены гигантскіе успѣхи, съ тѣхъ поръ все возрастающіе до сего дня.

Созерцающему этотъ безпримѣрный прогрессъ естественно было думать, что здѣсь мы имѣемъ опредѣлившійся «царскій путь» научнаго развитія: что не только физика, но и другія естественныя науки должны—если онѣ желаютъ преуспѣвать—двигаться аналогичнымъ путемъ. Таково должно было быть вліяніе присущаго человѣческому уму консерватизма, на проявленіяхъ котораго я остановился вначалѣ.

Каковы же были черты, характеризующія этотъ царскій путь? Иными словами, въ чемъ состоитъ сущность опредѣлившаго его собою исчисленія бесконечно-малыхъ?

Исчисленіе бесконечно малыхъ оперируетъ лишь надъ такъ называемыми непрерывными функціями, то-есть надъ функціями, измѣняющимися непрерывно. Въ непрерывности измѣненія функціи

заключается первое и главное условіе возможности приложить къ ея изслѣдованію методы анализа безконечно малыхъ.

Къ условію непрерывности нерѣдко присоединяется еще *условіе однозначности*, заключающееся въ томъ, что всякому значенію аргумента, или перемѣнной независимой, соотвѣтствуетъ одно— и только одно—значеніе функціи.

Благодаря гигантскимъ успѣхамъ теоріи непрерывныхъ функцій и плодотворности примѣненій ея къ вопросамъ механики, астрономіи и физики, которыя однѣ изъ всѣхъ отраслей естествознанія въ короткое время достигли удовлетворяющей умъ степени развитія, въ умахъ многихъ изслѣдователей укоренилось убѣжденіе, что точка зрѣнія *непрерывности* обладаетъ вселенскими свойствами: что она есть единственная, съ какою вообще можно приступить къ успѣшному изученію природы и даже человѣческаго существа.

И конечно не было случайностью, что именно изобрѣтатель дифференціального исчисленія, Лейбницъ, формулировалъ такъ называемый *законъ непрерывности* (*lex continui*), въ силу котораго въ природѣ нѣтъ скачковъ,—нѣтъ безднъ, которыми всѣ вещи и событія расчленились бы на раздѣльныя группы¹⁾. Согласно закону непрерывности, и въ жизни монадъ и въ жизни міра послѣдующія стадіи развитія съ непрерывной постепенностью возникаютъ изъ предыдущихъ, а вся совокупность твореній представляетъ собою лѣстницу непрерывнаго приближенія къ совершенству (см. *Монадологія*, 22, 23, 61, 65, 73 и др.).

Итакъ, со временъ Лейбница мы привыкли строить теорію о мірѣ, созерцая вещи *подъ видомъ непрерывности* (*sub specie continuitatis*). Тѣмъ самымъ возникъ и укрѣпился *идолъ непрерывности*.

III.

Онъ однако не единственный. Благодаря непрерывности, свойственной такъ называемымъ «аналитическимъ» функціямъ, приложеніе ихъ къ истолкованію Природы получило еще рядъ своеобразныхъ оттѣнковъ.

1) Зависимость, въ которой установленіе закона непрерывности находится по отношенію къ физико-математическому мышленію, дѣлается очевидной изъ одного мѣста въ *Новыхъ Опытахъ о человеческомъ разумѣ* (Предисловіе). См. *Избранныя сочиненія Лейбница*, изданныя Моск. Психол. Обществомъ, стр. 200.

Подобно тому, какъ непрерывная функція, рассматриваемая въ качествѣ интеграла, является суммой безчисленнаго множества безконечно малыхъ элементовъ или дифференціаловъ, такъ стали и различныя дѣйствія, наблюдаемая въ природѣ, рассматривать какъ результатъ сложения множества отдѣльныхъ исчезающе-малыхъ дѣйствій.

Познаніе этихъ безконечно малыхъ элементовъ стало даже многими считаться за прогрессъ сравнительно съ знаніемъ суммарной или интегральной картины явленія.

Въ сущности, такая точка зрѣнія можетъ быть принята лишь условно. Тотъ и другой способъ воззрѣнія представляютъ собою лишь модели, равноправныя въ томъ смыслѣ, что источникъ ихъ коренится въ строящемъ ихъ Духѣ, источникѣ истины ¹⁾. Въ смыслѣ математической наглядности и простоты законы суммарные или интегральные обыкновенно заслуживаютъ предпочтенія сравнительно съ законами элементарными или дифференціальными: законъ притяженія Ньютона или Кулона ²⁾ какъ бы «понятнѣе», чѣмъ уравненіе Пуассона ³⁾, хотя второе вытекаетъ и можетъ быть выведено изъ перваго, а первый — изъ втораго. Съ другой стороны, употребленіе законовъ дифференціальныхъ позволяетъ намъ чрезвычайно уменьшить число основныхъ положеній, развитіемъ которыхъ является наука.

Такъ, на примѣръ, Герцъ, поставивъ во главѣ своего изложенія теоріи электричества шесть (въ другой модификаціи — даже два) Максвеловыхъ дифференціальныхъ уравненій, могъ вывести изъ нихъ всю электростатику, электрокинетическую и электрооптику.

Въ исторіи знанія бывали такія эпохи, когда открытію законовъ дифференціальныхъ приписывалась еще особенная цѣнность на томъ основаніи, что, узнавая ихъ, полагали узнать какъ бы нѣкоторыя сокровеннѣйшія пружины мірового механизма: это

¹⁾ См. *Письма по философіи естествознанія, Письмо первое: что такое натуралистическій идеализмъ?* «Вопр. Филос. и Психол.», кн. 70.

²⁾ Выраженный извѣстной формулой $f = \frac{mM}{r^2}$, гдѣ f сила притяженія (отталкиванія), m и M двѣ притягивающіяся (отталкивающіяся) массы, r ихъ разстояніе.

³⁾ А именно $\frac{d^2V}{dx^2} + \frac{d^2V}{dy^2} + \frac{d^2V}{dz^2} = 4\pi\rho$, гдѣ V потенциалъ, являющийся функціей координатъ x, y, z ; ρ — плотность обуславливающихъ его массъ.

конечно отчасти обуславливалось неправильно - реалистическим взглядом на объекты научного познания, въ связи съ неумѣреннымъ обобщеніемъ того представленія, что *чѣмъ больше мелкія вещи мы разсматриваемъ, тѣмъ ближе дѣлаемся къ истинѣ*; какъ будто бы истина распредѣлена въ пространство! Въ исторіи новѣйшей физики сдѣлалось особенно знаменитымъ движеніе, отмѣченное именами Фарадея и Максвелла, стремившееся свести электрическія и магнитныя явленія къ процессамъ, разыгрывающимся въ наполняющей міровое пространство средѣ — эфирѣ, роль которой именно и заключается прежде всего въ томъ, что допущеніе ея даетъ возможность изображать временное теченіе явленій свѣтовыхъ и электрическихъ съ помощью дифференціальныхъ уравненій ¹⁾. Тѣмъ любопытнѣе замѣтить, что періодъ безмятежнаго властвованія теоріи «взаимодѣйствія на исчезающе-малыхъ разстояніяхъ» (Nahewirkungstheorie) былъ очень непродолжителенъ (примѣрно съ 1888 года до конца XIX вѣка): модная въ настоящее время *электронная теорія* ²⁾ вновь оперируетъ при помощи мельчайшихъ электрическихъ зарядовъ, взаимодействующихъ между собою по закону Кулона, при чемъ за разложеніемъ этого взаимодействія на элементарныя дѣйствія,

1) «Что касается нашего эфира, то существуетъ ли онъ въ дѣйствительности? Извѣстно, откуда явилась увѣренность въ его существованіи. Если свѣту требуется нѣсколько лѣтъ, чтобы дойти до насъ отъ удаленной звѣзды, то въ это время онъ *уже* не находится на звѣздѣ и *еще* не находится на землѣ. Надо, чтобы онъ былъ гдѣ-нибудь, чтобы онъ имѣлъ, такъ сказать, нѣкотораго матеріальнаго носителя.

Можно выразить ту же идею въ болѣе математической и болѣе абстрактной формѣ. Мы констатируемъ лишь перемѣны, которымъ подвергаются частицы матеріи; на примѣръ, мы видимъ, какъ наша свѣточувствительная пластинка испытываетъ вліяніе процессовъ, разыгрывавшихся въ пламенѣющей массѣ звѣзды за много лѣтъ передъ тѣмъ. Но въ обыкновенной механикѣ состояніе изучаемой системы опредѣляется состояніемъ ея въ непосредственно предшествующій моментъ: благодаря этому система удовлетворяетъ извѣстнымъ дифференціальнымъ уравненіямъ.

Если бы мы отрицали эфиръ, то состояніе матеріальнаго міра зависѣло бы не только отъ непосредственно предшествующаго состоянія, но и отъ состояній, соотвѣствующихъ гораздо болѣе давнимъ эпохамъ; такая система удовлетворяла бы уравненіямъ въ конечныхъ разностяхъ. Чтобы избѣгнуть этого уклоненія отъ общихъ законовъ механики, мы и придумали эфиръ.» *Пуанкаре, «Наука и Гипотеза».*

²⁾ О ней см. напр. *Лоджъ, «Современные взгляды на матерію».* Перев. А. Бачинскаго.

за «диференцированіємъ» его уже не гонятся. Однако же неправильно было бы видѣть въ этомъ отступленіи «теоріи дѣйствія на близкихъ разстояніяхъ» пораженіе, понесенное міровоззрѣніемъ, основаннымъ на допущеніи закона непрерывности: ибо электронная теорія принесла съ собою дифференціацію, раздробленіе одного изъ прочнѣйшихъ оплотовъ индивидуальности, стоявшаго воплощеннымъ противорѣчіемъ повсюду царящей непрерывности, никакъ не хотѣвшаго быть втиснутымъ въ рамки *аналитическаго міровоззрѣнія* ¹⁾, краеугольнаго камня современной химіи: *атома!*

Здѣсь любопытно между прочимъ отмѣтить, къ чему привело совмѣстное дѣйствіе двухъ тенденцій, вліяющихъ на современное развитіе научныхъ представленій: во-первыхъ, стремленія изображать явленія природы подъ видомъ непрерывности; во-вторыхъ, стремленія символизировать основу ихъ при помощи возможно наглядныхъ механизмовъ—*моделей*. Всякій механизмъ состоитъ изъ раздѣльныхъ частей—индивидуумовъ: упругихъ шаровъ, колесъ, шестерней, нерастяжимыхъ и растяжимыхъ нитей—а это является обстоятельствомъ, мѣшающимъ ему служить образчикомъ мельчайшей ячейки Физической Вселенной, ибо мы стремимся воспринимать основу этой Вселенной какъ непрерывность, какъ интеграль ²⁾. Какъ тѣло, подвергающееся дѣйствію двухъ силъ, не повинуется—строго говоря—ни той ни другой, а принимаетъ нѣкоторое среднее, промежуточное движеніе, такъ и здѣсь возникъ компромисъ, представляющій собою амальгаму двухъ въ сущности несогласимыхъ между собою тенденцій: мы представляемъ себѣ основные камни мірозданія все же какъ индивидуумы; но воображаемъ эти индивидуумы настолько мелкими, чтобы съ ними можно было обращаться (въ приближеніи), какъ съ *безконечно мелкими* ³⁾.

Это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ кинетической теоріи газовъ,

¹⁾ Терминъ Н. В. Бугаева.

²⁾ Ср. *Лейбницъ*, Монадологія, § 64.

³⁾ Тутъ между прочимъ приходится дробить эти основные элементы все болѣе и болѣе: было время, когда «частица», «молекула» считалась тѣломъ, которое не можетъ быть разрѣзано на-двое; затѣмъ, благодаря Дальтону, атомъ взялъ на себя эту роль; теперь она перешла къ электрону; кто знаетъ, не возникнетъ ли когда-нибудь надобность подвергнуть и электронъ дальнѣйшему дробленію?

гдѣ примѣняются правила дифференціального и интегрального исчисления, несмотря на то, что основное требованіе непрерывности не является строго соблюденнымъ.

То же самое — въ теоріи свѣта, гдѣ нѣкоторые авторы приписываютъ атомическое строеніе эфиру. То же самое — и въ остроумной и своеобразной теоріи электромагнитнаго поля, принадлежащей Максуелу и изложенной имъ въ *Philosophical Magazine*, 1861. Здѣсь Максуель приписываетъ эфиру зернистое строеніе. Зерна эфира имѣютъ многогранную форму; между ними заложены слои гораздо меньшихъ шарообразныхъ частицъ, не касающихся другъ друга, масса которыхъ исчезающе-мала; эти шарики Максуель называетъ *электричествомъ*. Основываясь на такомъ представленіи, Максуель смогъ не только истолковывать старыя электромагнитныя явленія, но и *предвидѣть* новыя.

IV.

Я обращаюсь теперь къ сжатому, далеко не полному анализу тѣхъ формъ, въ какія отлилась идея непрерывности въ отдѣльныхъ отрасляхъ знанія.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ мы видимъ законъ непрерывности, водворяющимся даже какъ бы не безъ насилія надъ очевидностью. Такъ, напримѣръ, Герцъ въ своемъ изложеніи электродинамики считаетъ возможнымъ и естественнымъ разсматривать граничную поверхность двухъ разнородныхъ тѣлъ какъ переходный слой, въ которомъ всѣ величины, опредѣляющія природу и состояніе эфира и матеріи, измѣняются хотя чрезвычайно быстро, но все же непрерывно.

Однимъ изъ самыхъ значительныхъ завоеваній, сдѣланныхъ непрерывностью въ физикѣ, была извѣстная теорія ванъ-деръ-Валяса (1873), основанная на допущеніи возможности непрерывнаго перехода тѣлъ изъ жидкаго состоянія въ газообразное и обратно,—перехода, при которомъ всѣ физическія характеристики вещества, принимающаго участіе въ процессѣ, измѣнялись бы непрерывно. Теорія эта благодаря ряду замѣчательныхъ, подтвердившихся на опытѣ слѣдствій, въ теченіе ряда лѣтъ пользовалась непререкаемой популярностью, несмотря на присущіе ей гипотетическіе, единственные въ своемъ родѣ и далеко не вполне согласующіеся съ духомъ современной физики элементы. Въ

послѣднее время однако возраженія противъ непрерывности ванъ-деръ-Вальса постепенно учащаются ¹⁾).

Особенно сенсационно и чревато послѣдствіями было утверждение непрерывности въ *біологіи*, происходившее по мѣрѣ постепенной универсализаціи этого принципа. Здѣсь оно выразилось въ ученіи, извѣстномъ подъ именемъ *трансформизма*. Уже изобрѣтатель закона непрерывности, Лейбницъ, производя сравненіе различныхъ видоизмѣненій раковинъ, принадлежащихъ современнѣмъ моллюскамъ, а также раковинъ ископаемыхъ, указываетъ на безпредѣльное разнообразіе сходственныхъ формъ и выводитъ заключеніе объ измѣняемости видовъ организованныхъ существъ, — чѣмъ и объясняется невозможность рѣзкаго разграниченія одного класса отъ другого. Продолжая обобщеніе на почвѣ своей теоріи монадъ, Лейбницъ даже допускаетъ возможность существованія гдѣ-либо во вселенной животныхъ формъ, представляющихъ переходъ отъ обезьяны къ человѣку. Послѣ Лейбница цѣлый рядъ мыслителей и натуралистовъ проповѣдуетъ сродныя идеи, изображая, какъ вызванныя различными вліяніями ничтожныя измѣненія, происходя въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій, интегрируются и образуютъ замѣтный, конечный результатъ. Такъ думали между прочими Еразмъ Дарвинъ (дѣдъ знаменитаго Чарльза), Ламаркъ, Етьенъ Жофруа Сентъ-Илеръ; изъ нихъ послѣдній полемизировалъ (не вполне удачно) съ Кювье, который держался мнѣнія, что природа все-таки дѣлаетъ скачки. Немногіе, какъ Чамберсъ (1844), полагали, что измѣненіе видовъ происходитъ отчасти путемъ непрерывнаго измѣненія, отчасти же внезапными скачками. Но съ появленіемъ Дарвинова *Происхожденія видовъ путемъ естественнаго отбора* (1859) принципъ непрерывности на цѣлые десятки лѣтъ непререкаемо укрѣпился въ біологіи и вульгаризовался настолько, что наконецъ для популярнаго сознанія стало болѣе легкимъ дѣломъ присоединиться къ идеѣ эволюціонной, чѣмъ къ идеѣ неизмѣнныхъ типовъ.

Я приведу одну изъ многочисленныхъ тирадъ, въ которыхъ

1) Послѣ работъ Вальса, утвердившихъ въ умахъ физиковъ идею непрерывности жидкаго и газообразнаго состоянія, многіе стали ожидать, что то же самое будетъ утверждено и для взаимныхъ превращеній твердаго и жидкаго состоянія. Недавнія работы Тамана съ достовѣрностью говорятъ о противоположномъ. Таманъ опредѣленно высказалъ и вооружилъ вѣскими доводами идею *прерывнаго* перехода твердаго тѣла въ жидкость и обратно.

Дарвинъ высказываетъ дѣйствіе принципа непрерывности и интегрируемости, примененнаго къ сферѣ біологическихъ явленій: «Такъ какъ естественный отборъ дѣйствуетъ единственно посредствомъ накопленія малыхъ послѣдовательныхъ благопріятныхъ измѣненій, то онъ не можетъ произвести крупныхъ или внезапныхъ видоизмѣненій: онъ можетъ дѣйствовать исключительно короткими и медленными шагами. Поэтому правило: «природа не дѣлаетъ скачковъ», подтверждаемое каждымъ новымъ приобритеніемъ нашего знанія, понятно по этой теоріи»¹⁾.

Воздвигнутый Дарвиномъ туманный принципъ естественнаго отбора своей кажущейся «естественностью», своимъ кажущимся механо-статистическимъ характеромъ гармонировалъ съ всеобщимъ стремленіемъ второй половины XIX вѣка къ механизированію вселенной. Несмотря на то, что принципъ естественнаго отбора не былъ нисколько яснѣе или доказаннѣе сравнительно съ теоріей Бюфона-Ламарка (раздѣляемой Негели), по которой развитіе живой природы происходитъ прежде всего въ осуществленіе нѣкотораго врожденнаго ей, заранѣе предначертаннаго плана,—тѣмъ не менѣе какъ разъ Дарвиновой теоріи суждено было доставить окончательное торжество великому метафизическому принципу эволюціи. И благодаря тому, что осуществленіе этого торжества произошло на почвѣ механистической гипотезы, въ сферѣ біологіи получила новыя подкрѣпленія свойственная механическимъ явленіямъ непрерывность: такъ что въ настоящее время лишь съ немалымъ трудомъ пробиваютъ себѣ путь болѣе широко и совершенно обоснованныя воззрѣнія знаменитаго голландскаго ботаника де Фриза, на опытѣ доказавшаго возможность *внезапнаго возникновенія новыхъ видовъ*²⁾ и такимъ образомъ оправдавшаго тезисъ: *Natura facit saltus*³⁾.

1) Перев. М. Филиппова, Спб. 1895, стр. 521.

2) Культивируя растеніе *Oenothera Lamarckiana*, де Фризь въ теченіе 10 лѣтъ получилъ значительное число новыхъ видовъ, происшедшихъ внезапно: изъ сѣмянъ *Oenothera Lam.* выросли другія *Oenotherae*, рѣзко отличавшіяся, безъ всякихъ переходовъ. См. De Vries, *Die Mutationstheorie*. Русскій переводъ популярнаго очерка подъ тѣмъ же заглавіемъ въ сборникѣ „Теорія развитія“, вышедшемъ въ 1904 г. подъ редакціей В. А. Фаусека.

3) Вотъ подлинныя слова де Фриза: „Итакъ, я заключаю, что прогрессъ въ мірѣ живыхъ существъ въ общемъ и въ цѣломъ происходитъ толчками или скачками. Въ теченіе тысячелѣтій все находится въ покоѣ. Дико растущія растенія нашей родной флоры въ настоящее время въ существенныхъ чертахъ

V.

Непрерывныя функціи, нашедшія себѣ примѣненіе въ наукахъ о природѣ, являются по преимуществу функціями *однозначными*. Это значитъ, что каждому значенію перемѣннаго независимаго соотвѣтствуетъ одно—и только одно—значеніе функціи. Такимъ свойствомъ обладаетъ напримѣръ цѣлый многочленъ: онъ получаетъ одно опредѣленное числовое значеніе, если мы приравняемъ его главную букву опредѣленному числу.

Вотъ примѣры однозначныхъ физическихъ зависимостей. Кинетическая энергія даннаго движущагося тѣла является однозначной функціей скорости этого тѣла; электрическая сила, зависящая отъ даннаго электрическаго распредѣленія, является однозначной функціей координатъ мѣста, въ которомъ мы разсматриваемъ силу; мѣстоположеніе планеты, обращающейся вокругъ центральнаго тѣла, является однозначной функціей времени, и т. д.

Обобщая факты подобнаго типа на всю вселенную, пришли къ такъ называемой детерминистской теоріи. Состояніе вселенной можетъ быть точно обрисовано, если мы укажемъ, чему равняется каждый изъ весьма большого числа *n* нѣкоторыхъ опредѣлителей или *параметровъ*. Такими опредѣлителями могутъ служить: мѣстоположеніе различныхъ матеріальныхъ частицъ; скорости ихъ; электрическіе заряды, свойственные различнымъ тѣламъ, и т. д. Достаточно знать законы измѣненія этихъ параметровъ отъ предшествующаго момента къ послѣдующему, чтобы по данному состоянію вселенной въ одинъ какой-либо моментъ высчитать состояніе ея для какого угодно другого момента, предшествующаго или послѣдующаго ¹⁾. Детерминистская теорія именно и предполагаетъ, что такіе законы *существуютъ*.

Наиболѣе поразительное выраженіе этотъ взглядъ нашель у Лапласа. По Лапласу, умъ, который располагалъ бы неизмѣримо

тѣ же, какія они были во времена древнихъ германцевъ. Но отъ времени до времени природа пытается создать что-нибудь новое и лучшее. Она берется то за одинъ, то за другой видъ; совидательная сила пробуждается, и разомъ возникаютъ новыя формы изъ стараго, до тѣхъ поръ неизмѣннаго племени“.

¹⁾ Ср. *Лейбницъ*, *Монадологія*, 61; также Предисловіе къ „Новымъ опытамъ о человѣческомъ разумѣ“, стр. 197 по изданію Психологическаго Общества.

большими, чѣмъ мы, знаніями по математикѣ и естественнымъ наукамъ, могъ бы составить *міровую формулу* (которая представляла бы интеграль дифференціальныхъ уравненій механики), достаточную для узнанія всего, что когда-либо было и когда-либо будетъ. Какъ астрономы на множество лѣтъ впередъ предсказываютъ обстоятельства взаимнаго относительнаго перемѣщенія небесныхъ тѣлъ, такъ *міровой умъ* Лапласа могъ бы сказать, когда крестъ вновь заблеститъ на Святой Софіи, или когда Англія сожжетъ свой послѣдній каменный уголь. Подстановка въ *міровую формулу* $-\infty$ или $+\infty$ вмѣсто символа времени t соответственно раскрывала бы то, что было въ началѣ и будетъ въ концѣ міра ¹⁾. Это было бы идеальное *астрономическое* познаніе міра.

Но прилагая детерминистскій принципъ къ реальной Вселенной, мы тѣмъ самымъ постулируемъ законъ *однозначности* въ примѣненіи къ дѣйствующимъ во Вселенной *психическимъ* силамъ и стремленіямъ; однако же непосредственныхъ эмпирическихъ основаній для такого допущенія, — основаній того же порядка, какія представляетъ отдѣльно разсматриваемый физическій міръ, *нѣтъ* ²⁾; поэтому чтобы детерминистское воззрѣніе, распространенное на цѣлокупную Вселенную, не было тотчасъ же подорвано, необ-

1) См. Ланге, Исторія матеріализма, т. II, отд. II, г. Вотъ подлинныя слова Лапласа: „Разумъ, которому въ данное время были бы извѣстны всѣ силы природы и относительное расположеніе составляющихъ ее вещей, достаточно мощный, чтобы подвергнуть ихъ анализу, могъ бы объять одною формулою движенія величайшихъ тѣлъ вселенной и мельчайшаго атома; ничто не осталось бы ему неизвѣстнымъ, будущее и прошедшее были бы ему открыты“. Laplace, Théorie analytique des probabilités, Introduction.

2) Скорѣе есть основанія сказать обратное. Извѣстно, что можно въ конечныхъ предѣлахъ мѣнять раздраженіе безъ того, чтобы измѣнялось соотвѣтствующее ему ощущеніе. Здѣсь ощущеніе *не является* однозначной (и вообще аналитической) функціей раздраженія. Такимъ образомъ законъ Фехнера, выражающей зависимость ощущенія отъ раздраженія однозначной (логарифмической) функціей, является невѣрнымъ какъ въ данномъ частномъ видѣ своемъ, такъ и принципиально. Законъ Фехнера представляетъ собою яркій примѣръ послѣдствій неосновательнаго увлеченія, обусловленнаго распространенностью *аналитическаго міросозерцанія*. Знай Фехнеръ о существованіи въ математикѣ функцій, обладающихъ свойствомъ имѣть безчисленное множество значеній для одного и того же значенія независимаго перемѣннаго, и функцій, имѣющихъ одно и то же значеніе для безконечнаго ряда значеній независимаго перемѣннаго, онъ можетъ быть не выставилъ бы своего закона въ общеизвѣстной его формѣ.

ходимо подвести подъ него болѣе крѣпкій—или по крайней мѣрѣ кажущійся таковымъ—фундаментъ. Такой фундаментъ—въ сущности уже замѣчаемый и у Лапласа—нашелся въ *матеріализмѣ*.

Эта обольщающая кажущейся простотой теорія разрубаетъ цѣлый рядъ Гордіевыхъ узловъ, пользуясь простыми средствами—насиліемъ надъ очевидностью и пренебреженіемъ къ доводамъ разума. Въ сущности, обычно понимаемый матеріализмъ можетъ быть опровергнутъ въ двухъ словахъ. Достаточно спросить матеріалиста: *знаетъ ли онъ, что такое матерія?* Онъ не можетъ отвѣтить: *да*, потому что наши свѣдѣнія о матеріи постоянно—въ настоящее время въ особенности—расширяются: завтра о матеріи будетъ извѣстно больше, чѣмъ сегодня. Если же онъ отвѣтитъ: *нѣтъ*—то послѣдуетъ другой вопросъ: *какъ же можно объяснять что-либо на почвѣ неизвѣстнаго? Въ частности, какъ можно неизвѣстнымъ объяснять то, что является наиболее, всего лучше извѣстнымъ—а именно факты сознанія?*

Какъ бы то ни было, принявши матеріалистскую теорію, мы получаемъ детерминизмъ въ качествѣ простого слѣдствія: вѣдь въ области матеріи причины и слѣдствія связаны однозначной связью; если *все* есть только матерія, то, стало быть, и вообще все бывающее является во всѣхъ отношеніяхъ опредѣленнымъ и предопредѣлимымъ.

Такимъ образомъ міровоззрѣніе, основанное на широкомъ, универсальномъ примѣненіи непрерывныхъ и однозначныхъ аналитическихъ функцій, или *аналитическое міровоззрѣніе*, внушаетъ раздѣляющимъ его 5 связанныхъ другъ съ другомъ, одна другую поддерживающихъ и укрѣпляющихъ тенденцій:

- 1) Стремленіе воспринимать теченіе явленій подъ видомъ непрерывности.
- 2) Стремленіе всюду видѣть однозначныя зависимости.
- 3) Стремленіе изыскивать и оцѣнивать ничтожно-малые элементы явленій.
- 4) Склонность къ детерминизму.
- 5) Склонность къ матеріализму.

VI.

Послѣ выполненнаго нами расширенія основныхъ положеній переходимъ къ краткому анализу участія перечисленныхъ пяти *идоловъ* въ нѣкоторыхъ ученіяхъ психологическихъ и соціологическихъ.

Первый Лейбницъ заговорилъ о своего рода непрерывности и своего рода бесконечно-малыхъ въ психологіи. Онъ обратилъ вниманіе на роль *безсознательныхъ* или *малыхъ представлений* (*petites perceptions*), которыя, постоянно возникая въ индивидуумѣ, осуществляютъ тѣсное и *непрерывное* общеніе его съ цѣлокупной Вселенной, а также организуютъ связь, при помощи которой будущее опредѣляется прошедшимъ и обратно ¹⁾). На почвѣ гипотезы *малыхъ представлений* Лейбницъ говоритъ опроцессъ, который можно было бы назвать *дифференцированіемъ* состояній сознанія, подобномъ дифференцированію аналитической функціи: эту мысль онъ поясняетъ своимъ любимымъ примѣромъ души, воспринимающей шумъ моря въ качествѣ цѣльнаго сознательнаго представленія, а всплески отдѣльныхъ волнъ—въ качествѣ «малыхъ» представлений ²⁾, и объявляетъ эти послѣднія элементами сознательнаго представленія, имѣющими непремѣнный реальный смыслъ и значеніе. Также говоритъ онъ о томъ, что можно назвать *интегрированіемъ* элементовъ душевной жизни ³⁾.

Читатель видитъ, что Лейбницъ является однимъ изъ характернѣйшихъ представителей аналитическаго міровоззрѣнія. Оно положило свой отпечатокъ на всѣ отрасли его научно-философской дѣятельности. Четыре первыхъ нашихъ *идола* бросаются въ глаза въ системѣ его творчества. Лишь пятому—материализму остался онъ непричастенъ,—конечно потому, что былъ слишкомъ глубокимъ философомъ, и потому, что сумѣлъ найти для поддержки своего детерминизма другія, болѣе глубокія и остроумныя, основанія, чѣмъ тѣ, которыя предлагались материалистами.

Взглядъ, что отдѣльныя идеи — и даже само сознаніе — являются интегралами отдѣльныхъ элементарныхъ представлений, былъ, какъ извѣстно, воспринятъ и разработанъ англійской психологической школой (Юмъ, Джемсъ Милль, Джонъ Стюартъ Милль, Бенъ, Спенсеръ; у нѣкоторыхъ, какъ у Гартли, эта «ассоціонная» теорія связывалась съ матеріалистическими взглядами и отъ нихъ зависѣла).

Джемсъ Милль говоритъ: «Не представляется никакихъ затруд-

1) *Новые опыты о человеческомъ разумѣ*, Предисловіе, стр. 195 и сл. по изданію Психол. Общества. *Начала природы и благодати, основанныя на разумѣ*, § 13. *Монадологія*, §§ 14, 21, 22, 61.

2) *Новые опыты...*, цит. мѣсто.

3) См. напр. *Монадологія*, § 27.

ней допустить, что ассоціація объединяетъ идею неопредѣленнаго числа индивидуумовъ въ одну сложную идею, ибо это— общеизвѣстный фактъ. Развѣ у насъ нѣтъ идеи «армія»? и развѣ эта идея не есть комплексъ идей неопредѣленнаго числа людей?»

Взглядъ этотъ удивителенъ по своей неосновательности. Область, изучаемая психологіей, представляетъ собою матеріаль, для сужденій о которомъ единственное и лучшее изъ всѣхъ возможныхъ средствъ есть очевидность. Ничего не можемъ мы узнать съ такой степенью достовѣрности, какъ психологическіе факты. И однакожь очевидность совершенно не убѣждаетъ насъ въ томъ, чтобы возможно было дробить факты сознанія на ихъ элементарныя слагающія. Напротивъ, фактъ сознанія всегда рисуется какъ нѣчто цѣльное, индивидуальное, отвѣчающее само за себя. *Ассоціативность* есть лишь одежда, накидываемая на частный видъ воспринимаемыхъ сознаніемъ формъ: къ этому виду принадлежитъ на примѣръ *число*; существуютъ, наоборотъ, категоріи, которымъ ассоціативность уже не свойственна: такъ, она не свойственна ходамъ шахматной партіи; и результатъ шахматной партіи вовсе не есть совокупность ея ходовъ.

Ассоціонная теорія является однимъ изъ самыхъ вредныхъ заблужденій, воспитавшихся на почвѣ аналитическаго міровоззрѣнія: вредныхъ потому, что она, не заключая въ себѣ содѣйствующихъ развитію науки элементовъ, вызвала значительную трату умственныхъ силъ, которыя могли бы найти болѣе плодотворное примѣненіе.

Детерминистскія тенденціи многихъ авторовъ, писавшихъ по психологіи, хорошо извѣстны всѣмъ. На нихъ нѣтъ надобности останавливаться, достаточно простого упоминанія. Интересно однако привести характерныя слова Джемса ¹⁾: «... психологъ... можетъ привести важныя соображенія въ пользу детерминизма. Онъ принимаетъ участіе въ построеніи *науки*, наука же есть система опредѣленныхъ отношеній. Гдѣ мы сталкиваемся съ «независимой переменною», тамъ для науки нѣтъ мѣста. Такимъ образомъ научная психологія должна постольку игнорировать произвольность нашихъ дѣйствій, поскольку они представляютъ «независимую переменную», и разсматривать въ нихъ лишь ту сторо-

¹⁾ *Психологія*, перев. Лапшина, 1898, стр. 383.

ну, которая строго предопредѣлена предшествующими явлениями... Психологія оставляетъ безъ вниманія проявленія свободы воли, не отрицая безусловно ихъ возможности. На практикѣ, конечно, это сводится къ отрицанію свободы воли...»

Рядъ заблужденій въ этихъ словахъ очевиденъ для насъ. Джемсъ думаетъ, что наука имѣетъ дѣло только съ вполне опредѣленными, *однозначно* характеризуемыми зависимостями. Подобнаго сорта зависимостямъ, дѣйствительно, принадлежитъ въ современной наукѣ преобладающая въ количественномъ отношеніи роль; но происхожденіе этого преобладанія имѣетъ случайный характеръ; это преобладаніе обусловлено неравномѣрнымъ развитіемъ теоріи непрерывныхъ функций, сравнительно съ развитіемъ другихъ отраслей математики. Эти *другія* отрасли какъ разъ занимаются изслѣдованіемъ такихъ соотношеній, гдѣ и непрерывность и однозначность отступаютъ и теряютъ силу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этимъ соотношеніямъ не суждено навѣчно остаться въ рамкахъ чистой математики: уже теперь можно указать въ природѣ цѣлый рядъ явленій, которыя, допуская примѣненіе числа и мѣры, не поддаются аналитическому изображенію,—хотя и были со стороны приверженцевъ аналитическаго міровоззрѣнія попытки подчинить эти явленія привычному методу. Можно ожидать, что рано или поздно методы, болѣе общіе сравнительно съ методами анализа, расширятъ и содержаніе и приемы научнаго знанія. Тогда и проявленія произвола и свободы найдутъ себѣ мѣсто въ наукѣ.

Въ частности однимъ изъ выраженной детерминистской тенденціи въ психологіи является такъ называемая теорія психофизическаго параллелизма¹⁾. По этой теоріи, факты психической группы служатъ точными показателями фактовъ физической группы и наоборотъ.

Главный недостатокъ этой гипотезы состоитъ въ томъ, что

1) И здѣсь нельзя не упомянуть о Лейбницѣ. Въ *Размышленіяхъ относительно ученія о единомъ всеобщемъ духѣ* онъ говоритъ: „Я установилъ полнѣйшій параллелизмъ между тѣмъ, что происходитъ въ душѣ, и тѣмъ, что совершается въ вѣществѣ, показавъ, что душа съ ея отправленіями есть нѣчто различное отъ матеріи, но что все-таки она всегда сопровождается вѣщественными органами, а ея отправленія всегда сопровождаются отправленіями органовъ, которыя должны соответствовать первымъ, и что соотношеніе это взаимно и всегда будетъ таковымъ“. Изданіе Психол. Общества, стр. 229.

она не можетъ быть провѣрена (ибо для провѣрки ея надо было бы умѣть измѣрять психическія состоянія, что невозможно), а въ то же время она не принадлежитъ къ числу гипотезъ различныхъ, то-есть приверженцы ея принуждены игнорировать или отвергать безъ всякаго изслѣдованія значительную массу того, что другіе признаютъ за факты. Поэтому относиться къ ней слѣдуетъ съ величайшей осторожностью; тѣмъ болѣе, что при неосторожномъ обращеніи съ ней легко впасть въ заблужденія матеріалистическаго типа.

Слѣдующая цитата изъ *Очерковъ Психологій* (III, 1) Гёфдинга хорошо показываетъ злоупотребленіе принципомъ непрерывности и чрезмѣрную его универсализацію, свойственныя приверженцамъ теоріи параллелизма»:... физическое раздраженіе можетъ дѣйствовать на нервную систему безъ чувственнаго ощущенія, которое появляется лишь при извѣстной силѣ раздраженія. Напротивъ того, нервный процессъ долженъ происходить уже при низшихъ степеняхъ раздраженія, такъ что онъ достигаетъ извѣстной степени силы, когда ощущеніе переступаетъ черезъ порогъ сознанія. Пусть, на примѣръ, x обозначаетъ такую степень силы нервного процесса, что ему какъ разъ отвѣчаетъ едва замѣтное ощущеніе, которое мы назовемъ y . Въ такомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ замѣчательнымъ обстоятельствомъ: тогда какъ сила физической стороны процесса непрерывно убываетъ, начиная съ x , психическая сторона остается пустою,—она вдругъ останавливается на y . Таково это отношеніе, изъ какой бы основной гипотезы мы ни исходили въ вопросѣ о связи между тѣломъ и душою. *Но впрямую ли, чтобы на какой-либо ступени тѣстницы возникло что-нибудь такое, чего совсѣмъ нѣтъ на низшихъ ступеняхъ? Если рядъ непрерывенъ въ одной области, то не долженъ ли онъ отличаться тѣмъ же и въ другой? Мы не имѣемъ никакого права признавать идѣ-либо въ природѣ скачки и пробѣлы; по крайней мѣрѣ, уступки знанія преимущественно состоятъ въ томъ, чтобы заполнять и связывать пробѣлы и промежутки»* ¹⁾.

Извѣстно, что аналогичныя разсужденія положилъ Гартманъ въ первоначальную основу своей *Философіи Безсознательнаго*. Нѣтъ сомнѣнія, что понятіе Безсознательнаго необходимо, что оно соотвѣтствуетъ реальной «дѣйствительности»; но оправданіе

¹⁾ Курсивъ нашъ.

его должно быть ведено на совершенно иных, не зависящих от закона непрерывности, имѣющихъ чисто спиритуалистическую природу основаніяхъ.

VII.

Въ социологіи, какъ и въ прочихъ отрасляхъ знанія, влияние аналитическаго міровоззрѣнія всего ярче выразилось детерминизмомъ. Такъ, крайне детерминистское воззрѣніе составляетъ характернѣйшую черту бывшаго недавно столь моднымъ экономическаго матеріализма. Ученіе это отрицало въ области общественныхъ отношеній всякую самостоятельную дѣятельность факторовъ, принадлежащихъ къ области идей и стремленій ¹⁾; оно видѣло въ человѣческихъ обществахъ просто механизмъ, состоянія котораго измѣняются по совершенно опредѣленнымъ законамъ; узнавъ эти законы, мы можемъ (по мнѣнію послѣдователей экономическаго матеріализма) *предвидѣть будущую судьбу* человѣчества и отдѣльныхъ его вѣтвей. Такимъ образомъ Марксъ предвидитъ будущее коренное преобразование народнаго хозяйства, имѣющее состоять въ томъ, что орудія производства сдѣлаются достояніемъ всего общества.

Тѣсная идейная связь между механо-матеріалистическимъ взглядомъ на природу съ одной стороны и экономическимъ матеріализмомъ съ другой проглядываетъ уже въ самыхъ именахъ этихъ ученій. Также ясно соотношеніе между экономическимъ матеріализмомъ и теоріей Дарвина ²⁾. И здѣсь и тамъ теченіе

¹⁾ До какого извращенія дѣйствительности могли доходить историческіе матеріалисты, ослѣпленные своей предвзятой теоріей, показываетъ примѣръ Энгельса, который въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Если техника, какъ говорить, зависитъ по большей части отъ состоянія науки, то, съ другой стороны, состояніе науки еще въ гораздо большей степени зависитъ отъ *состоянія и потребностей* техники. Если въ обществѣ существуетъ известная техническая потребность, то она двигаетъ науки впередъ сильнѣе десяти университетовъ. Вся гидростатика (Торичелли и т. д.) вызвана была потребностью урегулированія горныхъ рѣкъ въ Италіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Объ электричествѣ мы знаемъ сколько-нибудь положительнаго (?) только съ тѣхъ поръ, какъ явилась возможность его техническаго примѣненія (!!!). Къ сожалѣнію, въ Германіи привыкли писать исторію наукъ такимъ образомъ, какъ будто бы онѣ свалились съ неба“.

²⁾ „Какъ Дарвинъ открылъ законы развитія органической природы, такъ Марксу мы обязаны открытіемъ закона развитія исторіи человѣчества“, говоритъ Энгельсъ.

жизни природы въ отдѣльныхъ ея вѣтвяхъ разсматривается подъ видомъ какого-то коснаго движенія, символизируется въ формѣ глухого, незрячаго и безумнаго автомата.

Кромѣ экономическаго матеріализма, дѣтищами аналитическаго міровоззрѣнія являются и другія соціологическія теоріи; таковы *органическая теорія общества* (Спенсеръ и др.) и *соціологическій дарвинизмъ* (Киддъ и др.). Независимо отъ принадлежности къ тому или иному изъ перечисленныхъ трехъ направлений, для ихъ послѣдователей обыкновенно бываетъ характерно признаніе слѣдующихъ положеній:

1. Процессъ общественныхъ измѣненій совершается по естественнымъ законамъ независимо отъ людскаго желанія или нежеланія.

2. Постановка какихъ-либо цѣлей этому процессу со стороны человѣка и усилія, направленные къ достиженію этихъ цѣлей, не имѣютъ поэтому смысла.

3. Общественная эволюція совершается сама собою, и для того, чтобы она приводила къ своимъ естественнымъ результатамъ, со стороны человѣка не требуется никакого вмѣшательства.

4. Разъ это такъ, то не можетъ быть и не должно быть никакого искусственнаго воздѣйствія на общественную жизнь, и лучшее соціальное искусство заключается въ невмѣшательствѣ ¹⁾.

Такимъ образомъ отрицается всякая *активность* личности, за ней признается одна лишь *реактивность*, совершенно какъ если бы она была частью механизма, регулируемаго внѣшними относительно ея началами.

Есть попытки облекать примѣняемые къ человѣческимъ обществамъ законы въ форму числовыхъ *аналитическихъ* зависимостей: сюда принадлежатъ интересныя разсужденія А. Н. Щукарева въ его *Очеркахъ по философіи естествознанія* («Вопр. Филос. и Психол.», кн. 69).

Въ художественной формѣ аналитическій взглядъ на жизнь и поведеніе человѣческихъ группъ нашелъ себѣ выраженіе въ *Войнѣ и Мирѣ* Л. Н. Толстого. Сопровождая изложеніе своего романа философскими разсужденіями объ этомъ предметѣ, Тол-

1) Формулировка этихъ четырехъ положеній соціологовъ-объективистовъ заимствована изъ статьи Н. И. Карѣева: *Основныя направленія соціологии и ея современное состояніе*.

стой даже употребляетъ здѣсь, по отношенію къ ходу массовыхъ психологическихъ процессовъ, термины дифференціального и интегрального исчисленія.

Какъ въ социологіи, такъ и въ другихъ отрасляхъ знанія—біологіи и психологіи—аналитическое міровоззрѣніе было съ особенной детальностью и послѣдовательностью проведено авторомъ *Синтетической философіи* Спенсеромъ. Его основной принципъ—непрерывная эволюція, выражающаяся постепенными сгущеніями разрозненныхъ элементовъ, или интеграціей. Однако наряду съ интеграціей постоянно остается возможнымъ и при наличности необходимыхъ условій осуществляется обратный процессъ—разложеніе или дезинтеграція. Жизнь, по Спенсеру, есть непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ: принципъ *реактивности*, не сопровождаемой активностью, провозглашается во всей силѣ. До 90-ыхъ годовъ Спенсеръ былъ также склоненъ къ мнѣнію, что процессы жизни могутъ быть безъ остатка сведены къ процессамъ физико-химическимъ. Въ области психологіи, согласно Спенсеру, имѣютъ мѣсто подобныя же законы развитія, какъ въ области біологіи: происходитъ постепенное совокупленіе первыхъ элементовъ или «атомовъ» душевной жизни, въ концѣ концовъ приводящее къ той безмѣрной сложности, какую представляетъ психика высшаго организма. Аналогичное, наконецъ, высказывается и по отношенію къ явленіямъ социологическимъ ¹⁾.

1) Самый громкій протестъ, какой былъ высказанъ въ новѣйшей философской литературѣ противъ привившагося распространенія аналитическаго міровоззрѣнія на общественную жизнь, принадлежитъ Ниче. Неоднократно направляетъ онъ свои стрѣлы противъ англійской школы мыслителей, представляемой Дарвиномъ и Спенсеромъ. Вотъ характерный отрывокъ изъ „Сумерекъ боговъ“: „*Противъ Дарвина*. Что касается пресловутой „борьбы за существованіе“, то она мнѣ кажется скорѣе только утверждаемою, чѣмъ доказанною. —Эта борьба бываетъ, но какъ исключеніе. Общая форма жизни не есть состояніе нужды, не голоданіе, а скорѣе богатство, избытокъ, даже бессмысленная расточительность: тамъ, гдѣ борются, борются за власть... Не нужно смѣшивать Мальтуса съ природою“. На первое мѣсто въ міровомъ процессѣ динамистъ Ницше выдвигаетъ *волю могущества*—какъ разъ вопреки тому пассивному отношенію живого существа къ жизни, которое царитъ въ системѣ Дарвина-Спенсера. Воля могущества, по Ницше, именно и есть глубочайшая сущность существующаго. Изолированно, прерывно появляющіяся личности, олицетворяющія особенное ея развитіе, подобныя Юлію Цезарю,

VIII.

Въ предыдущемъ краткомъ обзорѣ мы прослѣдили рядъ теорій, стоящихъ въ подчиненномъ отношеніи къ аналитическому міровоззрѣнію. При этомъ попутно выяснилось, насколько часто основныя допущенія этихъ теорій являются плохо доказанными или вовсе не доказанными. Конечно нельзя сомнѣваться, что въ очень многихъ случаяхъ методы, свойственные аналитическому міровоззрѣнію, представляютъ вѣрный, очень можетъ быть даже единственный способъ достигнуть истины; но часто еще не значитъ всегда. Въ рядѣ случаевъ методы аналитическаго міровоззрѣнія являются оковами, насильно налагаемыми на реальность и искажающими ее. Дѣло въ томъ, что міровоззрѣніе аналитическое представляетъ собою лишь весьма частную форму міровоззрѣнія математическаго. Покойный философъ и математикъ Н. В. Бугаевъ раздѣлялъ математику на два большіе отдѣла: на теорію непрерывныхъ функций или анализъ и теорію функций прерывныхъ или аритмологию. Въ сущности, это дѣленіе обусловлено главнымъ образомъ практическими соображеніями: логическимъ требованіямъ оно не удовлетворяетъ, потому что непрерывность можетъ быть разсматриваема какъ частный случай прерывности; можно сказать, что непрерывность есть прерывность, происходящая черезъ безконечно-малые интервалы. Поэтому идея прерывности соотвѣтствуетъ процессу гораздо болѣе обширному и общему въ сравненіи съ идеей непрерывности, — процессу въ истинномъ смыслѣ универсальному. Ясно, что было бы крайне неосновательно стремиться втиснуть весь безграничный матеріалъ познанія въ рамки непрерывности. Бугаевъ въ своей рѣчи *Математика и научно-философское міросозерцаніе* (1898) приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, не поддающихся такому втискиванію: «Разсматривая таблицу простыхъ тѣлъ, мы видимъ, что числа, ихъ ха-

Цезарю Борджіа, Наполеону,—эти личности являются истиннымъ и единственнымъ предметомъ исторіи человѣчества.

Интересно отмѣтить, что подобные взгляды до Ницше были высказаны нѣмецкимъ физиологомъ Рольфомъ (*Biologische Probleme*), который квалифицировалъ основное стремленіе живого существа, какъ „венасытность“, слѣдовательно, какъ нѣчто въ высшей степени обладающее признаками активности.

рактизирующія, не подчиняются закону непрерывности. Нѣтъ простыхъ тѣлъ всякой плотности. Каждое простое тѣло есть самостоятельный химическій индивидуумъ. Разсматривая сложныя химическія тѣла, мы также обнаруживаемъ, что они образуются изъ элементовъ, вступающихъ въ химическія соединенія только въ опредѣленныхъ пропорціяхъ. Непрерывность непримѣнима къ объясненію всѣхъ химическихъ явленій. Въ химіи часто прилагаются аритмологическіе законы. Они являются при опредѣленіи числа различныхъ соединеній одинаковаго состава. Каждое сложное химическое соединеніе есть самостоятельный индивидуумъ.

Атомистическія теоріи химіи ясно указываютъ на индивидуальныя особенности въ строеніи вещества. Эти особенности оказываются въ кристаллическомъ строеніи минераловъ. Онѣ не могутъ быть объяснены одною непрерывностью. Изъ акустики мы знаемъ, что только опредѣленное сочетаніе звуковъ производитъ эстетическое впечатлѣніе. Музыкальное чередованіе звуковъ имѣетъ вполнѣ аритмологическій характеръ.

Въ біологіи клѣточное строеніе органическихъ тѣлъ указываетъ на важную роль біологическихъ индивидуумовъ въ явленіяхъ жизни ¹⁾. Явленія сознанія также представляютъ много сторонъ, не подчиняющихся аналитическому взгляду на природу.

Въ социологіи человѣкъ есть самостоятельный социальный элементъ, и непрерывность не примѣнима къ объясненію многихъ общественныхъ явленій...

Прерывность всегда обнаруживается тамъ, гдѣ проявляется самостоятельная индивидуальность. Прерывность подмѣчается

¹⁾ Мы добавимъ къ этому, что дѣльный рядъ біологическихъ явленій не укладывается въ рамки непрерывности. Сюда, напримѣръ, относятся многіе случаи наследственной передачи признаковъ при скрещиваніи: опыты Менделя показали, что въ извѣстныхъ случаяхъ потомство, полученное отъ скрещиванія, воспроизводитъ въ чистотѣ или отцовскій типъ или материнскій: промежуточныхъ формъ не появляется. Теорія, придуманная Менделемъ для объясненія такихъ фактовъ, основана на допущеніи сохраняющейся индивидуальности половыхъ элементовъ. Объ этомъ см. статью проф. Бородина въ № 12 *Мира Божія* за 1903 г.—Объ изслѣдованіяхъ де-Фриза было уже говорено выше.

также и тамъ, гдѣ на сцену выступаютъ вопросы о цѣлесообразности, гдѣ появляются эстетическія и *этическія* задачи».

Матеріаль человѣческаго познанія умножается безпредѣльно. Время отъ времени обнаруживаются и новыя *формы познанія*. Кто знаетъ, что предстоитъ еще въ этомъ отношеніи? Одно несомнѣнно: каково бы ни было это будущее, оно все сильнѣе будетъ возбуждать чувства удивленія и благоговѣнія.

А. І. Бачинскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

Е. Lauvrière. Edgar Poe. Sa vie et son oeuvre. Etude de psychologie pathologique. Edit. Felix Alcan. Paris, 1904. (Bibliothèque de Philosophie Contemporaine). Стр. 730.

Объемистый трудъ Lauvrière'a является опытомъ введенія патологии въ область литературнаго изслѣдованія. Вторженіе медицины въ историческія и историко-литературныя работы—тенденція новая и модная. Мы имѣемъ въ виду не работы психіатровъ, которые изучаютъ съ точки зрѣнія своей специальности матеріалъ, относящійся къ историческимъ лицамъ или писателямъ, страдавшимъ нервными и душевными расстройствами, а историковъ и литературныхъ критиковъ, которые пытаются освѣщать свои работы тусклымъ для нихъ свѣтомъ патологии. Не беремъ судить, насколько убѣдительно и плодотворно для психіатріи изслѣдованія мертваго матеріала—умершій писатель и его трудъ—насколько онъ можетъ замѣнить или дополнить прямое клиническое наблюденіе. Но попытки литераторовъ и историковъ опѣнивать историческія личности съ точки зрѣнія медицинскихъ наукъ, имъ чуждыхъ, врядъ ли имѣютъ существенное значеніе для психіатріи и весьма сомнительное для литературы. Такія работы никогда не могутъ быть компетентными. Прочтеніе какаго угодно числа книгъ по психіатріи не сдѣлаетъ человѣка психіатромъ. Въ дисциплинѣ, требующей прежде всего наблюденія надъ больнымъ, никакая начитанность этого наблюденія не замѣнить, не говоря уже про то, что и при клинической подготовкѣ ни одинъ психіатръ не рѣшится поставить діагноза безъ непосредственнаго изслѣдованія больного, по одному свидѣтельству постороннихъ лицъ или его писемъ и сочиненій. Если

такой діагнозъ и будетъ поставленъ, онъ останется для медиковъ въ области гипотезы и никогда не получитъ характера установленнаго факта. Наиболѣе остроумныя догадки историка или литератора относительно умственнаго здоровья любого историческаго лица теряютъ настоящій научный интересъ для медицинскихъ наукъ, являясь сухимъ книжнымъ упражненіемъ въ дѣлѣ, которое требуетъ проникновеннаго примѣненія живого наблюденія и долгаго опыта.

Для литературной критики и для исторіи литературы такого рода работы имѣютъ еще меньшее значеніе. Методы изслѣдованія, и тѣмъ болѣе литературнаго, настолько отличны отъ приемовъ клиническихъ, что сліяніе ихъ въ одно цѣлое невозможно. Желаніе придать литературному изслѣдованію «научность» введеніемъ въ него патологии, какъ освѣжающей идеи, придаетъ книгамъ такого рода односторонность, псевдо-научность; ничего не разъясняя для патологии, когда за дѣло берется не врачъ, такія работы скорѣе затрудняютъ пониманіе писателя. Писатель не является передъ читателемъ въ полнотѣ своего умственнаго склада, невольно авторомъ выдвигаются только нѣкоторыя его черты, кромѣ того онъ обрисовывается слишкомъ обособленнымъ отъ исторіи своего времени, какъ бы выхваченнымъ изъ жизни и посаженнымъ въ больницу. Такой приемъ самъ по себѣ уже противорѣчитъ нашимъ элементарнымъ представленіямъ и литературной критикѣ, возникшей послѣ Тэна. Съ точки зрѣнія этой неизбежной односторонности даже біографическій интересъ подобныхъ трудовъ довольно ограниченъ.

Но можно спросить вообще, нужно ли знать умственное и нервное состояніе здоровья писателя для оцѣнки его труда? Личность писателя, конечно, отражается въ его произведеніи, но если писатель дѣйствительно талантливъ, между его произведеніемъ и имъ самимъ обыкновенно лежитъ цѣлая пропасть. Только маленькіе писатели почти всецѣло сливаются съ своими произведеніями. Ихъ маленькіе таланты всецѣло охватываются маленькими переживаніями, они понемногу собираютъ крохи своей личной жизни въ своихъ сочиненіяхъ, никогда не возвышаются надъ собою. Крупные писатели черпаютъ свои творенія изъ міра и изъ такихъ глубинъ себя, которыхъ никто не подзрѣваетъ въ нихъ при личномъ общеніи; при сравненіи ихъ жизни съ тѣмъ, что они написали, иногда безпристрастный наблю-

датель бываетъ пораженъ неожиданностью, противорѣчіемъ ихъ произведеній съ ихъ личностью. Не будемъ забывать, что процессъ творчества остается для насъ таинственной, пока неразрѣшимой загадкой. Никакія смѣлыя обобщенія тутъ не помогутъ. Существуетъ мнѣніе, что геній и безуміе тѣсно связаны другъ съ другомъ, но существуютъ и факты, показывающіе, что чело-вѣчество имѣло гениальныхъ поэтовъ, душевное здоровье кото-рыхъ не подлежало и не подлежитъ сомнѣнію. Никто не сомнѣ-вался въ полномъ душевномъ здоровьи Гёте. Личность великаго писателя такъ мало вліяетъ на оцѣнку его произведеній, что наши мнѣнія о качествѣ произведеній Шекспира не потерпятъ ни малѣйшаго измѣненія, если завтра дѣйствительно будетъ доказа-но, что не онъ, а Бэконъ былъ творцомъ Макбета. Такимъ образомъ, не только медицинскія, но и всякія біографическія данныя удовлетворяютъ скорѣе нѣкоторыя стороны нашего любо-пытства, а не нашу литературную пытливость.

Съ этими оговорками надобно признать, что книга Lauvrière'a представляетъ все же весьма цѣнное сочиненіе для всякаго, кто интересуется Эдгаромъ По. Авторъ собралъ очень богатый біо-графическій матеріалъ, очевидно ознакомился очень обстоятельно съ литературой о По; ему удастся иногда очень удачно связы-вать отдѣльные эпизоды жизни По съ его произведеніями. Если бы Lauvrière остался въ предѣлахъ подробной и документальной біографіи По, сопровождаемой критической оцѣнкой его сочи-неній, книга его была бы короче и гораздо интереснѣе. Демонъ честолюбія подсказалъ ему желаніе проникнуть въ область «пато-логической психологіи», примѣнить эту сомнительную науку къ писателю завѣдомо нервно-больному и на основаніи этого «кли-ническаго изслѣдованія» оцѣнивать писателя богатаго талантомъ, мыслью, формой, но страннаго и во многомъ загадочнаго.

Прочитанныя книги по психіатріи не даютъ Lauvrière'у вдох-нуть свободно. Подобно медицинскому студенту, только что начав-шему изученіе патологии и находящему въ себѣ самомъ симптомы всѣхъ изучаемыхъ имъ болѣзней, Lauvrière во всякомъ актѣ жизни По, во всякомъ его произведеніи видитъ признаки «вы-рожденія» или разныхъ психозовъ. Неужели удивительно, что ребенокъ, будущій поэтъ, необыкновенно впечатлителенъ? Изъ этой впечатлительности къ картинамъ природы, къ окружающей обстановкѣ Lauvrière строить первый камень своего діагноза.

Когда По говоритъ о дѣтскихъ впечатлѣніяхъ англійской школы, гдѣ онъ учился, о томъ слѣдѣ, который эти впечатлѣнія оставили въ немъ на всю жизнь, и прибавляетъ, что тамъ онъ открылъ первые предвѣстники судьбы, омрачившей его жизнь, Lauvrière спѣшитъ усмотрѣть въ этихъ словахъ первую борьбу «порочной природы» съ добрыми инстинктами; по его мнѣнію, По имѣлъ врожденную склонность къ пороку. Такъ Lauvrière беретъ одну біографическую подробность за другой и подводитъ ихъ подъ ту или другую форму болѣзни. Другой приемъ его клиническаго разбора пациента — въ его рукахъ писатель становится пациентомъ — заключается въ томъ, чтобы выбрать какое-нибудь очень общее положеніе психіатріи и затѣмъ подводитъ подъ него рядъ поступковъ По и рядъ выписокъ изъ его сочиненій. Невропаты въ дѣтствѣ отличаются тѣмъ, говорятъ психіатры, что они болѣзненно интересуются всѣмъ, принимаются за изученіе вещей, которыя имъ совершенно не подъ силу, рано пишутъ стихи и т. д. Одинъ изъ бывшихъ учителей Эдгара По говоритъ, что выдающейся чертой мальчика По была страстность и энтузіазмъ, съ которыми онъ принимался за всякое дѣло. Онъ всегда старался быть первымъ во всемъ, учился отлично, главнымъ образомъ благодаря рвенію и выдающимся способностямъ, писалъ стихи, ходившіе сперва по рукамъ товарищей и, наконецъ, составилъ сборникъ стиховъ, который имѣлъ намѣреніе печатать. Всѣ эти факты, довольно обыденные въ средѣ юношей, Lauvrière рассматриваетъ какъ ту невропатическую любознательность, о которой говорятъ психіатры. Юноша По влюбляется внезапно и страстно въ женщину, которая была значительно старше его. Вскорѣ послѣ того эта женщина умираетъ. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ послѣ ея смерти По посѣщаетъ ея могилу, часто по ночамъ, и, когда ночи холодны и мрачны, съ большимъ сожалѣніемъ покидаетъ кладбище; его терзаетъ мысль, что любимое имъ существо одиноко почиваетъ въ могилѣ среди непріятнаго мрака и мрачной непогоды. Для Lauvrière'а — это болѣзненная страсть. Платоническая любовь, которая должна была угаснуть со смертью любимой женщины, дѣлается, по его мнѣнію, любовью матеріальной. По страдаетъ съ мертвой, ему холодно, какъ ей, онъ придаетъ разлагающемуся трупу жизнь, ощущенія и это заставляетъ его посѣщать могилу по ночамъ — таковы объясненія Lauvrière'а. Онъ безъ затрудненія опредѣляетъ

эту тоску по умершей какъ некрофилическую эротоманію. Нѣтъ человѣка, который не посѣщалъ бы могилы близкаго, нѣтъ человѣка, который невольно и неотступно не чувствовалъ бы, что онъ относится къ умершему другу какъ къ существу живущему еще. Если все это признаки некрофилии, то добрая доля человечества, всѣ народы, имѣющіе культъ мертвыхъ, должны считаться некрофилами. Такая предвзятость мѣшаетъ автору оцѣнивать самыя трагическія положенія въ жизни По. Ни одно изъ всѣхъ несчастій американскаго поэта не можетъ сравниться съ его внутренне наступившей нищетой, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ былъ, въ концѣ-концовъ, всю жизнь писать въ журналахъ за самое ничтожное вознагражденіе и очень много. «Выбивать деньги изъ своего мозга по знаку хозяина,—вотъ что, по моему мнѣнію, составляетъ самую тяжелую работу на свѣтѣ», говоритъ По въ одномъ изъ своихъ писемъ. Онъ «выбивалъ» при этомъ ничтожныя деньги. Когда ему платили 15 долларовъ въ недѣлю, это казалось много. Lauthière, не понимая, видимо, къ чему могла привести По такая работа и какъ онъ долженъ былъ тяготиться ею, ставить ссоры съ издателями ему въ вину, видитъ въ нихъ не естественное желаніе огромнаго таланта выражать себя, вмѣсто того, чтобы составлять рекламы, что дѣлалъ По, а признаки больной неустойчивости его характера, больного неумѣнья приспособляться къ обстоятельствамъ.

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какъ зыбко строятся патологическіе выводы автора.

Въ концѣ-концовъ Lauthière стремился доказать, что первоначальное, наследственное вырожденіе Эдгара По развилось мало-по-малу подъ вліяніемъ нужды и эксцесовъ, въ родѣ циркулярнаго помѣшательства двойной формы. Періоды угнетенія соотвѣтствовали припадкамъ пьянства, а періоды возбужденія припадкамъ эротоманіи. Что По былъ пьяницей и умеръ, вѣроятно, отъ бѣлой горячки, это было извѣстно и до Lauthière'a; что касается эротоманіи, мы уже видѣли, какъ мало нужно біографу По, чтобы видѣть самыя ужасныя формы психозовъ во всѣхъ эпизодахъ жизни По. Что поэтъ часто увлекался встрѣчавшимися ему женщинами, что любовь его всегда носила весьма романтическій характеръ—изъ этого, по нашему мнѣнію, совсѣмъ еще не слѣдуетъ, что онъ былъ эротоманомъ.

Произведенія По разсматриваются авторомъ съ эстетической

и патологической точки зрѣнія. Launzière не можетъ не признать огромнаго таланта поэта и писателя. Въ поэзии По, по мнѣнiю Launzière'a, отличался необыкновенной музыкальностью стиха. Вдохновенiе его колебалось между экстазомъ и меланхолiей, и эти особенности его душевнаго склада критикъ приводитъ въ соотношенiе съ формой его душевной болѣзни. Въ фантастическихъ разсказахъ По страшное, возвышенное, больное и странное играютъ преобладающую роль, и все это связано всегда въ одно цѣлое несокрушимой логикой и огромнымъ литературнымъ мастерствомъ. Больная душа По выражается здѣсь въ выборѣ сюжетовъ, и Launzière склоненъ думать, что По пользовался главнымъ образомъ наблюденiями надъ самимъ собою. Литературная критика По грѣшитъ слишкомъ индивидуалистическимъ характеромъ, слишкомъ проникнута личными вкусами писателя.

Конечнымъ выводомъ изъ всего огромнаго труда должна быть мысль, что примѣръ По составляетъ доказательство близкаго сходства генiя съ психозомъ. Этотъ выводъ мы считаемъ совершенно недоказаннымъ. Можетъ считаться доказаннымъ развѣ совпаденiе, въ данномъ случаѣ, крупнаго литературнаго таланта съ болѣзненными наклонностями. Но совсѣмъ недоказано, что душевное разстройство служитъ источникомъ таланта, или даже явленiемъ, его непременно сопровождающимъ. Кто знаетъ, чѣмъ бы былъ По, если бы несчастныя обстоятельства его жизни, нищета и тѣ своеобразныя условiя литературной дѣятельности, при которыхъ ему приходилось работать, не довели бы его до пьянства и нервнаго, а, можетъ быть, и душевнаго разстройства. Ничто не мѣшаетъ предположить, что безъ этихъ печальныхъ элементовъ въ его жизни, онъ оставилъ бы человѣчеству нѣчто гораздо болѣе цѣнное и великое, чѣмъ его удивительныя произведенiя, гдѣ рядомъ съ блескомъ оригинальнаго ума и генiальнаго художника на каждомъ шагѣ встрѣчаются мертвыя точки ненужныхъ, сѣренькихъ, длинныхъ и смѣшныхъ, часто еще неуклюжихъ набросковъ. Для того, чтобы сродство между генiемъ и помѣшательствомъ могло считаться установленнымъ фактомъ, надобно доказать, что всѣ генiи—невроты, сумасшедшiе, пьяницы, люди вырождающiеся или извращенные. При этомъ доказывать ихъ патологическое состоянiе надобно клиническими изслѣдованiями на живыхъ, а не при помощи книжной мудрости. Если это доказать можно, тогда воскликнемъ—да здравствуетъ

безуміе! долой здоровье, свѣтлый умъ, покойная мысль. А пока можно только сожалѣть, что такіе великіе таланты, какъ Эдгаръ По, доведены были непосильнымъ трудомъ и трагическими условіями жизни до пьянства, опіума и разстройства умственныхъ способностей.

А. Баулеръ.

Über Willensfreiheit. Zwölf Vorlesungen von Wilhelm Windelband. V—VII + 224.

Недавно вышедшая книга Виндельбанда ставитъ своей задачей рѣшеніе вопроса о свободѣ воли и объ отношеніи между свободой и отвѣтственностью въ области права, морали и религіи. Вопросъ этотъ разсматривается Виндельбандомъ въ настоящемъ сочиненіи не въ первый разъ: въ извѣстномъ своемъ сборникѣ «Прелюдіи» (Переводъ со 2-го нѣм. изданія С. Франка. Спб. 1904), онъ касается его въ нѣсколькихъ статьяхъ, изъ которыхъ одна—«Нормы и законы природы»—даже всецѣло посвящена ему. Но проблема свободы и отвѣтственности разсматривается въ упомянутой статьѣ лишь какъ часть болѣе общаго вопроса о нормальномъ сознаниіи и потому рѣшеніе ея является слишкомъ общимъ и даже не совсѣмъ яснымъ, особенно для того, кто не вполне освоился съ духомъ критической философіи. Въ настоящемъ сочиненіи критическая точка зрѣнія автора получаетъ гораздо болѣе отчетливую формулировку (см. лекц. II) и сопоставляется съ другими точками зрѣнія—эмпирической и метафизической. Это сопоставленіе и даетъ Виндельбанду возможность обосновать свой взглядъ на свободу и отвѣтственность двоякимъ путемъ: отрицательнымъ, доказывая невозможность точекъ зрѣнія эмпирической и метафизической, и положительнымъ, объясняя, что свобода и отвѣтственность возможны лишь съ критической или трансцендентальной точки зрѣнія. Такой болѣе глубокой и всесторонней постановкой вопроса о свободѣ и оправдывается, какъ мы думаемъ, нижеслѣдующее сравнительно подробное изложеніе содержанія новой книги Виндельбанда.

Центръ тяжести изслѣдованія полагается Виндельбандомъ въ первомъ, т.е. чисто-теоретическомъ вопросѣ о свободѣ воли. Указавъ на многозначность терминовъ «свобода» и «воля», авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію наиболѣе типичныхъ значеній, которыя вкладывались обычнымъ и философскимъ сознаниемъ въ выраженіе «свобода воли». Въ цѣляхъ исчерпывающей полноты

этихъ значеній производится расчлененіе жизни воли на три момента: моментъ возникновенія хотѣнія, моментъ выбора между хотѣніями и, наконецъ, моментъ осуществленія выбраннаго хотѣнія. Этимъ общій вопросъ о свободѣ воли распадается на три частныхъ вопроса: о свободѣ хотѣнія, выбора и дѣйствія (лекція первая): Исслѣдованіе начинается съ болѣе простаго изъ нихъ, съ вопроса о свободѣ дѣйствія. Подъ свободой дѣйствія разумѣется возможность для человѣка дѣлать то, что онъ хочетъ. По мнѣнію автора такой свободой человѣкъ въ извѣстныхъ предѣлахъ дѣйствительно обладаетъ (лекція вторая). Переходя затѣмъ къ обсужденію вопроса о свободѣ выбора, авторъ подробно вскрываетъ условія возникновенія и механизмъ выбора. Выборъ возникаетъ тогда, когда въ сознаніи выступаетъ нѣсколько такихъ различныхъ хотѣній, которыя одновременно не могутъ быть осуществлены. При столкновеніи нѣсколькихъ—въ самомъ простомъ случаѣ двухъ хотѣній или мотивовъ—какой-нибудь изъ нихъ возьметъ верхъ. Его мы называемъ сильнѣйшимъ, чѣмъ и устанавливается аксіоматическое положеніе: въ борьбѣ мотивовъ побѣда принадлежитъ сильнѣйшему. Опредѣленіе силы мотивовъ можетъ быть, поэтому, дано лишь послѣ того, какъ выборъ между ними кончился. Чѣмъ незначительнѣе разница въ силѣ мотивовъ, тѣмъ продолжительнѣе и мучительнѣе становится выборъ. Этимъ ставится вопросъ: что произойдетъ, если сила одного мотива будетъ равна силѣ другого? Отвлеченно говоря, дѣйствіе въ такомъ случаѣ произойти не можетъ, такъ какъ если бы оно произошло, извѣстный мотивъ побѣдилъ бы своего соперника, слѣдовательно, согласно опредѣленію былъ бы сильнѣе послѣдняго, что противно допущенію равносильности данныхъ мотивовъ. Но что говоритъ опытъ? Подтверждаетъ ли онъ фактъ существованія *liberum arbitrium indifferentiae*—безмотивнаго рѣшенія воли? Сразу ясно, что опытъ не въ состояніи отвѣтить на вопросъ о томъ, что произойдетъ при столкновеніи двухъ равносильныхъ мотивовъ, такъ какъ о самой равносильности ихъ можно говорить лишь въ томъ случаѣ, если бы въ опытѣ были безспорные факты постоянно-продолжающагося выбора, чего на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ.

Но опытъ можетъ помочь въ рѣшеніи этого вопроса съ другой стороны: предположимъ, что мы имѣемъ хотѣніе, которое можно осуществить нѣсколькими способами, и наше сознаніе не

имѣть никакого мотива предпочесть какой-нибудь одинъ изъ этихъ способовъ. И однако хотѣніе тѣмъ или инымъ путемъ осуществляется. Сторонники безразличнаго (безмотивнаго) рѣшенія воли въ этихъ фактахъ видятъ подтвержденіе своего взгляда. Но стоить лишь немного вдуматься, чтобы видѣть несостоятельность такого объясненія фактовъ. Причина, почему человѣкъ прибѣгаетъ къ одному изъ равноцѣнныхъ для него способовъ осуществленія хотѣнія, заключается въ его физиологическомъ или психологическомъ механизмѣ. Когда я хочу достать какую-нибудь вещь, при чемъ для меня безразлично, достать ее правой или лѣвой рукой—и когда все-таки я достаю ее, положимъ, правой рукой,—причина этого движенія правой руки лежитъ не въ сознаніи, а въ *физиологической сторонѣ* организма. Когда меня просятъ сказать трехзначное число, то причина, почему я называю, наприм., число 347, заключается не въ какомъ-нибудь мотивѣ, а просто въ томъ, что по законамъ ассоціации при имени трехзначное число у меня всплыло въ сознаніи число 347, короче говоря, причина здѣсь лежитъ въ *психологическомъ* механизмѣ. Выборъ хотѣній не представляетъ, такимъ образомъ, фактовъ безмотивнаго рѣшенія воли, а факты изъ сферы выбора средствъ, повидимому говорящіе за эту безпричинность, на самомъ дѣлѣ объясняются совершенно иначе (лекція третья). Переходя къ характеристикѣ мотивовъ, между которыми происходитъ выборъ, Виндельбандъ дѣлитъ ихъ на *наличныя*, которые начинаютъ выборъ, и *постоянныя*, которые вступаютъ во взаимодействіе съ первыми, ослабляя, усиливая или снимая ихъ съ поля сознанія. Результатъ всякаго воздѣйствія опредѣляется свойствами воздѣйствующаго агента и свойствами той среды, на которую направляется воздѣйствіе. И въ каждомъ человѣкѣ есть относительно-постоянное ядро чувствъ и хотѣній, соотвѣтственно которымъ онъ и реагируетъ на вступающіе въ его сознаніе наличныя мотивы. Это относительно-постоянное ядро чувствъ и хотѣній называется характеромъ человѣка. *Свободой выбора и называется возможность для человѣка реашировать со всей энергіей своего характера на вступающіе въ его сознаніе мотивы.* Такой психологической свободой человѣкъ также иногда обладаетъ. Но при наличности аффекта, т.-е. при такомъ мотивѣ, который, вступивъ въ сознаніе, почти безъ колебанія склоняетъ на свою сторону волю, свобода выбора исче-

заетъ. Состояніе выбора при аффектѣ несвободно потому, что относительно-постоянное ядро человѣка въ этомъ случаѣ не имѣетъ возможности дѣйствовать на мотивъ. Напротивъ, выборъ подъ вліяніемъ страсти съ точки зрѣнія даннаго опредѣленія долженъ быть названъ свободнымъ, такъ какъ страсть, какъ упорядочившійся мотивъ, является уже второй природой человѣка, дѣлается его относительно-постояннымъ ядромъ (лекція четвертая и пятая). Тѣмъ не менѣе обыденное сознаніе называетъ человѣка несвободнымъ, когда его воля опредѣляется подъ вліяніемъ страсти. Этимъ выдвигается *новое* пониманіе свободы: свободной называется та воля, которая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ нравственнаго закона, подъ вліяніемъ нормы. Понятіемъ *нравственной* свободы вносится опредѣленное содержаніе въ характеръ человѣка: не всякое рѣшеніе, вытекающее изъ характера, признается свободнымъ, а лишь то, которое вытекаетъ изъ *нравственнаго* характера. Такимъ образомъ свобода нравственная и психологическая—понятія не противорѣчающія, а лишь *различныя*, и потому свобода нравственная можетъ то совпадать, то расходиться съ свободой психологической (лекція шестая). Но наибольшую трудность вопросъ о свободѣ воли пріобрѣтаетъ лишь въ третьей фазѣ—въ вопросѣ о свободѣ хотѣнія. Обусловлено послѣднее чѣмъ-нибудь или нѣтъ, и если обусловлено, то чѣмъ? Этимъ вопросомъ создается новое *метафизическое* понятіе свободы, которое выражается въ двухъ формахъ въ зависимости отъ того, признается ли свобода, т.-е. безпричинность за единичными, *наличными* мотивами, или же безпричиннымъ признается лишь характеръ человѣка, а всѣ реакціи его на вступающіе въ сознаніе мотивы считаются необходимыми. Правомѣрно ли это отрицаніе причинности прежде всего въ первой фазѣ, когда признаются безпричинными единичныя хотѣнія? Допущеніе безпричинности противорѣчитъ высшей предпосылкѣ современной науки, предпосылкѣ, при которой только и становится понятной природа, и *opus probandi* при отрицаніи закона причинности можно, поэтому, возложить на сомнѣвающихся въ ея всеобщемъ значеніи.

Таково возраженіе съ *теоретической* стороны. Если же думаютъ, что лишь при отрицаніи причинности возможна отвѣтственность, то легко показать, что допущеніемъ безпричинности отвѣтственность не только не спасается, но, напротивъ, для нея

совершенно не оказывается мѣста. Вѣдь безпричинное, это абсолютный случай, а тамъ, гдѣ событіе произошло совершенно случайно, было бы нелѣпо кого-нибудь винить за него. Итакъ, ни теоретическія соображенія не даютъ никакого права, ни практическія соображенія не даютъ никакого повода признать безпричинность за единичнымъ хотѣніемъ (лекціи седьмая и восьмая). Эмпирическая наука въ лицѣ статистики съ ея числовыми постоянствами лишь подтверждаетъ выводъ о невозможности принять безпричинное хотѣніе (лекція девятая). Но эмпирическая наука высказывается за причинность и опредѣляетъ ее не только по отношенію къ единичнымъ хотѣніямъ, она утверждаетъ ее и по отношенію къ самому характеру человѣка. Этимъ мы подходимъ къ разсмотрѣнію второй формы метафизическаго понятія свободы, по которой безпричиннымъ признается лишь характеръ, тогда какъ его реакціи на наличные мотивы считаются необходимыми. Вѣрная своей путеводной нити, эмпирическая наука въ лицѣ физиологіи и главнымъ образомъ психологіи отрицательно высказывается по отношенію къ этой формѣ метафизической свободы. Принимая во вниманіе показанія опыта относительно образованія и развитія характера, психологія вопреки метафизики утверждаетъ, во-первыхъ, измѣняемость характера, его лишь *относительное* постоянство, а во-вторыхъ, его производность подъ вліяніемъ непрерывно-идушихъ воздѣйствій. Вполнѣ признавая, что всякая реакція есть результатъ свойствъ воздѣйствующаго агента и свойствъ той среды, на которую направлено это воздѣйствіе, психологія по отношенію къ характеру такую первичную среду видитъ въ томъ, что называется темпераментомъ. На почвѣ темперамента, передаваемого ребенку вмѣстѣ съ его физиологической организаціей, начинается процессъ образованія характера. Такъ въ общихъ чертахъ высказывается по этому вопросу эмпирическая наука. Но помимо несогласія съ современной наукой принятію безпричиннаго субстрата препятствуетъ съ одной стороны невозможность мыслить его содержаніе, такъ какъ всякій вообще субстратъ представляется лишеннымъ какихъ бы то ни было эмпирическихъ свойствъ, а съ другой стороны, тѣ противорѣчія, къ которымъ неизбѣжно приводитъ это понятіе. Эти противорѣчія открываются какъ со стороны метафизики, такъ и со стороны теологіи. Никакая монистическая метафизика, ищущая единого, всеохватывающаго начала жизни,

не можетъ принять множественности разнородныхъ субстанціальныхъ центровъ. Въ свою очередь и геологія, понимая Бога, какъ Творца всего существующаго, не можетъ допустить этихъ безпричинныхъ субстанцій (лекція десятая). Точно такъ же отрицательно придется отнестись и къ ученію объ умопостигаемомъ характерѣ Канта, если только понять его метафизически, т.-е. въ томъ смыслѣ, что въ основѣ эмпирическаго характера лежитъ въ качествѣ его причины умопостигаемый, безпричинно-полагающій первый.

Противъ этого ученія съ одной стороны подымутся тѣ же самыя недоумѣнія и противорѣчія, которыя были отмѣчены выше при разсмотрѣніи 2-го вида метафизической свободы, а съ другой—сюда присоединятся еще спеціальныя затрудненія. Такъ, если эмпирической характеръ—только явленіе умопостигаемаго и представляетъ—какъ это свидѣтельствуемъ опытъ—величину измѣнчивую, иногда содержащую въ себѣ даже противорѣчія, то эти послѣднія необходимо мыслить и въ томъ внѣ временномъ актѣ, которымъ умопостигаемый характеръ полагаетъ эмпирической. Далѣе—если умопостигаемый характеръ понять какъ носитель нравственнаго закона, всегда тождественнаго самому себѣ, то придется допустить, что какъ умопостигаемый характеръ, такъ и его явленіе, эмпирической—должны быть одинаковы у всѣхъ субъектовъ, что совершенно расходится съ опытомъ. Итакъ, если мы не хотимъ отбросить кантово обоснованіе этики, то мы должны отказаться отъ метафизическаго пониманія отношенія между вещью въ себѣ и явленіемъ, какъ о двухъ реальностяхъ, стоящихъ другъ подлѣ друга, и понять его трансцендентально, т.-е. какъ два способа разсмотрѣнія, различно обоснованные и различно направленные. До сихъ поръ разсужденіе двигалось въ томъ предположеніи, что познаніе даетъ адекватный образъ дѣйствительности и наши приемы мысли соотвѣтствуютъ порядку вещей. Но это предположеніе совершенно невѣрно. Знаніе ставитъ себѣ извѣстную цѣль и въ зависимости отъ этой цѣли выбираетъ матеріаль и средства. Общіе законы существующаго суть лишь продуктъ выбирающей мысли, которая оперируетъ на основаніи категоріи причинности. Когда наука разсматриваетъ какой-нибудь предметъ,—ея задача—показать, какъ онъ по своимъ свойствамъ и отношеніямъ подчиненъ всеобщей связи вещей. Картина, получающаяся въ

результатъ такого научнаго изслѣдованія, есть созданіе теоретическаго разума, цѣнное для послѣдняго, но ничуть не претендующее ни на полноту, ни на адекватность изображенія. Но причинный способъ разсмотрѣнія міра—именно потому, что онъ лишь способъ разсмотрѣнія, не можетъ исключать другого способа, для котораго нѣтъ необходимости считаться съ предпосылками, цѣлями, формами и результатами перваго. Итакъ, возникаетъ вопросъ: есть ли иной способъ разсмотрѣнія міра?

Отвѣтъ ясенъ—такимъ инымъ способомъ является разсмотрѣніе его съ точки зрѣнія моральной цѣнности, подъ точкой зрѣнія нормы. При моральныхъ оцѣнкахъ обращается вниманіе лишь на отношеніе даннаго дѣйствія или характера къ нормѣ. Пусть мы сознаемъ, что человѣкъ поступилъ дурно въ силу характера, который цѣликомъ опредѣленъ средой, гдѣ жилъ и живетъ данный субъектъ—мы отъ этого не отказываемся отъ оцѣнки. И наоборотъ, если мы сознаемъ, что хорошій поступокъ совершонъ закономерно, мы не отказываемъ человѣку въ уваженіи. Заслуга Канта въ томъ и состоитъ, что онъ разрушилъ мнѣніе, будто теоретическое познаніе, опирающееся на категорію причинности, даетъ адекватный образъ дѣйствительности. Міръ теоретическаго разума есть лишь образъ, созданный подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія и съ извѣстной цѣлью. Наряду съ нимъ—совершенно независимый отъ него, стоитъ міръ практическаго разума, сфера моральныхъ оцѣнокъ. И только въ этомъ трансцендентальномъ смыслѣ можно принять ученіе Канта объ умопостигаемомъ и эмпирическомъ характерѣ (лекція одиннадцатая). Изслѣдованіе перваго—теоретическаго вопроса о свободѣ воли—закончено. Теперь, согласно намѣченному плану, авторъ переходитъ къ изслѣдованію втораго—практическаго вопроса объ отвѣтственности. Анализъ различныхъ формъ отвѣтственности показываетъ, что дѣло не идетъ здѣсь далѣе констатированія причинности вмѣняемаго субъекта. Какъ скоро доказано, что въ данномъ дѣйствіи проявился въ дурномъ или хорошемъ направленіи характеръ человѣка, такъ тотчасъ же и совершается оцѣнка. Такимъ образомъ для обоснованія существующихъ видовъ отвѣтственности достаточно лишь свободы психологической—свободы выбора. Личность отвѣтственна тогда и постольку, когда и поскольку въ дѣйствіи проявился ея характеръ. Но вопросъ углубляется и ставится въ такой формѣ: есть

ли разумное право дѣлать человѣка отвѣтственнымъ за его характеръ? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ признанія цѣнности нормъ. Люди призваны осуществлять въ жизни извѣстныя нормы,—и вотъ вмѣненіе и имѣетъ тотъ смыслъ, что посредствомъ него вводятся въ сознаніе субъектовъ нормы, отъ которыхъ они уклоняются. Этимъ опредѣляется и принципъ, устанавливающий высоту наказанія: послѣднее должно быть тѣмъ выше, чѣмъ цѣннѣе нарушенная норма (лекція двѣнадцатая). Въ предшествующемъ мы старались выяснитъ лишь логическій ходъ мысли Виндельбанда, вкратцѣ намѣтивъ рѣшеніе вопроса и главные аргументы. Но на ряду съ этимъ читатель найдетъ въ книгѣ немало второстепенныхъ аргументовъ, примѣровъ, ближе выясняющихъ мысль автора, историческихъ справокъ и т. д. Мысль автора, переходя отъ болѣе легкаго къ трудному, затрагивая самыя разнообразныя проблемы, движется очень логично; что же касается положительныхъ взглядовъ Виндельбанда, то едва ли, какъ намъ кажется, можно привести достаточно серьезныя возраженія противъ его утвержденія, что вопросъ о свободѣ воли—какъ постулатъ нравственности—не разрѣшимъ ни на эмпирической, ни на метафизической почвѣ и что признавать и отстаивать свободу воли возможно лишь съ трансцендентальной точки зрѣнія. И хотя, рѣшая вопросъ о свободѣ воли съ указанной точки зрѣнія, авторъ въ общемъ примыкаетъ къ такимъ блестящимъ толкователямъ Канта, какъ Германъ Когенъ и не даетъ въ этомъ отношеніи ничего существенно-новаго, тѣмъ не менѣе ознакомленіе съ разсмотрѣнной нами книгой Виндельбанда представляется весьма желательнымъ. Въ русской литературѣ нѣтъ еще, насколько намъ извѣстно, такого всесторонняго, глубокаго и въ то же время вполне доступнаго сочиненія о свободѣ воли. Къ сожалѣнію вышедшій въ Москвѣ переводъ книги Виндельбанда (пер. Рубинштейна, подъ редакціей В. М. Невѣжиной, изданіе И. И. Фондаминскаго, 1905 г.), хотя въ общемъ и можетъ быть, пожалуй, названъ удовлетворительнымъ, особенно если принять во вниманіе несовершенство нашей переводной литературы—обладаетъ однако и нѣкоторыми существенными недостатками. Читатель наталкивается иногда на фразы крайне-неясныя, напримѣръ: «Для насъ же связь обсужденій, которыя обращаются къ познаннымъ такимъ образомъ даннымъ со своими собственными принципами нормы, не прини-

мая въ соображеніе теоретическихъ постулатовъ, имѣеть значеніе по меньшей мѣрѣ такого же необходимаго и общеобязательнаго, въ существѣ разума обоснованнаго, способа разсмотрѣнія» (стр. 160), или на предложенія въ родѣ слѣдующаго: «Тотъ фактъ, что человѣкъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, въ чемъ было дѣло, такъ что такимъ образомъ» и т. д. (стр. 65). Наконецъ, попадаются даже совсѣмъ курьезныя выраженія, напримѣръ: «*Въ одинъ прекрасный день* (einmal) вопросъ о свободѣ воли въ той или другой формѣ встаетъ какъ личная проблема предъ мыслью каждаго серьезнаго человѣка» (стр. 1).

Мы слышали, что въ Петербургѣ вышли два другихъ перевода книги Виндельбанда. Но почему-то въ Москвѣ они не появляются. Быть можетъ, они будутъ лучше перевода г. Рубинштейна.

Но, несмотря на указанные недостатки, переводомъ г. Рубинштейна можно все-таки воспользоваться, особенно если имѣть въ виду важное значеніе книги Виндельбанда.

А. Бердниковъ.

Naturwissenschaft und Weltanschauung Eine Rede von Max Verworn. Zweite unveränderte Auflage. Leipzig. 1904.

Хотя общія философскія воззрѣнія М. Ферворна, изложенію которыхъ посвящена настоящая брошюра, вѣроятно уже извѣстны большинству русскихъ читателей — по его главному сочиненію «Общая физиологія», вышедшему въ 1897 году въ русскомъ переводѣ въ изданіи «Библиотеки для самообразования», тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ еще разъ остановить вниманіе читателей на тѣхъ принципиальныхъ положеніяхъ, которыя, по убѣжденію нашего автора, должны быть полагаемы въ основу всякаго истинно-научнаго міровоззрѣнія. Въ интересующей насъ рѣчи Ферворна мы находимъ не только въ высшей степени простое и ясное изложеніе его основныхъ философскихъ воззрѣній, но и весьма остроумную критику всѣхъ сдѣланныхъ до сихъ поръ попытокъ построить цѣльное естественно-научное міровоззрѣніе.

Свою рѣчь Ферворнъ начинаетъ съ анализа познавательнаго процесса. Этотъ анализъ приводитъ его къ выводу, что *міровоззрѣніе должно быть монистическимъ!* «объяснить, значитъ свести вещи къ единому принципу», и притомъ *этотъ «единый»*

принципъ» долженъ быть *извѣстенъ*, а *самое сведеніе свободно отъ гипотезъ*. Это логическимъ путемъ установленное положеніе и служить для Ферворна пробнымъ камнемъ при разсмотрѣніи различныхъ попытокъ построить міровоззрѣніе на естественно-научныхъ данныхъ.

Прежде всего Ферворнъ считается съ матеріализмомъ, который всѣ психическія явленія рассматриваетъ какъ функціи мозга. Но изъ движенія атомовъ кромѣ этого движенія ничего получить нельзя, и, такимъ образомъ, желаемого монизма матеріализмъ дать не можетъ. Не удовлетворяетъ Ферворна и теорія Геккеля, по которой каждый атомъ является до извѣстной степени одушевленнымъ, и различныя комбинаціи этихъ одушевленныхъ атомовъ образуютъ организмы, обладающіе душами различной сложности, вплоть до человѣка. Но такая теорія не рѣшаетъ вопроса, а только отодвигаетъ его, такъ какъ ничего не говоритъ объ отношеніи матеріальнаго и психическаго элементовъ въ отдѣльномъ атомѣ. Попытку Фехнера и Герберта Спенсера вернуться къ основнымъ началамъ міровоззрѣнія Спинозы и рассматривать «душу» и «тѣло», какъ двѣ «формы созерцанія» одной и той же субстанціи, авторъ также не считаетъ удачной, потому что «единный принципъ», къ которому здѣсь сводятся вещи—«субстанція»—есть величина неизвѣстная, и самое сведеніе, такимъ образомъ, основано на гипотезѣ. Остается еще энергетическое міровоззрѣніе, которое всѣ явленія природы рассматриваетъ какъ произведенія затрачиваемой энергіи. Но и оно не удовлетворяетъ вышеупомянутому требованію. Если психическія явленія рассматривать какъ обнаруженіе одной изъ *извѣстныхъ* намъ (т.-е. физико-химическихъ) формъ энергіи, то энергетическое міровоззрѣніе будетъ отличаться отъ матеріализма лишь своей формулировкой («атомъ» окажется замѣненнымъ «формой энергіи»); если же психическія явленія сводить къ *особой, неизвѣстной* формѣ энергіи,—какъ это дѣлаетъ Оствальдъ,—то монизмъ устанавливается лишь съ помощью гипотезы, которая къ тому же въ нашемъ опытѣ имѣетъ мало фактическихъ данныхъ для своего подтвержденія. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ сдѣланныхъ до сихъ поръ естествоиспытателями попытокъ построить міровоззрѣніе однѣ совѣтъ не приводятъ къ монизму, а другія, хотя и ведутъ къ нему, но въ качествѣ объясняющаго начала пользуются *неизвѣстнымъ* принципомъ.

И этотъ безнадежный результатъ вполне понятенъ. Всѣ эти попытки стремились дать рѣшеніе проблемы, которой въ дѣйствительности не существуетъ. Исходнымъ пунктомъ ихъ является представленіе о противоположности между психическимъ и «физическимъ» міромъ. Но все, что человѣкъ знаетъ о мірѣ тѣль, есть или ощущенія или комплексы ихъ. Слѣдовательно, для свободнаго отъ предубѣжденій ума весь физическій міръ строится изъ ощущеній, и вмѣсто дуализма, противоположности между физическимъ и психическимъ, получается такимъ образомъ «психомонизмъ». Психомонизмъ, какъ это легко видѣть, вполне удовлетворяетъ и тѣмъ требованіямъ, которыя по Ферворну логика предъявляетъ ко всякому научному міровоззрѣнію. «Все здѣсь сведено къ единому, которымъ является психика; единое намъ извѣстно, такъ какъ содержаніе психики дано намъ непосредственно; самое же сведеніе состоялось безъ какой-либо гипотезы». Что же касается естествознанія, то роль его сводится, очевидно, къ тому, чтобы на ряду съ психологіей привести въ порядокъ составныя части, изъ которыхъ въ нашемъ сознаніи слагается картина міра, и установить между ними взаимное отношеніе.

Таковы взгляды одного изъ выдающихся современныхъ физиологовъ. Съ этими взглядами, выраженными въ разсмотрѣнной нами рѣчи Ферворна весьма просто и ясно, не безынтересно будетъ, какъ мы думаемъ, познакомиться и болѣе широкимъ кругамъ русской читающей публики, такъ какъ среди ея значительной части, къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ господствуетъ ложный взглядъ, будто естествознаніе непременно ведетъ къ болѣе или менѣе матеріалистически-окрашенному міровоззрѣнію.

П. Р.

Гаральдъ Геффдингъ. Философскія проблемы. Переводъ съ нѣмецкаго Г. Я. Котляра. Москва. 1904 г. Ц. 50 к.

Въ этой небольшой, но весьма содержательной книжкѣ проф. Геффдингъ, хорошо знакомый русской публикѣ по переводамъ его «Психологіи», «Исторіи философіи» и «Этики», разсматриваетъ четыре основныя, по его мнѣнію, философскія проблемы: 1) проблему природы явленій сознанія; 2) проблему правильности познанія; 3) проблему природы бытія, и 4) проблему оцѣнки. Онъ показываетъ, что эти четыре проблемы возможно свести

къ одной основной, что во всѣхъ нихъ мы имѣемъ лишь въ различныхъ формахъ и примѣненіяхъ одну и ту же основную проблему.

Такъ, проблема сознанія необходимо указываетъ уже на проблему бытія и познанія, и хотя психологія есть вполнѣ самостоятельная наука, однако разрѣшеніе ея послѣднихъ, предѣльныхъ вопросовъ стоитъ, по убѣжденію автора, въ тѣсной и необходимой связи съ разрѣшеніемъ основныхъ проблемъ въ другихъ областяхъ знанія. Съ другой стороны, тѣ или другія гносеологическія положенія всегда опредѣляютъ наши онтологическія воззрѣнія. То же нужно сказать и о связи другихъ проблемъ.

Такимъ образомъ всѣ четыре проблемы указываютъ на одну основную, безъ которой онѣ не могутъ быть поняты, и главное вниманіе Геффдинга обращено именно въ эту сторону. Геффдингъ указываетъ на необходимую діалектику нашего сознанія, когда оно мыслить послѣднее единство, на тѣ противорѣчія, въ которыхъ оно запутывается, полагая безусловное. Мы необходимо стремимся къ извѣстному единству, часть можетъ быть понята нами только изъ цѣлага. Но это единство никогда не можетъ быть достигнуто, такъ какъ само цѣлое познается изъ частей и анализъ его никогда не можетъ быть законченнымъ. Мы, съ одной стороны, открываемъ все болѣе тѣсную связь между даннымъ намъ многообразнымъ, а, съ другой, это многообразное распадается на все болѣе мелкія части. Такъ возникаетъ основная антиномія между «непрерывностью» и «прерывностью» явленій. Эту основную антиномію Геффдингъ подробно развиваетъ затѣмъ въ обсужденіи каждой изъ вышеупомянутыхъ проблемъ, черезъ что все его сочиненіе получаетъ внутреннюю связь и единство. На ряду съ этимъ идетъ живая содержательная полемика по различнымъ вопросамъ съ представителями современной философской мысли, Авенариусомъ, кантіанцами и др.

Какъ видно изъ указаннаго содержанія, основная мысль разсматриваемаго сочиненія неоригинальна. Въ извѣстномъ смыслѣ Геффдингъ повторяетъ то, что было высказано уже Кантомъ въ положительной части его трансцендентальной діалектики. Идеи разума должны объединить разрозненные правила опыта, но это единство въ дѣйствительности остается только «проблемой», идеаломъ, къ которому мы постоянно стремимся безъ надежды когда-либо его достигнуть, идеи эти имѣютъ, слѣдовательно,

только регулятивное значеніе, однако при научномъ творчествѣ мы всегда, по крайней мѣрѣ гипотетически, должны исходить изъ извѣстнаго единства, и самое регулятивное примѣненіе идей оказывается возможнымъ только благодаря нѣкоторому, неизбѣжно подразумѣваемому конститутивному значенію ихъ. (Подробнѣе объ этомъ см. Кантъ «Кр. Чис. Раз.», приложение къ трансцендентальной діалектикѣ.)

Но если, такимъ образомъ, основная идея Геффдинга и не оригинальна, то сочиненіе его представляетъ тѣмъ не менѣе несомнѣнный интересъ и должно быть рекомендовано всякому, кто пожелалъ бы составить себѣ ясное представленіе о состояніи современныхъ философскихъ проблемъ. Главная заслуга Геффдинга заключается въ томъ, что онъ снова энергично указываетъ на внутреннюю діалектику нашего сознанія,—фактъ, который современными изслѣдователями нерѣдко забывается или игнорируется. Въ настоящее время, когда наблюдается тенденція къ единству міросозерцанія, всякое обсужденіе проблемъ, связанныхъ съ такимъ стремленіемъ, можетъ быть только желательнымъ.

Переводъ г-на Котляра, хотя и не отличается литературными достоинствами, въ общемъ сдѣланъ болѣе или менѣе удовлетворительно.

А. Топорновъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Библіотека для семьи и школы. Изд. ред. «Дѣтское чтеніе» и «Педагогическій Листокъ»:

Картинки изъ японской жизни. Сост. Е. Н. Тихомирова. Ст. 54. Ц. 15 к.

Черезъ Алтай и Памиръ. Очерки путешествій по Памиру Тагъева-Рустамъ-Бекъ. Ст. 42. Ц. 15 к.

Державный вождь земли Русской Императоръ Петръ Великій. Составилъ Д. И. Тихомировъ. Ст. 331. Ц. 60 к.

Весенніе гости. Стихотворенія Бѣлоусова. Ст. Ц. 25 к.

Вильгельмъ Виндельбандъ. О свободѣ воли. Двѣнадцать лекцій. Перев. съ нѣм. М. М. Рубинштейна подъ редакціей В. Невъжиной. Москва, 1905. Ст. II+177. Ц. 1 р. 15 к.

Вопросы философіи, кн. 76.

Проф. В. Виндельбандъ. Прелюдіи. Философскія статьи и рѣчи. Перев. со 2-го нѣм. изд. С. Франка. Спб., 1904. Ст. IV+374. Ц. 1 р. 60 к.

П. И. Вознесенскій. Къ исторіи идеализма. Часть I. Объ источникахъ философіи Мальбранша. Спб., 1904. Ст. 68.

Н. П. Волковъ. Джорджъ-Генри Льюисъ. Біографическій очеркъ съ портретомъ. Владикавказъ, 1904. Ст. 27. Ц. 15 к.

К. Жановъ. Теорія перемѣннаго и предѣла въ гносеологіи и въ исторіи познанія. Спб., 1904. Ст. 164. Ц. 1 р.

Изданія редакціи журналовъ „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“:

Элиза Ожешкова. Юльянка. Перев. съ польскаго В. Лаврова. Ст. 94. Ц. 15 к.

Н. П. Дружининъ. Волостной сходъ. Ст. 92. Ц. 25 к.

В. М. Лавровъ. Что красить жизнь. Разказы Виктора Гомулицкаго и Яна Лады. Ст. 88. Ц. 30 к.

А. Рождественская. Тито. Исторія луговой волчицы. Э. Сэтонъ-Томсона. Съ англ. Ст. 71. Ц. 25 к.

А. Алтаевъ. Маленькимъ дѣтямъ. Разказы о животныхъ. Ст. 62. Ц. 30 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Сударь Пантелей-Свѣтъ Ивановичъ. Ст. 23. Ц. 7 к.

В. М. Лавровъ. Дѣти артисты (Яна Лады, Винцента Косякевича, Габріеллы Запольской, Антони Антецкаго). Съ польск. Ст. 64. Ц. 20 к.

П. А. Россіевъ. Гнѣздо орловъ. Путевыя впечатлѣнія въ Черногоріи. Ст. 68. Ц. 25 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Былинки. Ст. 56. Ц. 40 к.

Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ. Княжой отрокъ. Ст. 191. Ц. 50 к.

Нуно-Фишеръ. Исторія новой философіи. Т. III. Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Перев. съ нѣм. Н. Н. Полилова. Спб., 1905. Ст. 735. Ц. 4 р.

Освальдъ Кюльпе. Очерки современной германской философіи. Спб., 1905. Ст. 142. Ц. 65 к.

П. А. Некрасовъ. Московская философско-математическая школа и ея основатели. Москва, 1904. Ст. IV+249.

Отчетъ педагогическаго Общества при Московскомъ университетѣ за 1903—1904 г. Москва, 1904.

Прекрасное, какъ предметъ подражанія и двигатель культуры. Новое объясненіе вопросовъ эстетики. Ц. 50 к. Спб. 1905. Стр. 31.

Сборникъ работъ по невропатологіи и психіатріи, посвященный профессору И. А. Сикорскому его учениками по случаю тридцатипятилѣтія его врачебно-научной дѣятельности (1869—1903). Кіевъ, 1904. Ст. 471.

Проф. И. А. Сикорскій. Всеобщая психологія съ фізіогномикой въ иллюстрированномъ изложеніи. Кіевъ, 1905. Ст. 574. Ц. 5 р.

Н. Страховъ. Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и фізіологіи. Кіевъ, 1904. Ст. XII+238. Ц. 1 р.

Л. Шестовъ. Апоеозъ безпочвенности. Спб., 1905. Ст. 285. Ц. 1 р. 50 к.

Р. Эмъ. Къ вопросу о старости и смерти. Ч. I. Екатеринославъ, 1904. Ст. VII+58. Ц. 70 к.

Энциклопедическій словарь. Томъ XLI^a. Яйцепроводъ—V. Издатель Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Спб., 1904.

И. И. Оминъ. Введеніе въ исторію философіи. Москва, 1905. Ст. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Обзоръ журналовъ.

Revue philosophique за 1904 г. №№ 1—5.

D-r E. Tardien. «Le cynisme: étude psychologique».

Останавливаясь на психологическомъ анализѣ цинизма, авторъ указываетъ его основу—эгоизмъ, и метафизической его подкладкой называетъ трансцендентную безнравственность природы, для которой не существуетъ ни справедливости, ни несправедливости, и — жизни, получаемой при помощи какого-то слѣпого акта.

Перебравъ нѣкоторыхъ теоретиковъ цинизма, какъ-то: Ларошфуко, Шопенгауэра, Ренана, Стендаля, Макса Штирнера и Ницше, авторъ перечисляетъ тѣ черты характера, къ которымъ приобщается цинизмъ. Таковыми, по его мнѣнію, служатъ: сила, месть побѣжденнаго, злоба, чувственность, страсть, вульгарность природы, подлость. Можно быть циникомъ по темпераменту — это люди безчувственные. Наконецъ, цинизмъ можетъ быть въ качествѣ врожденнаго свойства принадлежностью цѣлой семьи.

Анализъ заканчивается разсмотрѣніемъ различныхъ проявленій цинизма: коллективный цинизмъ, цинизмъ господъ, рабовъ, цинизмъ въ бракѣ, въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, въ службѣ и пр. и пр., изъ чего видно, какъ чувство это проникаетъ во всю нашу жизнь.

Xénopol. «Le caractère de l'histoire».

Исторія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, излагающая развитіе міра въ его цѣломъ, имѣетъ дѣло съ явленіями индивидуальными по отношенію къ времени, т.-е. не повторяющимися во времени, хотя они могутъ быть общими и даже универсальными въ отношеніи распространенности въ каждую данную эпоху.

Возраженія г. Лакомба на эту концепцію исторіи отчасти

объясняются другимъ пониманіемъ съ его стороны термина «индивидуальный». Мало того, исторія, по его мнѣнію, должна образовать систему общихъ концептовъ совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ естественныя науки.

Между тѣмъ, теоретическія науки, изслѣдуя явленія, повторяющіяся во времени, устанавливають законы, всегда и всюду управляющіе этими явленіями; историческія же, — изслѣдуя постепенное развитіе индивидуальныхъ явленій, никогда не повторяющихся совершенно тождественнымъ образомъ во времени, если и формулируютъ общія идеи, то не въ видѣ законовъ, а въ видѣ серій индивидуальныхъ фактовъ; и хотя социологи пытались найти законы развитія, управляющіе этими сериями, но для того, чтобы попытки ихъ увѣнчались успѣхомъ, нужна тождественность серій, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Законы развитія формулируютъ лишь то, что неизмѣнно повторяется въ исторіи, между тѣмъ какъ сущность развитія состоитъ именно въ измѣненіи, а потому законы развитія не представляютъ большой цѣнности въ исторіи. Что же касается явленій, повторяющихся во времени, то въ нихъ насъ интересуетъ не видоизмѣненіе индивидуальныхъ фактовъ, а формулированная закономъ общая ихъ сущность.

F. Le Dantec. «La logique et l'expérience».

Разсматривая логику, какъ послѣдовательный результатъ родового опыта и подтверждая свою мысль ссылками на математику, авторъ избираетъ своей исходной точкой взгляды математиковъ Poincaré и Freycinet.

J. H. Leuba. «A propos de l'érotomanie des mystiques chrétiens».

Нѣсколько словъ возраженія на статью Brenier de Montmorand ¹⁾, критикующаго взглядъ автора на христіанскихъ мистиковъ.

P. Fauconnet. «La morale et les moeurs d'après M. Lévy-Brühl».

Критическій обзоръ.

Kozlowski. «L'évolution comme principe philosophique du devenir».

Идея эволюціи содержитъ въ себѣ три элемента: 1) допущеніе

¹⁾ R. phil. 1903 г. № 10.

не непрерывной смѣны міровыхъ состояній, 2) ея механической и причинный характеръ, 3) определенное направленіе измѣненій и слѣдовательно предѣлъ, достигаемый въ определенное или неопределенное время.

Идея измѣненій цѣлаго, выраженная принципомъ эволюціи, не должна быть смѣшиваема съ измѣнчивостью явленій въ предѣлахъ нашего эмпирическаго сознанія, неподчиненной определеннымъ законамъ.

Идея эволюціи возникаетъ одновременно съ философіей. Она содержится уже въ системѣ Анаксимандра, повторяясь и развиваясь въ концепціяхъ философовъ и ученыхъ послѣдующихъ вѣковъ вплоть до XIX вѣка, т.-е. до возникновенія системъ Канта и Лапласа и, въ болѣе специальномъ примѣненіи къ органическому міру — теорій Ламарка, Дарвина и др. Идеи древнихъ по этому вопросу рѣзко отличаются отъ современныхъ теорій, такъ какъ онѣ наряду съ эволюціей допускаютъ возможность инволюціи или возвращенія къ первоначальному состоянію. Современные же теоріи говорятъ объ одномъ только направленіи эволюціи, выводя этотъ законъ въ качествѣ логическаго слѣдствія изъ апріорныхъ постулатовъ и облачая его въ математическую форму.

Причина разногласія заключается въ томъ, что новымъ вѣкамъ присуща идея безконечности, между тѣмъ какъ древніе считали міръ ограниченнымъ въ пространствѣ.

Принципъ эволюціи служитъ фундаментомъ для цѣлой серіи гипотезъ относительно совершающагося въ міровомъ цѣломъ, играя такимъ образомъ роль принципа сохранения энергіи въ физикѣ и вѣчности матеріи въ химіи.

G. Batault. «L'hypothèse du «retour éternel» devant la science moderne».

Гипотеза «вѣчнаго возвращенія», въ зачаточномъ видѣ формулированная еще древними, составляетъ главнымъ образомъ достояніе XIX вѣка и находитъ особенно яркое выраженіе у Ницше.

Гипотеза эта покоится на современной концепціи матеріи, исходя изъ понятія атома. Логичность ея основывается: 1) на четырехъ современныхъ теоріяхъ безконечно малыхъ величинъ (безконечно-малыя въ математикѣ, химическій атомъ, біологическая протоплазма, физическій электронъ) и 2) на математическихъ сочетаніяхъ.

P. Larie. «Expériences sur l'activité intellectuelle».

На основаніи экспериментальныхъ данныхъ авторъ пытается дать себѣ отчетъ: 1) въ какихъ случаяхъ умъ нашъ не довольствуется даннымъ ему матеріаломъ и проявляетъ свою активность и 2) какое направленіе принимаетъ тогда мысль. И то, и другое объясняется причинами интеллектуального характера.

Отвѣтъ на первый вопросъ таковъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда при содѣйствіи эмоціи объектъ всецѣло овладѣваетъ сознаниемъ или же вниманіе поглощается какой-нибудь частью даннаго и въ сознаниіи механически возникаетъ одна изъ ассоціированныхъ съ ней идей—въ обоихъ случаяхъ умъ остается пассивнымъ.

Что касается направленія мысли въ случаяхъ проявленія активности,—оно исчерпывается слѣдующими тремя видами категорій: описательными или сравнительными, объяснительными или регрессивными, телеологическими или прогрессивными, и ближайшимъ образомъ обусловливается, какъ показываютъ опыты, пунктомъ наименьшаго знанія.

G. Dumas. «Saint-Simon, père du positivisme».

Авторъ хочетъ показать, что истиннымъ родоначальникомъ позитивизма, противно мнѣнію позитивистовъ, долженъ считаться Сень-Симонъ, и для доказательства вліянія Сень-Симона на Конта, рассматриваетъ прежде всего личныя отношенія обоихъ философовъ, начавшіяся въ 1817 г. Около 1820 года въ своихъ трудахъ изъ области политики, Контъ — послушный ученикъ Сень-Симона, излагающій мысли учителя.

Въ области науки, по вопросамъ специальнымъ, за невѣжествомъ Сень-Симона, Контъ свободенъ отъ его вліянія, но въ сферѣ общихъ идей всецѣло подчиняется ему. При полномъ сходствѣ во взглядахъ, они различаются методомъ: Сень-Симонъ даетъ волю воображенію, Контъ же провѣряетъ свои построенія непоколебимой логикой и въ нѣкоторыхъ пунктахъ расходится съ учителемъ.

Таково положеніе вещей до 1824 г., когда дружныя отношенія обоихъ философовъ смѣняются враждебными, и Контъ, ревниво защищая свою оригинальность и славу, начинаетъ отрицать пережитое по собственнымъ его словамъ благотѣльное вліяніе и ополчается противъ учителя. Между тѣмъ обзоръ его ученія послѣ 1824 и вплоть до 1853 года удостовѣряетъ глубокое тожество контизма и сенсимонизма, проявляющееся не только

въ основныхъ принципахъ и построеніи обѣихъ системъ, но и въ пережитой обоими ученіями эволюціи. Кромѣ того, можетъ быть проведена аналогія въ складѣ ума и характера обоихъ мыслителей.

Такимъ образомъ, Контъ не оригиналенъ, но онъ блистательно выполнилъ намѣченную учителемъ программу и, благодаря многимъ своимъ качествамъ, далеко оставилъ его позади себя.

Brenier de Montmorand. «Ascétisme et mysticisme: étude psychologique».

Аскетизмъ съ точки зрѣнія христіанства есть совокупность терапевтическихъ приѣмовъ, направленныхъ къ тому, чтобы нравственно себя очистить.

Первый моментъ аскетическаго метода—это умерщвленіе плоти и умерщвленіе души, т. е.—разума, памяти и воли (путемъ послушанія и смиренія). Окончательное очищеніе души и заполненіе ея новымъ содержаніемъ зависятъ исключительно отъ Бога и составляютъ второй моментъ аскетическаго метода.

Существуютъ цѣлая аскетическая гимнастика и гигиѣна. Подобными упражненіями являются: контроль надъ своей совѣстью и размышленіе (на заранѣ установленную тему).

Существуетъ тѣсная связь между аскетизмомъ, какъ процессомъ психологическаго «упрощенія» и «мистическимъ состояніемъ», заключающимся въ прогрессивномъ суженіи поля сознанія вплоть до окончательнаго моноидеизма: въ каждомъ мистикѣ скрывается аскетъ. Большинство современныхъ психологовъ видятъ въ аскетизмѣ мистиковъ признакъ патологическаго состоянія.

Между тѣмъ, стремленіе къ единству не есть непремѣнно патологическое явленіе и, кромѣ мистика, отличаетъ еще и ученаго, мыслителя, художника и даже дѣятеля. Нельзя также называть аскетизмъ синонимомъ эгоизма и лѣни: мистики не отдѣляютъ любовь къ ближнему отъ любви къ Богу; созерцаніе у нихъ не только не исключаетъ дѣятельности, но подготавливаетъ и опредѣляетъ ее.

Cantecor. «La science positive de la morale».

Позитивная наука о нравственности возстаетъ противъ традиціонной теоретической нормативной морали. Моральная наука становится физикой нравовъ, при чемъ одни позитивисты признають, другіе отрицають ея практическое значеніе.

Данная концепція, въ неясныхъ очертаніяхъ намѣченная Вундтомъ, подробно развита въ сочиненіяхъ Леви-Брюля и Дюркгейма. Доктрина этого послѣдняго, не въ примѣръ прочимъ, отличается послѣдовательностью.

Источникомъ указанной концепціи служатъ историзмъ въ Германіи и позитивизмъ во Франціи, въ свою очередь коренящіеся въ особыхъ предрасположеніяхъ и направленіяхъ мысли, одно изъ которыхъ можетъ быть названо духомъ позитивизма.

Становясь позитивной наукой, мораль совершенно преобразуется: она исключаетъ изъ своей области практическіе вопросы и апріорные принципы. Эта перемѣна совершается съ того момента, какъ только философы, бросивъ изученіе челоуѣка, приступили къ изученію челоуѣчества.

Позитивная мораль входитъ въ составъ контизма, доктрины съ болѣе общими положеніями, хотя и стремится отъ него освободиться.

Вслѣдствіе неизбѣжности рефлексіи и соединенныхъ съ ней метафизическихъ постулатовъ, остается признать, что на ряду съ физикой нравовъ имѣетъ полное право на существованіе мораль теоретическая, основанная на принципахъ *a priori*.

G. Milhaud. «Les principes des mathématiques d'après M. Russel». Критическій обзоръ сочиненія г. Русселя.

L. Dauriac. «Le testament philosophique de Renouvier».

Критическій разборъ философскаго завѣщанія Ренувье или его космогоніи и космологіи, соединенныхъ въ одинъ томъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Le Personnalisme suivi d'une étude sur la perception externe et sur la force».

Критикъ раскрываетъ сущность доктрины персонализма и его постулатовъ, особенно отмѣчая занимавшую Ренувье проблему зла въ мірѣ, для разрѣшенія которой Ренувье обращался къ священному писанію и первымъ греческимъ теологамъ—подобно Шопенгауэру, опиравшемуся для разрѣшенія того же вопроса на священныя книги индусовъ.

F. Rauh. «Science et conscience».

Авторъ находитъ, что г. Levy Brühl въ своемъ сочиненіи «Morale et la science des moeurs»—изъ области социологіи,—проглядѣлъ отношенія социальной идеи или совѣсти къ социальной дѣятельности, между тѣмъ какъ современная социологія выдвигаетъ именно роль коллективной совѣсти въ образованіи обществъ.

Между социологіей и метафизикой нравовъ окажется, по мнѣнію автора, мѣсто и для позитивной морали или экспериментальнаго изученія идеальнаго типа дѣйствій.

A. Rey. «Les principes philosophiques de la chimie physique».

Критическій обзоръ сочиненія J. Perrin — *Traité de chimie physique: les principes.*

A. Naville. «De la vérité: remarques logiques».

Тезисы автора таковы:

1. Съ логической точки зрѣнія, противно установившемуся широкому словоупотребленію обыденной рѣчи, истина есть не что иное, какъ особый характеръ мысли, одной только мысли (такъ, напримѣръ, строго говоря, фактъ не можетъ быть истиннымъ, а только реальнымъ).

2. Характеръ этотъ пріобрѣтается мыслью въ зависимости отъ извѣстныхъ отношеній къ объектамъ.

3. Истина можетъ быть опредѣлена, какъ согласіе, сходство мысли съ объектомъ—въ томъ случаѣ, если объектъ есть тоже мысль. Это абсолютная истина или абсолютное знаніе.

4. Въ остальныхъ случаяхъ она состоитъ въ извѣстномъ отношеніи воспримчивости. Это истина относительная.

B. Bourdon. «La perception de la verticalité de la tête et du corps».

На основаніи экспериментовъ, произведенныхъ при разнообразныхъ условіяхъ, съ помощью сложнаго аппарата, авторъ приходитъ къ заключенію, что лабиринтъ не заключаетъ въ себѣ органа для чувства пространства.

Противное утвержденіе не согласовалось бы съ слѣдующими полученными наблюденіями:

1. Воспріятіе наклона корпуса при такомъ же наклонѣ головы отличается большей тонкостью, чѣмъ воспріятіе наклона головы при вертикальномъ положеніи корпуса.

2. При наклонѣ корпуса въ 10^0 положеніе головы кажется вертикальнымъ, несмотря на маленькій наклонъ въ одномъ направленіи съ корпусомъ.

3. Воспріятіе наклона корпуса становится менѣе тонкимъ съ иммобилизаціей корпуса (т. к. она до нѣкоторой степени парализуетъ ощущенія въ ногахъ).

Ощущенія, дающія намъ знать о вертикальномъ или наклонномъ положеніи головы или корпуса, могутъ быть ощущеніями

кожи, мускуловъ, сухожилій, связокъ, сочлененій, ощущеніями давленія, напряженія, тяжести, растяженія кожи.

H. Piéron. «La conception générale de l'association des idées et les données de l'expérience».

Цѣль автора положить основаніе для новой концепціи ассоціаціи идей взаимѣнь устарѣвшей шотландской и противъ концепціи «потока сознанія». Она подвергаетъ разсмотрѣнію слѣдующіе пункты:

1. Вопросъ о существованіи ассоціативныхъ цѣпей. 2. Зависимость ассоціацій отъ субъекта, среды, случайныхъ вліяній. 3. Столкновеніе нѣсколькихъ ассоціативныхъ путей. 4. Перерывы и кажущіеся скачки ассоціаціи.

Указывая на необходимость построенія новой теоріи, авторъ высказываетъ свои соображенія по поводу 1) природы и механизма ассоціацій и 2) законовъ ассоціацій.

Vaschide. «De la conscience des agonisants».

Въ краткой замѣткѣ авторъ сообщаетъ фактъ, подмѣченный во время наблюденій надъ умирающей эпилептичкой, не позволяя себѣ однако изъ него никакого вывода: четыре минуты тридцать три секунды послѣ того, какъ имъ было зарегистрировано послѣднее издыханіе,—обращеніе подруги, произнесенное громко на ухо скончавшейся четыре раза подъ рядъ, вызвало всѣ четыре раза легкое подергиваніе вѣкъ, между тѣмъ какъ было констатировано полное отсутствіе дыханія и сердцебиенія, а примѣненное вслѣдъ за этимъ искусственное дыханіе не привело ни къ какимъ результатамъ.

Brunschwigg. «Vers le positivisme absolu par l'idéalisme» de L. Weber.

Критическій обзоръ.

В. Волковичъ и З. Столица.

Rivista filosofica. Январь-іюнь 1904 г.

Cantoni. *Априорность пространства въ критической философіи Канта.*

Кантони полагаетъ, что ученіе Канта о пространствѣ при первомъ взглядѣ можетъ показаться самопротиворѣчащимъ, но въ сущности оно имѣетъ весьма твердое основаніе. Ошибки Канта имѣютъ свой источникъ въ общемъ состояніи современной ему науки: такъ, на психологію Кантъ вообще обращаетъ мало вни-

манія и, напр., не различаетъ понятій a priori и a posteriori въ смыслѣ психологическомъ отъ тѣхъ же понятій въ смыслѣ логическомъ; а Кантони считаетъ это различіе чрезвычайно важнымъ. Самопротиворѣчивость въ пониманіи пространства въ томъ именно и заключается, что у Канта пространство имѣетъ въ одно и то же время характеръ субъективный (какъ форма нашего познанія) и объективный (какъ форма ощущеній, получаемыхъ нами извнѣ). Пользуясь данными современной психологии, Кантони исправляетъ эту неточность, приписывая понятію пространства характеръ преимущественно субъективный, ибо и самая объективация, самое приложеніе понятія пространства къ вещамъ дается нашимъ разумомъ; ощущенія же сами по себѣ суть элементъ наименѣе объективный. Дѣйствительно, изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ только зрѣніе и осязаніе даютъ намъ ощущенія пространства, и въ этомъ-то пространствѣ нашъ разумъ и помѣщаетъ всѣ объекты, т.-е. всѣ данныя остальныхъ нашихъ ощущеній, которыя, такимъ образомъ, оказываются чистыми интуиціями въ Кантовомъ смыслѣ.

Слѣдовательно, неясность въ пониманіи Кантомъ пространства объясняется тѣмъ, что онъ упустилъ изъ виду вліяніе интеллекта на наши ощущенія, даже на зрительныя, которыя, какъ полагаетъ Кантони, не могли бы имѣть своего теперешняго значенія, если бы не получали помощи отъ самого познающаго разума.

Sacchi. *Имморализмъ Ницше въ критикѣ Фулье.*

Все ученіе Ницше о нравственности, съ его раздѣленіемъ морали на мораль господъ и мораль слугъ, съ его проповѣдью господства силы и уничтоженія всего слабаго,—проникнуто горячей ненавистью къ христіанству и, въ особенности, къ ученію о милосердіи, о состраданіи къ ближнему. Но Fouillée въ своей книгѣ *Nietzsche et l'immoralisme* показываетъ неосновательность этой ненависти, приводя множество примѣровъ состраданія, любви къ ближнему и прочихъ высоко-человѣчныхъ чувствъ въ эпоху до-христіанскую, особенно въ греческой трагедіи и въ философіи послѣдняго періода. Другая мысль Fouillée та, что Ницше вовсе не стоитъ одиноко въ ряду прочихъ философовъ, какъ полагаютъ его почитатели, но имѣетъ многихъ предшественниковъ и въ древнемъ, и въ новомъ мірѣ: таковы Протагоръ и другіе софисты, которые отрицали различіе между добромъ и

зломъ, и Гераклитъ, отрицавшій даже самое существованіе дѣйствительнаго міра; изъ современныхъ философовъ къ Ницше наиболѣе близокъ Гюйо, который сводитъ мораль къ исполненію одного изъ законовъ природы, забывая, что природѣ вовсе нѣтъ дѣла до различія между добромъ и зломъ. Въ заключеніе Fouillée характеризуетъ все міровоззрѣніе Ницше, какъ послѣдовательное, неумолимое отрицаніе, но Sacchi прибавляетъ, что сила Ницше вовсе не въ отрицаніи, въ которомъ онъ имѣетъ столь многихъ предшественниковъ, а въ его способности, проникшись чужими идеями, изложить ихъ съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ и съ такимъ поэтическимъ талантомъ, что онѣ совершенно овладѣваютъ вниманіемъ читателя и заставляютъ забывать, что принципы Ницше легко могутъ быть не только оспариваемы, но и совершенно уничтожены.

Piazzi. *Еще о средней школѣ.*

Возраженія Piazzi на статьи Gentila о задачахъ средней школы сводятся къ слѣдующему: 1) что педагогическіе вопросы нельзя разсматривать только рационалистически, а необходимо считаться съ условіями мѣста и времени; 2) что и въ средней школѣ должна быть значительная доля свободы въ выборѣ изучаемыхъ предметовъ, потому что возможность сообразоваться со своими наклонностями сильно содѣйствуетъ успѣшности изученія, и 3) что вовсе не желательно сосредоточеніе всего дѣла просвѣщенія въ рукахъ государства, которое не можетъ не быть одностороннимъ въ составленіи программъ.

Juvalta. *Ученіе Спенсера о двухъ этикахъ.*

Juvalta разсматриваетъ вопросъ объ идеалѣ, который должна указывать этика, какъ нормативная наука. Цѣлью нашихъ естественныхъ стремленій является такое состояніе, при которомъ всѣ наши желанія удовлетворены, и мы совсѣмъ не страдаемъ, а только наслаждаемся. Но это состояніе, очевидно, нельзя признать конечною цѣлью, идеаломъ, какъ потому, что желанія у людей весьма различны, такъ и потому, что такое отсутствіе страданій приводитъ насъ къ прогрессивному потемнѣнію высшихъ психическихъ способностей—ума и воли,—а это потемнѣніе никакъ не можетъ быть желательно. Точно также, конечною цѣлью, на которую могла бы указать этика, не могутъ быть признаны ни совершенствованіе, потому что оно представляетъ собою безостановочное развитіе, ни такія общія цѣли, какъ,

напр., блаженство, которое безъ указанія, въ чемъ именно оно состоитъ, остается пустымъ словомъ, ожидающимъ своего опредѣленія. Остается признать конечною цѣлью не самое удовлетвореніе желаній, а только ту форму, въ которой это удовлетвореніе представляется сознанію. Тогда въ самомъ дѣлѣ можно избѣжать одной изъ крупнѣйшихъ ошибокъ Спенсера—смѣшенія понятій высшаго блага и наибольшаго удовольствія, потому что въ опредѣленіи этихъ понятій нѣтъ болѣе нужды: указываемая Juvalta конечная цѣль не есть сама по себѣ благо, а только средство къ его достиженію, только условіе его возможности. Такою-то необходимою формою удовлетворенія нашихъ желаній, такимъ условіемъ всѣхъ видовъ человѣческой дѣятельности является общественная жизнь, и, значитъ, идеальное устройство общества и есть конечная цѣль, которую ставить намъ этика. Остается только указать главныя черты этого идеальнаго общества. Juvalta согласенъ со Спенсеромъ въ томъ, что идеальное общество должно основываться на справедливости, но въ опредѣленіи справедливости они не сходятся. Спенсеръ не въ силахъ отвлечься отъ дѣйствительности, онъ признаетъ законнымъ все то, что существуетъ въ настоящее время, напр., подчиненіе слабыхъ сильными, физическое вырожденіе, неравномѣрное распредѣленіе житейскихъ благъ; все это онъ не считаетъ несправедливымъ. Это потому, что его понятія о справедливости по отношенію къ отдѣльному человѣку и по отношенію къ обществу совершенно различны, и въ этомъ главная его ошибка: онъ не видитъ, что справедливость вовсе не наблюдается въ современномъ обществѣ, что она — только необходимый постулатъ общественной жизни, тотъ идеаль, къ которому эта жизнь должна стремиться. А между тѣмъ именно Спенсеру-то и слѣдуетъ признать справедливость такимъ идеаломъ, потому что только съ точки зрѣнія этого идеала и понятно существованіе двухъ этикъ: чистая этика, какъ ученіе объ идеалѣ, даетъ прикладной этикѣ критерій для опредѣленія нормъ общественной жизни.

Н. К. Вальденбергъ.

Извѣстія и замѣтки.

Въ началѣ прошлаго 1904 года, передъ празднованіемъ столѣтняго юбилея Канта, по инициативѣ извѣстнаго комментатора Канта, профессора философіи въ Галле, Г. Файгингера, основано «Кантовское Общество». Вмѣстѣ съ нимъ учрежденъ фондъ имени этого философа. Главная цѣль этихъ учреждений—поддерживать журналъ «Kantstudien» и оказывать всяческое содѣйствіе болѣе глубокому изученію философіи Канта (учрежденіе премій за сочиненія о Кантѣ, субсидированіе при печатаніи диссертаций о философіи Канта, назначеніе стипендій молодымъ ученымъ, посвятившимъ себя изученію кантовской философіи и т. п.). Членами названнаго Общества могутъ быть всѣ желающіе. Членскіе взносы раздѣляются на ежегодные и единовременные. Ежегодный взносъ—20 марокъ, при чемъ лицо, внесшее эту сумму, получаетъ бесплатно журналъ «Kantstudien» (отдѣльно стоить 12 марокъ въ годъ). Единовременные взносы—отъ 25 марокъ въ годъ; лицо, внесшее сразу 400 марокъ, получаетъ бесплатно въ теченіе всей жизни упомянутый журналъ «Kantstudien». Адресъ для взносовъ: Professor H. Vaihinger, Halle a. S., Deutschland. Въ числѣ членовъ Общества, перечисленныхъ въ послѣдней книжкѣ «Kantstudien», мы встрѣчаемъ нѣсколько русскихъ именъ: проф. Московской духовной академіи П. В. Тихомирова, приватъ-доцента Московскаго университета Д. В. Викторова и приватъ-доцента Казанскаго университета В. Н. Ивановскаго.

Московское Психологическое Общество.

ССХVI. Протоколъ очереднаго закрытаго (съ гостями) засѣданія 16-го октября 1904 г.

Засѣданіе было открыто въ библиотечномъ залѣ университета въ 9 часовъ вечера, подѣ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи почетныхъ членовъ В. И. Гетье и В. О. Ключевского и гг. дѣйствительныхъ членовъ: К. А. Андреева, Ю. И. Айхенвальда, Ц. П. Балгалона, А. О. Бачинскаго, П. В. Безобразова, К. М. Быковскаго, В. В. Воробьева, П. Б. Ганнушкина, Н. А. Иванцова, Н. П. Корелиной, Б. К. Млодзѣвскаго, Э. Е. Рыбакова, Э. А. Савей-Могилевича, В. П. Сербскаго, П. В. Тихомирова, кн. С. Н. Трубецкаго и гостей.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

1) Дѣйствительный членъ Общества С. А. Котляревскій прочелъ сообщеніе: «Объ истинномъ и мнимомъ реализмѣ».

2) Послѣ двадцатиминутнаго перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго, въ которыхъ, кромѣ референта, принимали участіе слѣдующія лица: Г. Суворовъ, А. А. Богдановъ и В. М. Фриче.

Засѣданіе закрыто въ 12 ч. ночи.

ССХVII. Протоколъ очереднаго закрытаго (съ гостями) засѣданія 30-го октября 1904 г.

Засѣданіе было открыто въ залѣ правленія университета въ 8¹/₂ ч. вечера, подѣ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: К. А. Андреева, П. В. Безобразова, В. В. Во-

робьева, П. Б. Ганнушкина, Б. К. Млодзѣвскаго, О. Е. Рыбакова, В. П. Сербскаго, Б. В. Тихомирова и гостей.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Читанъ и утверждень протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Дѣйствительный членъ Общества А. О. Бачинскій прочель сообщеніе подъ заглавіемъ «Фазы непрерывности».

3) Послѣ десятиминутнаго перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго, въ которыхъ принимали участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: Б. К. Млодзѣвскій, В. В. Воробьевъ, К. А. Андреевъ и Л. М. Лопатинъ. Въ заключеніе преній Л. М. Лопатинъ выразилъ благодарность референту отъ имени всѣхъ присутствующихъ за интересное сообщеніе.

4) Послѣ пятиминутнаго перерыва въ закрытой части засѣданія обсуждался вопросъ объ организациі засѣданій въ память Канта, Локка, Петрарки и Чичерина. Относительно засѣданія въ память Канта рѣшено осуществить постановленіе предшествующаго года объ устройствѣ торжественнаго засѣданія въ память этого философа въ теченіе этого же полугодія, при чемъ постановлено, для окончательнаго опредѣленія срока засѣданія предварительно снестись съ лицами, изъявившими согласіе еще въ прошломъ году приготовить рефераты для названнаго засѣданія. Выражено желаніе устроить торжественное засѣданіе и въ память Локка, при чемъ, въ случаѣ невозможности организовать такое засѣданіе, признано необходимымъ устроить обычное засѣданіе Психологическаго Общества въ память этого философа, хотя бы съ однимъ рефератомъ. Относительно чествованія памяти Петрарки рѣшено присоединиться къ Обществу Любителей Россійской словесности, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ рефератовъ на этомъ соединенномъ засѣданіи былъ прочитанъ членомъ Психологическаго Общества. Торжественное засѣданіе въ память Б. Н. Чичерина предположено устроить въ теченіе ближайшаго февраля (мѣсяцъ смерти Б. Н.), тѣмъ болѣе, что есть надежда на участіе въ засѣданіи, организованномъ именно въ это время, А. О. Кони и кн. Е. Н. Трубецкаго.

5) Былъ предложенъ къ избранію въ дѣйствительные члены Общества, на основаніи письменнаго заявленія дѣйствительныхъ членовъ П. В. Мокіевскаго, И. И. Лапшина, Ю. И. Айхенвальда, къ которымъ присоединился Л. М. Лопатинъ—приватъ-доцентъ

Петербургскаго университета, магистръ философіи Николай Онуфріевичъ Лосскій.

Засѣданіе закрыто въ 11^{1/2} ч. вечера.

ССХVIII. Протоколъ очереднаго закрытаго (съ гостями) засѣданія Психологическаго Общества 19-го ноября 1904 г.

Засѣданіе открыто въ библиотечномъ залѣ университета въ 9 часовъ вечера, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. О. Бачинскаго, П. В. Безобразова, К. М. Быковскаго, П. Б. Ганнушкина, Н. П. Корелиной, Ф. Б. Ланна, Н. П. Постовскаго, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскаго, члена-соревновательницы Ю. Л. Любенковой и гостей.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

1) Дѣйствительный членъ Общества Л. Е. Оболенскій прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Этическое значеніе «субъективной социологіи» Н. К. Михайловскаго и возраженія противъ нея нашихъ неоидеалистовъ».

2) Послѣ перерыва происходила бесѣда между референтомъ и Л. М. Лопатинымъ, слѣвавшимъ нѣсколько возраженій по поводу прочитаннаго реферата.

Засѣданіе закрыто въ 12 часовъ ночи.

ССХІХ. Протоколъ торжественнаго засѣданія Психологическаго Общества, посвященнаго памяти Канта 28-го декабря 1904 г.

Засѣданіе было открыто въ актовомъ залѣ университета въ 8 ч. 20 м. вечера подъ предсѣдательствомъ В. П. Сербскаго, при товарищѣ секретаря Н. П. Корелиной, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: К. А. Андреева, Н. А. Абрикосова, А. П. Басистова, А. О. Бачинскаго, П. В. Безобразова, М. И. Бруна, К. М. Быковскаго, К. Н. Вентцеля, В. И. Вернадскаго, Р. Ю. Виппера, П. Б. Ганнушкина, В. Е. Гиацинтова, Н. В. Давыдова, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, Л. М. Лопатина, Б. К. Млодзѣвскаго, П. И. Новгородцева, Н. П. Постовскаго, П. В. Преображенскаго, М. Н. Розанова, Г. И. Россолимо, Ф. Е. Рыбакова, Ф. А. Савей-Могилевича, С. А. Суханова,

П. В. Тихомирова, А. Н. Филиппова, члена-соревновательницы Ю. Л. Любенковой и многочисленной публики.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Предсѣдатель сообщилъ, что кн. С. Н. Трубецкой по болѣзни читать своей рѣчи: «Кантъ, какъ отецъ новой философіи», не будетъ.

2) Дѣйствительный членъ Л. М. Лопатинъ прочелъ рѣчь: «Теоретическая философія Канта».

3) Послѣ перерыва въ десять минутъ дѣйствительный членъ В. И. Вернадскій прочелъ рѣчь: «Кантъ и естествознаніе XVIII вѣка».

4) Послѣ перерыва въ 15 минутъ дѣйствительный членъ П. И. Новгородцевъ прочелъ рѣчь: «Кантъ, какъ моралистъ».

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ 40 минутъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ
на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

Тридцать седьмой годъ изданія.

Особымъ Отдѣломъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. журналъ **допускаетъ** къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученич. библиотекѣ **среднихъ и низшихъ** учебн. завед. и въ безплат. народн. читальни и библиотекѣ. (Отношеніе № 32542, отъ 21 ноября 1902 г.).

ВЪ ГОДЪ
4 р. 50 к.
безъ пересылки.
5 р. съ пере-
сылкой.

Редакція журнала „Дѣтское Чтеніе“ ставитъ себѣ задачей давать семью и школѣ тщательно избранный матеріалъ для чтенія, какъ художественный, такъ и популярно-научный матеріалъ, не только легкій и занимательный, но вмѣстѣ съ этимъ и воспитательный, развивающій духовную природу человѣка, укрѣпляющій высокія стремленія человѣка осуществлять въ жизни „разумное, доброе, вѣчное.“

По глубокому убѣжденію редакціи, чтеніе—не праздная забава, не пустое развлеченіе, а серьезное дѣло, удовлетворяющее и развивающее высшіе жизненные запросы человѣка, обогащающее умъ и чувство новыми и новыми духовными сокровищами, воспитывающее вкусъ въ выборѣ и отбѣнкѣ матеріала для чтенія, вырабатывающее интересъ и привычку читать и мыслить, читать и чувствовать и получать отъ этого занятія одно изъ высшихъ жизненныхъ наслажденій.—Разумное чтеніе дѣлсообразно избраннаго матеріала есть могучій рычагъ самообразованія, главнѣйшій руководитель на жизненномъ пути, указующій, „куда идти, къ чему стремиться, гдѣ силы юныя попытатъ“. Въ этомъ направленіи редакція работала до сихъ поръ, неизмѣнно будетъ работать и впредь.

Въ 1905 г. журналъ „Дѣтское Чтеніе“ даетъ вѣсѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разск. и сказки; б) стихотворенія; в) историческ. очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ.

7 томовъ безплатныхъ приложений. I. Картинки изъ японской жизни (со многими рис. въ текстѣ), составила по Пьеру-Лоти, Шредеру и другимъ источникамъ *Е. Н. Тихомирова*.—II. Сочин. Шиллера въ изложеніи и объясненіи *И. И. Иванова*. 1) Шиллеръ—біографія; 2) Орлеанская Дѣва; 3) Марія Стюартъ; 4) Донъ-Карлосъ.—III. Сборникъ разсказовъ Генрина Сеневича и Элизы Ожешковой, въ переводѣ *В. М. Лаерова*.—

IV. Избранныя сочненія Лермонтова, подъ редакціей *Д. И. Тихомирова*.

Подписка цѣна на „Дѣтское Чтеніе“.

Подписная цѣна на „Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ (8 нн.).

Безъ доставки на годъ . . . 4 р. 50 к.

Безъ доставки на годъ . . . 5 р. 50 к.

Съ доставк. и перес. на годъ 5 „ — „

Съ доставк. и перес. на годъ 6 „ — „

За границу „Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ — 8 руб.

Допускается разсрочка.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Б. Молчановка, д. № 24.

Д. И. Тихомирова и у книгопродавцевъ. Книгопродавцамъ уступка 50%.

Плата за объявленія въ журналъ „Дѣтское Чтеніе“ за цѣлую стран. 40 р., за полстраницы 15 р.

Оставшіеся комплекты журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ за преніе годы съ 1897—1904 гг. по 4 р. 50 к. безъ пересылки.

Постановленіе Международной Экспертной Комиссіи при выставкѣ „ДѢТСКІЙ МІРЪ“ въ Петербургѣ 1904 г. присуждено Д. И. Тихомирову „за изданіе журнала „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“, за изданіе цѣлаго ряда прекрасныхъ книгъ и за составленіе многочисленныхъ весьма полезныхъ руководствъ для низш. училищъ и младшихъ классовъ средн. учебн. заведеній“,—**Золотая медаль**. Кроме того, литературно-педагогическіе труды Д. И. Тихомирова удостоены слѣдующихъ наградъ: золотыхъ медалей отъ Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ Грамотности; почетнаго отзыва отъ съѣзда дѣятелей по техническ. и профессиональному образованію, золотой медали отъ всемірной выставки въ Парижѣ 1900 г.

Издательница **Е. Н. Тихомирова**.

Издатель **Д. И. Тихомировъ**.

При журналѣ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ нижний складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библиотека для семьи и школы; 2) Учительская бібліотека.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“

въ 1905 году.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Кромѣ 12 книгъ журнала, подписчики получаютъ въ 1905 г. слѣдующія бесплатныя приложенія:
Двѣ книги изданія

I) „Библиотека дѣтскаго отдыха.“

Рассказы Вильяма I. Лонга съ иллюстраціями Чарльза Копленда.

II) Атласъ картинъ по русской исторіи,
выпускъ 3-й, заключающій въ себѣ слѣдующія картины:

1) Славяне, 2) Въ теремѣ, 3) Подъячье, 4) Святѣйшій патріархъ, 5) Школа въ Московской Руси, 6) Тушинскій лагерь, 7) Раскольники, 8) Стрѣльцы. Картины исполнены автотипией по оригинальнымъ рисункамъ. Объяснительный текстъ къ картинамъ подъ общимъ заглавіемъ „Изъ прошлаго Русской земли“, составленный С. Князьковимъ, будетъ приложенъ къ атласу въ видѣ отдѣльной книжки, какъ особый выпускъ изданія „Библиотека Дѣтскаго Отдыха“. Журналъ предназначается для дѣтей старшаго возраста. ДОПУЩЕНЪ въ ученическія бібліотеки всѣхъ низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и въ библ. средн. учебн. завед. мин. народн. просв.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкой 6 руб.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала (въ С.-Петербургѣ, Загородный проспектъ, 28).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1905 ГОДА (ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ТВОРЕНІЙ БЛАЖЕННАГО ТЕОДОРІТА, ЕПИСКОПА КИРСКАГО.

Въ 1905 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „Богословскаго Вѣстника“ ежемѣсячно, книжками въ пятнадцать и болѣе печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ.

1) Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ. 2) Исслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ болшей своей массѣ труды профессоровъ Академіи. 3) Изъ современной жизни: обзорѣнія важнѣйшихъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ и сообщения изъ области внутренней жизни Академіи. 4) Обзоръ текущей русской журналистики, преимущественно духовной, а также критика, рецензіи и бібліографія по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ. 5) Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго, и протоколы Совѣта Академіи за истекающій 1904 годъ (полностью). Въ качествѣ *собственнаго приложенія* къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ всѣмъ подписчикамъ его въ 1905 г. будутъ высланы:

ПЕРВЫЕ ДВА ТОМА

ТВОРЕНІЙ БЛАЖЕННАГО ТЕОДОРІТА, ЕПИСКОПА КИРСКАГО.

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Прим. Безъ пересылки семь рублей, за границу—десять.

Допускается подписка на журналъ безъ приложенія и въ разсрочку. Подписная цѣна на журналъ безъ приложенія—7 руб.; условия разсрочки по соглашенію съ редакціей.

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московск. губ., въ редак. „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ проф. И. ПОПОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ.
НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
П Р А В Д А

(ГОДЪ ИЗДАНИЯ П-й).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Беллетристика — романы, повѣсти, очерки, пьесы, стихотворенія и проч.—какъ оригинальные, такъ и переводные. 2) Критика и библиографія. 3) Статьи по вопросамъ эстетики, морали и философіи. 4) Статьи по различнымъ отдѣламъ искусства — живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, сценическому искусству, музыкѣ, поэзи и проч. 5) Статьи по вопросамъ исторіи и культуры. 6) Обзоры общественной жизни отечественной и иностранной. 7) Художественная хроника—театръ, музыка, художественныя выставки. 8) Отчеты о дѣятельности обществъ—художественныхъ, философскихъ, ученыхъ и проч. 9) Хроника важнѣйшихъ открытій и изобрѣтеній—техническихъ, коммерческихъ, научныхъ и проч. 10) Педагогическій отдѣлъ—статьи по вопросамъ обученія и воспитанія. 11) Судебная хроника. 12) Общій отдѣлъ—письма въ редакцію, почтовый ящикъ, разныя извѣстія, смѣсь и проч. 13) Портреты художественныхъ и общественныхъ дѣятелей и ихъ біографіи. 14) Иллюстраціи къ тексту журнала. 15) Объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛЪ УЧАСТВУЮТЪ:

Б. В. Авиловъ, Леонидъ Андреевъ, В. Базаровъ, К. Д. Бальмонтъ, А. Бодановъ, В. Я. Богочурскій, проф. В. П. Вузецкуль, Ив. А. Бунинъ, Ив. А. Бьлоусовъ, К. Н. Венццель, А. А. Вербицкая, В. Вересаевъ, Сергій Глаголъ, Г. Галкина, С. Н. Головачевскій, Максимъ Горькій, Е. П. Гославскій, Г. А. Гроссманъ, П. Гурвичъ, Е. В. Дегенъ, А. К. Джигелевъ, Р. І. Дмитриева, С. Елеонскій, проф. В. Н. Ивановскій, А. В. Ивельстромъ, Н. Иорданскій, М. Н. Коваленскій, П. А. Кожевниковъ, А. М. Коллонтай, акад. О. Е. Корзи, проф. Н. А. Котляревскій, пр.-доц. С. А. Котляревскій, А. Р. Крандѣевская, С. Н. Крачицфельдъ, Н. А. Крашенинниковъ, А. Н. Купринъ, М. Е. Ландау, М. К. Лемке, Максъ-Ли, А. Е. Лосицкій, А. В. Луначарскій, М. Г. Луницъ, М. Л. Мандельштамъ, П. П. Масловъ, С. П. Мельмуновъ, пр.-доц. Л. С. Миноръ, В. М. Михеевъ, С. А. Найденовъ, Ив. Наживинъ, М. Невъдомскій, Л. Ф. Нелидова, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, М. Ольминскій, Вл. Орликъ, Е. Орловъ, М. Н. Покровский, пр.-доц. Н. А. Рожковъ, пр.-доц. М. Н. Розановъ, пр.-доц. Г. И. Россолимо, П. П. Румянцевъ, Д. Сатуринъ, А. Серафимовичъ, Н. А. Скворцовъ, Скиталецъ, Е. Л. Смирновъ, П. Степановъ, В. Н. Сторожковъ, С. А. Суворовъ, Танъ, Н. Д. Телешовъ, А. Ю. Финкъ, В. М. Фриче, пр.-доц. А. В. Цингеръ, Е. Н. Чириковъ, Л. Шейнисъ, В. А. Щерба, Ю. Д. Энгель, Семенъ Юшкевичъ, Яблоновскій, пр.-доц. Л. Н. Яснопольскій, А. М. Федоровъ и др.

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Безъ доставки въ Москвѣ	7 р. 20 к.	5 р. 40 к.	3 р. 60 к.	1 р. 80 к.
Безъ дост. въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ	7 р. 60 к.	5 р. 65 к.	3 р. 75 к.	1 р. 90 к.
Съ доставкой въ Москвѣ	7 р. 60 к.	5 р. 70 к.	3 р. 80 к.	1 р. 90 к.
Съ пересылкою въ Россіи	8 р. — к.	6 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.
„ за границей	10 р. 80 к.	8 р. 10 к.	5 р. 40 к.	2 р. 70 к.

Годовымъ подписчикамъ разсрочка безъ повышенія платы, по соглашенію съ редакціей.

Адресъ Редакціи: Москва, Кудрино, 1, 18.
 для телегр.: Москва — Журналъ.
 „ Московской конторы: Неглинная, 4,
 Журнальное дѣло.

Адресъ Петербургской конторы: Загородный 21, 49.
 Одесской конт.: Рашельевская 12, Образование.
 „ Харьковской конт.: Московская 21, А. Дредеръ.

Подписка принимается и во всеѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель *Вал. Кожевниковъ.*

Открыта подписка на 1905 годъ

XVI г.

на журналъ

XVI г.

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе среди русскаго общества правильныхъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе.

Кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, обществовѣдѣнію, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Программа журнала: 1) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библиографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Андри (Victor Henri), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольдъ, д-ръ Д. Д. Бекаряковъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, П. П. Бѣлоконскій, П. М. Бычковъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Випперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, женщина-врачъ Е. С. Дрентельнъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, прив.-доц. А. А. Ивановскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатъевъ, проф. Н. А. Кабуковъ, В. В. Камлашъ, проф. М. М. Ковалевскій, Е. I. Лозинскій, прив.-доц. Т. В. Локоть, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Мировичъ, В. М. Михеевъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, Н. Ф. Михайловъ, С. П. Моравскій, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, Ф. Ф. Ольденбургъ, проф. А. П. Павловъ, В. В. Петровъ, прив.-доц. Н. А. Рожковъ, Г. Роковъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, Д. Сатуриинъ, прив.-доц. Е. Д. Сивицкій, Л. Д. Сивицкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, А. А. Стаховичъ, Д. А. Фальборкъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолуцкій, кн. Д. П. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе др.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (*Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова*) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обвѣхъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Х ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ **Х**
 НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

24 №№ „**ВСХОДЫ**“ Цѣна на годъ 5 р.,
 и бесплатное приложение. „ полгода 2 р. 50 к.

Допущенъ всеми вѣдомствами, для всехъ учебныхъ заведеній.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: а) 1-го числа—въ большемъ форматѣ, отъ 5—6 печатныхъ листовъ—въ два столбца, разнообразнаго содержанія; б) 15-го въ маломъ форматѣ—отъ 7 до 14 печатныхъ листовъ, содержащихъ въ себѣ одно произведеніе беллитристическое или научнопопулярное.

Въ видѣ бесплатнаго приложенія годовымъ подписчикамъ будетъ дано въ 1905 году:

ВАЦЛАВЪ СЪРОШЕВСКІЙ

ВЪ СТРАНѢ УТРЕННЯГО СПОКОЙСТВІЯ.

Путешествіе по Корей въ 1903 г. Съ многочислен. фотографіями автора. Цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россію на годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к. Безъ доставки въ Петербургъ 4 р. 50 к. За границу 8 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1-му мая 2 р. Оставшіеся экз. за 1902 и 1903 г. продаются съ дост. и перес. по 5 р., безъ дост. 4 р. 1836—1901 гг. все распроданы.

Годовые подписчики, желающіе получить книжки малаго формата въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ, доплачиваютъ 1 р. 25 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 27; въ конт. Печковской: Москва, Петровскія линіи; при книжномъ складѣ О. Н. Поповой: Спб. Невскій, 54, и во всехъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-изд. Э. Монизъ-Монтвидъ.

Открыта подписка на 1905 г. (изданія XVII годъ)

на политическо-общественную и литературную газету

„ЕНИСЕЙ“.

Выходитъ въ Красноярскѣ три раза въ недѣлю.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ—7 р., на полгода—4 р., на четверть года—2 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. Отдѣльный номеръ 5 к. Перемѣна адреса 30 к. Отдѣльные №№ газеты продаются въ отдѣленіяхъ конторы: въ Томскѣ, Енисейскѣ, Канскѣ и Ачинскѣ, а также въ книжныхъ магазинахъ Сибирской ж. д. и въ книжныхъ шкафахъ Самаро-Златоустовской ж. д. Подписка принимается: въ конторѣ редакціи „Енисей“, Воскресенская ул., соб. домъ; въ Ачинскѣ въ отдѣленіи конторы при типографіи Е. Ф. Кудрявцева; въ Енисейскѣ въ аптекарскомъ магазинѣ Л. Ф. Флееръ; въ Томскѣ въ отдѣленіи редакціи „Енисей“, Дворянская ул., и въ книжномъ магазинѣ Макушина; въ Иркутскѣ въ книжномъ магазинѣ Макушина и Посохина; въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ центр. конт. объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцъ и К°. Редакторъ издатель Е. Ф. Кудрявцевъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ЗАПИСОКЪ

МОСКОВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
 (десять выпусковъ въ годъ).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Отчеты о дѣятельности Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и другихъ ученыхъ обществъ, създовъ и пр. 2) Новости техники и промышленности (оригинальныя и переводныя статьи, корреспонденціи и мелкія сообщенія и пр.). 3) Техническое образованіе. 4) Критика и библиографія. 5) Правительственныя распоряженія. 6) Справочный отдѣлъ (спросы и предл., вопросы и отвѣты). 7) Объявленія. 8) Приложенія.

Подписная цѣна „Записокъ“:

за годъ съ пересылкой и доставкой 5 р., за полгода 3 р.; безъ пересылки и доставки за годъ 4 р. 50 к., за полгода 2 р. 50 к.

Подписка принимается въ редакціи „Записокъ“: Москва, Садовая-Картенная, 241.

IV годъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ

изданія.

на большую ежедневную съ полной программой, выходящую въ Бану, газету

„БАКИНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ“.

Газета имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ крупныхъ городахъ Кавказскаго края, а также въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и за границей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Для Черн. гор., Байлова, Балахан. и иногород. подписчиковъ	Для городовъ подписчиковъ
На годъ	7 р. — к.	8 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ	4 „ — „	5 „ — „
На 3 мѣсяца	2 „ 50	3 „ — „
На 1 мѣсяць	1 „ — „	1 „ 50

Для годовыхъ подписчиковъ
допускается разсрочка.

	Для городовъ.	Для иногород.
При подпискѣ	3 р.	3 р. 50 к.
Къ 1 апрѣля	2 „	3 „ — „
Къ 1 юля	2 „	2 „ — „

Годовые подписчики на 1905 г., внесшіе при подпискѣ полностью всю подписную сумму, получаютъ въ 1904 г. газету со дня подписки **бесплатно**.

Редакторъ-издатель Н. А. Гриневъ.

Открыта подписка на 1905 годъ

на журналъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА“,

издаваемый подъ редакціей К. К. Арсеньева, М. М. Винавера, прив.-доц. В. М. Геосена, В. Д. Набонова и проф. І. А. Покровскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (кроме іюля и августа) въ количествѣ 10 книгъ въ годъ по полугодіямъ

Условия подписки:

	на годъ	январь	іюнь
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
„ „ съ доставкой	8 „ 50	4 „ 50	4 „ 50
Въ другихъ городахъ съ доставкой	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „
За границей	12 „ — „	7 „ — „	5 „ — „

Подписывающіеся на одинъ мѣсяць платятъ 1 р. 20 к. съ доставкой.

Въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ Сборника рѣшеній Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ официальномъ изданіи, разсылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи.

Условия подписки съ приложеніемъ Сборника рѣшеній:

	на годъ	январь	іюнь
Въ С.-Петербургѣ съ доставкой	11 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р.
Въ другихъ городахъ съ доставкой	12 „ — „	7 „ — „	5 „

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. 50 к. въ годъ съ доставкой и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ „ВѢСТНИКА ПРАВА“: С.-Петербургъ, Загородный пр., д. № 2, и, кромѣ, того во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Объявленія для напечатанія въ „ВѢСТНИКЪ ПРАВА“ принимаются въ конторѣ по расчету 16 руб. за страницу.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Захарьевская, 25. * Телефонъ № 29—36.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

1905 годъ.

„РЕБУСЪ“

Годъ изданія 24—25.

Выходить выпусками не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяць въ объемѣ отъ одного до пяти печат. листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

По исключительному направленію своей дѣятельности „РЕБУСЪ“ Единственный въ Россіи журналъ,

который главное мѣсто отводитъ обзору и изученію таинственныхъ и загадочныхъ явленій: телепатіи, ясновидѣнія передачи мыслей, раздвоенія личности, одерннанія, сомнамбулизма, жидкого магнетизма, медлунизма, гипнозизма и т. п. сверхъ-нормальныхъ фактовъ и явленій въ области психизма.

Подписная цѣна: въ Россіи: на годъ 5 руб., на 1/2 года 3 руб.; За границу на годъ 6 р., на 1/2 года 3 р. 50 к.; болѣе льготныя условія по особому соглашенію съ редакціей.

Отдѣльный номеръ въ продажѣ 20 к. (можно высылать почтовыми марками).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Москвѣ: въ редакціи журнала— Смоленскій бульваръ, л. Мишко, кв. № 8 и въ книжныхъ магазинахъ: Карбасникова, „Новаго Времени“, Т-ва М. О. Вольфа и въ конторѣ Н. Е. Печковской и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

Лиць, сочувствующихъ направленію журнала, просятъ способствовать его распространенію.

Открыта подписка на 1905 годъ

на журналъ для воспитателей и начальныхъ учителей

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“

Тридцать седьмой годъ изданія.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія РАЗРѢШЕНЪ къ выпискѣ, по пред-
варительной подпискѣ, для учительскихъ библиот. и безпл. народн. читателей.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ книжками околѣ 5 листовъ.

Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ печатаются статьи по вопросамъ до-
машняго воспитанія, элементарнаго обученія въ школѣ и дома, по гигиенѣ
домашней и школьной, законовѣднiю, очерки по литературѣ, по искусству,
общей географіи и общественно-школьнымъ вопросамъ и другія общенаучныя
статьи для самообразованія воспитателя и учителя, *периодическій указатель*
дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое изложеніе и раз-
боръ *вновь выходящихъ книгъ* для дѣтѣй, учебныхъ руководствъ и пособій для
родителей, воспитателей и учителей.**Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе:**Гг. Анофріевъ, В. И. — Вагнеръ, В. А. — Волковскій, Д. Л. — Галаинъ, Д. Д. —
Гольцевъ, В. А. — Ельницкій, К. В. — Ермиловъ, В. Е. — Зенченко, С. В. — Ива-
новъ, И. И. — Каллашъ, В. В. — Коганъ, П. С. — Оболенскій, М. Е. — Скаби-
чевскій, А. М. — Скворцовъ, Н. А. — Тихомировъ, Д. И. и многіе другіе.**ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:**

Безъ доставки на годъ	1 руб. 75 коп.
Съ доставкой и пересылкой въ годъ	2 „ — „
Съ доставкой и пересылкой на 1/2 года	1 „ — „

„Педагогическій листокъ“ вмѣстѣ съ „Дѣтскимъ Читеніемъ“ на годъ **6** „ — „

Адресъ редакціи: Москва, Большая Молчановка, д. 24, Дм. Ив. Тихомирова-

Телефонъ № 2—98.

Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

КНИГОПРОДАВЦАМЪ УСТУПКА 5%.Въ конторѣ вмѣются въ продажѣ оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экзем-
пляры журналовъ „Дѣтское Читеніе“ и „Педагогическій Листокъ“ за прежніе года:
1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902 и 1903 гг. Цѣна „Дѣтскаго Читенія“ съ „Педа-
гогическимъ Листномъ“ по 5 р. за годъ безъ пересылки. „Дѣтское Читеніе“ безъ
„Педагогическаго Листка“ 4 р. 50 к. „Педагогическій Листокъ“ безъ „Дѣтскаго
Чтенія“ 1 р. 50 к. безъ пересылки.

За 1904 г. „Педагогическій Листокъ“ разошелся безъ остатка.

Плата за объявленія журналѣ „ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“:

За 1/1 страницу 40 руб. ● За 1/2 страницы 20 руб.

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“ вмѣстѣ съ другими литературно-педагогическими
трудами Д. И. Тихомирова удостоены золотыхъ медалей — на Всемирной Париж-
ской выставкѣ 1900 года и на международной „выставкѣ Дѣтскій Миръ“ въ
Петербургѣ (1904 г.).

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

При журналѣ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ
книжный складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библиотека для семьи и школы;
2) Учительская библиотека.**Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.**

XIV ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 г.

ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

съ бесплатнымъ приложеніемъ

Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассационнаго Департаментовъ и Общаго собранія Правительствующ. Сената и Собранія узаконеній и распоряж. Правительства. Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ. Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ рублей.

Допускается разсрочка въ платежъ: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля—остальшыя—3 рубля. Правительственныя, Судебныя и Административныя, равно какъ общественныя и сословныя учрежденія могутъ подписываться въ кредитъ, съ тѣмъ, чтобы деньги (7 р.) были присылаемы въ теченіе ШЕСТИ мѣсяцевъ, но во всякомъ случаѣ до истеченія подписного года; лица же, служащія въ этихъ учрежденіяхъ, въ правѣ подписываться чрезъ Г. Г. Казначеевъ—въ разсрочку, со взносомъ ежемѣсячно по одному рублю, каковыя деньги должны быть доставляемы въ редакцію Г. Г. Казначееми. (Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., домъ № 59.)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ
„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

Подписная цѣна 5 р., съ приложеніемъ одиннадцатаго тома твореній Златоуста 6 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 7 р. Подписчики на 1905 годъ, желающіе имѣть и первые 10-ть томовъ твореній Златоуста, уплачиваютъ за каждый томъ по два рубля.

Ежегоднымъ журналомъ С.-Петербургской духовной академіи служить „Церковный Вѣстникъ“, органъ церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей. Цѣна 5 р., съ 11-мъ томомъ Златоуста 6 р. 50 к., въ переплетѣ 7 р. Выписывающіе оба журнала вмѣстѣ уплачиваютъ 8 руб., съ 11-мъ томомъ Златоуста 9 р. Цѣна каждого тома Златоуста въ отдѣльной продажѣ 3 р.

Редакторъ профессоръ *Петръ Смирновъ*.

Открыта подписка на 1905 годъ на

„Казанскій Медицинскій Журналъ“,

органъ Общества врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ,
издаваемый подъ редакціей предсѣдателя Общества

проф. А. Н. Наземъ-Бена.

Журналъ посвящается русскимъ работамъ по всемъ отраслямъ теоретической и практической медицины.

Программа журнала: I. Оригинальныя статьи.—II. Рефераты текущей литературы.—III. Годовые обзоры литературы по специальностямъ.—IV. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, съѣздовъ и докторскихъ диспутахъ въ казанскомъ университетѣ.—V. Отчеты больничныхъ учрежденій.—VI. Корреспонденція.—VII. Рецензіи.—VIII. Библиографія.—IX. Письма въ редакцію.—X. Некрологъ.—XI. Хроника и мелкія извѣстія.

Срокъ выхода: ежемѣсячно, исключая іюня и іюля (двойныя книжки въ маѣ и августѣ).

Подписная цѣна для не членовъ Общества 5 руб. въ годъ.

Подписка принимается въ библіотекѣ Общества (Казань, университетъ) и въ книжномъ магазинѣ бр. Башмаковыхъ (Казань, пассажъ).

Рукописи для помѣщенія въ журналѣ направляются по адресу: Казань, Университетъ, Общество врачей, въ редакцію „Казанскаго Медицинскаго Журнала“.

Предсѣдатель А. Н. Наземъ-Бенъ.

XXI г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 г.

XXI г.

на издающуюся въ городѣ Ставрополь-Кавказскомъ общественно-литературную и политическую газету

„СЪВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“

выходящую три раза въ недѣлю—по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго она носить.

Въ промежуточные дни выходятъ телеграммы.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой: на годъ—5 р. 50 к., на полгода—3 р., 3 мѣсяца—1 р. 75 к., 1 мѣс.—60 к. Безъ дост. и перес.: на годъ—4 р. 50 к., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—50 к. Для учителей и учительницъ сельск. школъ—5 р. въ г. Годовымъ подписчикамъ дается разсрочка: при подпискѣ—2 р., къ 1 апрѣля—2 р. и къ 1 августа—остальные 1 р. 50 к. При неуплатѣ въ срокъ высылка газеты прекращается. Годовые подписчики на 1905 г., внесеніе при подпискѣ всю подписную сумму, получаютъ газету со дня подписки бесплатно.

Адресъ: Ставрополь-Кав. редакция „Сѣвер. Кавк.“. Телефонъ № 36.

Пріемъ объявленій: въ Ставр.-Кавк. въ редакціи „Сѣв. К.“; въ Москвѣ и Петербургѣ въ конт. Тор. Дома Л. и Э. Метцль и К^о.

Издатели наследники Бернъ.

Редакторъ Д. И. Евстевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА за 1905 годъ

двадцать второй годъ изданія

„САМАРСКАЯ ГАЗЕТА“

Органъ общественно-литературный, выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

Оставаясь вѣрною прежнимъ своимъ задачамъ и стремленіямъ, „Самарская Газета“ и въ 1905 г. задается цѣлью прежде всего освѣщать въ возможной полнотѣ мѣстныхъ нужды Самарской, Казанской, Оренбургской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Уфимской губ., и въ то же время „Самарская Газета“ попрежнему будетъ носить характеръ большого ежедневнаго изданія, замѣняющаго для провинціи столичные органы.

Подписная цѣна: иногороднимъ на годъ—7 р. 5 к., на 1/2 года—3 р. 55 к. на 1 м.—75 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ при редакціи, на Алексѣевской площади, въ соб. домѣ. Редакторъ-издатель С. И. Костеринъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ИЗВѢСТІЯ

МОСКОВСКАГО

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА.

Годъ XI—1905.

Извѣстія выходятъ четырьмя книгами въ годъ, составляющими не менѣе 35 листовъ текста in 8^о.

Подписка принимается въ канцеляріи Московскаго Сельскохозяйственнаго Института и въ книжн. магаз. Карбаеникова (Москва, Варшава, Вильна, С.-Петербургъ) и „Трудъ“ (Москва, Тверская).

Подписная цѣна въ годъ, за четыре книги, 5 р.; для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній—2 р. 50 к.; цѣна отдѣльной книги 1 р. 50 к.; отдѣльные отгиски статей естественноисторическихъ и статистикоэкономическихъ высылаются названными книжными магазинами наложеннымъ платежомъ по разсчету 20 к. за листъ.

Редакторы С. И. Ростовцевъ.

Д. Н. Пряниниковъ.

Комиссія по организаці Домашняго Чтенія,

СОСТОЯЩАЯ ПРИ УЧЕБНОМЪ ОТДѢЛѢ О. Р. Т. ЗН.

Удостоена серебряной медали на Всемирной выставкѣ въ Парижѣ.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Программа Домашняго Чтенія на I годъ систематическаго курса, изд. 6-е. Цѣна 35 к., съ пересылкой 48 к., н/пл. 65 к.

Программа Домашняго Чтенія на II годъ систематическаго курса, изд. 3-е. Цѣна 45 к., съ пересылкой 63 к., н/пл. 80 к.

Программа Домашняго Чтенія на III годъ систематическаго курса, изд. 3-е. Цѣна 60 к., съ пересылкой 85 к., н/пл. 95 к.

Программа Домашняго Чтенія на IV годъ систематическаго курса, изд. 2-е. Цѣна 60 к., съ пересылкой 87 к., н/пл. 97 к.

Въ программы на каждый годъ входятъ слѣдующія 7 отдѣловъ: 1) Математическій. 2) Физико-химическій. 3) Биологическій. 4) Философскій. 5) Общественно-юридическій. 6) Историческій; и 7) Исторія литературы.

Серія I-я эпизодическихъ программъ. Изд. 20-е. Ц. 20 к., съ пересылкой н/пл. 41 к.

Содержаніе:

- 1) Пирамида. Сост. М. О. Гершензона.
- 2) Средневѣковые города. Сост. А. К. Дживеллеговъ.
- 3) Исторія Французской Революціи. Сост. М. Н. Коваленскій.
- 4) Смутное время въ Московскомъ государствѣ. Сост. Н. Н. Алябьевъ.
- 5) Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи. Сост. В. Л. Краснокутскій и К. К. Нотгартъ.
- 6) Растительныя сообщества средней Россіи. Сост. Л. Ѳ. Флеровъ.
- 7) Валенштейнъ Шиллеръ. Сост. Л. Ѳ. Лютеръ.
- 8) Байронъ и его время. Сост. П. С. Котанъ.
- 9) Новгородская былина. Сост. Н. М. Мендельсонъ.
- 10) Городское хозяйство и городскіе финансы. Сост. П. П. Гензель.
- 11) Факторы преступности. Сост. Н. Н. Полянский.
- 12) Основы судебной реформы 1864 года въ Россіи. Сост. С. В. Позднышевъ и его же
- 13) Вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ.

Серія II-я эпизодическихъ программъ. Ц. 15 к., съ пересылкой н/пл. 36 к.

Содержаніе:

- 1) Корея. А. А. Борзова.
- 2) Японія. М. Н. Коваленскаго и С. Г. Григорьева.
- 3) Право войны. А. С. Яценко.
- 4) Средневѣковая исторія Англии. Д. М. Петрушевскаго.
- 5) Горе отъ ума Грибоедова. Ю. И. Айхенвальда.
- 6) Анна Каренина, романъ гр. Л. Н. Толстого. И. Н. Розанова.
- 7) Дарвинизмъ. Н. К. Кольцова.

Складъ изданій: Типографія И. Д. Сытина, Валовая, соб. домъ, Москва.

Отдѣльная продажа: Контора Комиссіи по организаціи Домашняго Чтенія. Уг. Б. Никитской и Шереметевскаго пер., д. Рихтеръ, кв. 6, Москва.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ (XII годъ изданія)

на иллюстрированную *) еженедельную общедоступную газету

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“.

По воскреснымъ днямъ въ газетѣ, а при обилии матеріала — въ особомъ приложеніи, даются иллюстраціи, относящіяся къ этнографіи и исторіи Сибири, къ событіямъ на Дальнемъ Востоку и къ выдающимся явленіямъ русской и иностранной жизни. Кромѣ лицъ, принимающихъ постоянное участіе въ газетѣ, въ числѣ другихъ любезно обѣщали продолжать свое сотрудничество и въ будущемъ году нѣкоторые профессора томскаго университета.

Подписная цѣна остается прежняя:

Годъ. 9 мѣс. 6 мѣс. 1 мѣс.

Съ пересылкой въ другіе города 5 р. 4 р. 3 р. 50 к.

Съ пересылкой за границу 9 „ 7 „ 5 „ 1 р.

Подписка и объявленія принимаются въ книжныхъ магазинахъ и типо-литографіяхъ П. И. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ. Иногородные свои требованія адресуютъ: въ г. Томскъ, въ контору редакціи газеты „Сибирская Жизнь“.)

Издатель П. Макушинъ.

Редакторы П. Макушинъ.

А. Макушинъ.

*) Кромѣ дней послѣ праздниковъ.

Открыта подписка на 1905 годъ (седьмой годъ изданія
на еженедѣльную газету

„П Р А В О“,

выходящую безъ предварительной цензуры подъ редакціей пр.-доц. В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи Г. В. Гессена, пр.-доц. А. И. Каминка, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, В. Д. Набокова и проф. Л. И. Петражицкаго, по прежней программѣ.

Годовые подписчики получаютъ въ качествѣ приложеній: „Сборникъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія I-го и кассационныхъ департаментовъ и кассационныхъ департаментовъ Правит. Сената“.

Редакція даетъ годовымъ подписчикамъ „Права“ бесплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе 3-хъ) на юридическіе вопросы.

Въ Справочномъ отдѣлѣ печатаются: алфавитный списокъ лицъ несостоятельныхъ, ограниченныхъ и освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности; алфавитные списки уничтоженныхъ довѣренностей; списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Прав. Сенатѣ, а также и резолюціи по заслушаннымъ въ Сенатѣ дѣламъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода — 4 руб. Допускается расрочка: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 мая 3 р. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 к.

Главная контора: С.-Петербургъ, Загородный пр., № 2, при юридическомъ книжномъ складѣ „Право“. Складъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги по вопросамъ правовѣдѣнія и обществовѣдѣнія. Подписчики „Права“ пользуются при выпискѣ частныхъ изданій скидкой въ размѣрѣ 50/10.

ПОДПИСКА на 1905 годъ на ЖУРНАЛЪ

„ДѢЯТЕЛЕЦЬ“.

Девятый годъ изданія.

Подписная цѣна за годъ 2 руб. Полугодовая подписка не принимается. Журналъ за 1903 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Мнистер. Народнаго Просвѣщ. въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 и 1904 годы платятъ 16 рублей.

Адресъ редакціи: Казань, типографія университета.

Редакторъ-издатель А. Т. Соловьевъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ

С Л О В О

съ доставкою и пересылкою:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
I издание . . .	12	11—	10—	9	8—	7—	6	5—	4	3—	2	1—
За границу . . .	20	19—	18—	17	15—	13—	11	10—	8	6—	4	2—
II издание . . .	5	470	440	4	370	340	3	250	2	150	1	—50

Годовые подписчики на 1905 г. получают газету за концы 1904 г. безплатно со дня получения отъ нихъ требованій. Лица, желающія ознакомиться съ изданіемъ, благоволятъ присылать свои адреса, по которымъ и будетъ имъ выслано безплатно нѣсколько №№.

Адресъ редакціи и главной конторы: Спб., Невскій, д. 92, кв. 3. Телефонъ 6357.

Редакція открыта для личныхъ объясненій ежедневно отъ 4-хъ до 6-ти час. Приемъ у редактора по повѣдѣльникамъ и пятницамъ отъ 6-ти до 7-ми час. Присылаемыя рукописи должны имѣть фамиліи и адреса авторовъ; возвращеніе рукописей для редакціи не обязательно.

Контора редакціи открыта для приема подписки и объявленій: въ будни отъ 10 до 5 час., по праздникамъ отъ 1 до 3 час. Подписка принимается также во всѣхъ мѣстныхъ столичныхъ и провинціальныхъ книжн. магазинахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: впереди текста 60 коп. за строку петица; позади текста: предложеніе и спросъ труда, прислуга и проч.—10 к. строка, остальные—20 к. Объявленія въ иллюстрированныхъ приложеніяхъ по 1 р. за строку петица. Годовыя и мѣсячныя объявленія—по соглашенію.

Издатель Н. Н. Перцовъ.

Редакторъ П. В. Быновъ.

Открыта подписка на 1905 годъ на

(III г. изданія)

ХАРБИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

торгово-промышленную и общественную газету.

Городскіе и иногородніе годовые подписчики, подписавшіеся до 1 марта, получаютъ въ юль мѣсяцъ бесплатную премію **ГЛАВНЫЕ ГОРОДА МАНЧЖУРИИ** въ описаніи самихъ китайцевъ. Съ рисунками, планами и картой. Сост. по китайскимъ источникамъ.

Годовые подписчики, служащіе на К. В. ж. д., пользующіеся уступкой и разрочкой, для полученія приложенія приплачиваютъ 1 р.

Подписная цѣна: для городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ на 1 годъ 10 р., на полгода 6 р., на 3 м. 3 р. 50к., на 1 мѣс. 50 к. Для служащ. К.-В. ж. д., съ разрочкой по четвертямъ, на годъ 6 р., на полгода 4 р., на 1 мѣс. 75 к. За границу (разрочка не допускается) на 1 годъ 14 руб., на полгода 8 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ Новомъ Харбинѣ, только въ конторѣ газеты: Коммерческая часть К. В. ж. д., отъ 9 до 3^{1/2}; на пристани—въ книжн. магаз. Ровенскаго, 1-я Новопрістанская ул. и въ русско-китайской комиссіонной конторѣ, 4-я Новопрістанская ул. (Пекарная), д. Байко, № 846; въ Старомъ Харбинѣ—въ конторѣ типографіи Китайской Восточной жел. дор. Иногородніе адресуютъ въ редакцію газеты, Коммерческая часть. Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или имѣющихъ свои главные конторы или правленія въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи, принимаются въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о, въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Сытова, и въ его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской, № 11.

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Вечерняя Почта

без предварительной цензуры.

Редакция ставит своею целью создать совершенно оригинальный тип газеты, девизами которой будут: краткость, ясность, объективность и общедоступность.

Весь материал в газете будет систематизироваться и обрабатываться так, чтобы в газету не мог попадать никакой балласт и мелочи, не имеющие общего значения и интереса. Благодаря этому, читатели, экономя свое время, будут вводиться в курс всех событий и знакомиться со всеми важными и интересными известиями.

Редакция намерена стремиться к тому, чтобы все фактические сведения получались ею от своих корреспондентов по телеграфу и телефону. Обычным путем всех газет в этом отношении, — агентскими телеграммами, редакция будет пользоваться в самых ограниченных размерах. Целью этого — достигнуть возможности давать своим подписчикам раньше других газет известия о всех важных событиях как русской, так и заграничной жизни.

Час выхода номеров газеты в свет выбран с таким расчетом, чтобы, попадая на первые поезда, газета могла бы получаться всюду в провинции раньше других газет.

Избегая распространяться о подробностях своих намерений и стремлений в литературной стороне дела, редакция предоставляет желающим самим ознакомиться с характером и физиономией газеты и с этою целью предлагает возможно легкия условия получения пробных номеров.

Условия подписки на 1905 годъ:

На годъ **4 р.** На полгода — **2 р.** На 3 мѣс. — **1 р.** На 1 мѣс. — **45 к.**
 На недѣлю — **15 к.** Съ пересылкой: на годъ **4 р. 50 к.** На полгода — **2 р. 50 к.** На 3 мѣс. — **1 р. 25 к.** На 1 мѣс. — **50 к.**

Адресъ: Москва, Тверской бульв., д. № 105. Телефонъ конторы газеты 36.84.

Редакторъ-издатель И. Н. Холчевъ.

Въ 1905 году будетъ продолжаться (29-й годъ) изданіе

ЖУРНАЛА

Извѣстія Московской Городской Думы.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на два отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: отдѣлъ общій, посвященный разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей и отдѣлъ официально-справочный.

Цѣна журнала съ пересылкой во все города Россіи:

	Отдѣлъ общій.	Отд. офиц.-справ.	Оба отдѣла.
За 12 мѣсяцевъ	4 руб. 40 коп.	4 руб. 40 коп.	8 руб. — коп.
” 6 ”	2 ” 20 ”	2 ” 20 ”	4 ” — ”
” 3 ”	1 ” 20 ”	1 ” 20 ”	2 ” — ”
” 1 ”	— ” 40 ”	— ” 40 ”	— ” — ”

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Городская управа, Воскресенская площадь, зданіе Думы.

Открыта подписка на 1905 годъ НА НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ЮЖНЫЯ ЗАПИСКИ.

Выходить въ гор. Одессѣ книжками около 1.000 страницъ каждая.

Главные задачи изданія: 1) отстаивать права личности и общественныхъ учреждений, 2) содѣйствовать развитію и росту общественной самодѣятельности и 3) изучать и всесторонне разрабатывать вопросы областной жизни юга Россіи.

„Южныя Записки“, представляя собою областной журналъ для Южной Россіи, удѣляютъ въ то же время столько же мѣста и вниманія вопросамъ и главнымъ событіямъ обще-русской и иностранной жизни, сколько и столичныя изданія.

Въ журналѣ еженеделно помѣщаются: 1) военная хроника и иностранное обозрѣніе (В. Водовозовъ). 2) Внутреннее обозрѣніе (А. Изгоевъ). 3) Обзоръ русской жизни и печали (М. Гельротъ). 4) Беллетристическія произведенія. 5) Статьи по мѣстнымъ вопросамъ и письма изъ всѣхъ значительныхъ городовъ юга Россіи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ 6 р., на полгода 3 р., на три мѣсяца 1 р. 50 к. Народнымъ учителямъ, земскимъ и городскимъ служащимъ, сельскому духовенству и учащимся „Южныя Записки“ высылаются за 4 р. въ годъ, за 2 р. въ полгода и за 1 р. на три мѣсяца.

Номеръ „Южныхъ Записокъ“ высылается для ознакомленія бесплатно по первому требованію.

Адресъ редакціи и конторы „Южныхъ Записокъ“: Одесса, Троицкая ул., № 26.

Розничная продажа номеровъ и приемъ подписки производится: въ Киевѣ, въ главныхъ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ; въ Житомирѣ—въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“; въ Каменецъ-Под.—у Р. Кюшпинга; въ Полтавѣ—въ книжн. маг. Перельдвейгъ; въ Черниговѣ—въ земскомъ книжномъ складѣ; въ Кременчугѣ—у М. М. Витлина и др. мѣстахъ.

Редакторъ-издатель К. М. Панкѣвъ.

Открыта подписка на 1905 годъ

на ежедневную, общественную, политическую и литературную газету

СѢВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ,

издаваемую въ гор. Минскѣ подъ редакціей М. П. МЫСАВСКОГО.

Съ доставк. и пересылк.: 12 м.—5 р., 11 м.—4 р. 75 к., 10 м.—4 р. 30 к., 9 м.—4 р., 8 м.—3 р. 70 к., 7 м.—3 р. 40 к., 6 м.—3 р., 5 м.—2 р. 60 к., 4 м.—2 р. 20 к., 3 м.—1 р. 70 к., 2 м.—1 р. 20 к., 1 м.—75 к.

Безъ дост. и пересылк.: 12 м.—4 р., 11 м.—3 р. 70 к., 10 м.—3 р. 40 к., 9 м.—3 р., 8 м.—2 р. 70 к., 7 м.—2 р. 40 к., 6 м.—2 р., 5 м.—1 р. 80 к., 4 м.—1 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к., 2 м.—1 р., 1 м.—50 к.

Новые подписчики, уплатившіе при подпискѣ всю плату за годъ сполна, получаютъ газету со дня подписки по 31-е декабря 1904 г. **БЕЗПЛАТНО.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Минскѣ, въ конторѣ газеты (Захарьевская ул., д. Павловскихъ, пр. О-ва сельск. хоз.) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Могилевѣ, въ книжной торговлѣ С. М. Гуревича; въ Бобруйскѣ, у Е. О. Марголина (Муравьевская ул., соб. д.); въ Борисовѣ, въ книжн. маг. Б. Л. Левина; въ Слуцкѣ, въ книжн. маг. Гринвальда; въ Несвижѣ, въ книжн. маг. Каплана; въ Мозырѣ, въ типографіи С. Б. Козела. Во всѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій конторы, приемъ подписки производится въ книжн. магазинахъ.

Допускается разсрочка платежа: 1) по полугодіямъ; 2) при подпискѣ—2 р., къ 1 мая—2 р. и 1 р. къ 1 октября.

Открыта подписка на 1905 г.

на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

СИБИРСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

Съ 1-го іюля 1903 г. газета выходитъ при обновленномъ составѣ сотрудниковъ.

Газета будетъ выходить попережнему ежедневно, кромѣ дней послѣ-праздничныхъ, по программѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Подписка принимается: въ Томскѣ, въ конторѣ редакціи „Сиб. Вѣстника“, Ямской пер., д. Орловой; въ отдѣленіи конторы редакціи—въ книжномъ магазинѣ В. М. Посохина—Почтамтская ул., д. Фуксмана; въ Ново-Николаевскѣ, у частн. повѣрен. Н. И. Самойловича (Ядринцевская ул., соб. д.); въ Омскѣ, въ магазинѣ М. Г. Красныхъ (Дворцовая, домъ Баранова); въ г. Петропавловскѣ—у В. А. Манина.

Подписная цѣна на газету съ доставкой и пересылкой:

ВЪ ТОМСКѢ:		ИНОГОРОДНИМЪ:	
На 12 мѣсц.	р.—к.	На 12 мѣсц.	р.—к.
11	75	11	65
10	50	10	25
9	25	9	60
8	75	8	95
7	25	7	30
6	75	6	65
5	25	5	25
4	—	4	60
3	50	3	95
2	—	2	30
1	50	1	65

Въ розничной продажѣ отдѣльный №:

въ Томскѣ 3 коп. | въ Томска 5 коп.

Годовые подписчики, подписавшіеся до 1-го декабря—городскіе и до 15-го декабря—иностранніе, получаютъ газету въ первомъ случаѣ съ 1-го, во второмъ—съ 15-го декабря текущаго года по 1-е января 1905 года бесплатно.

РЕДАКЦІЯ ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

НОВЫЙ ПУТЬ

симъ извѣщаетъ подписчиковъ о пріостановкѣ изданія журнала. Взамѣнъ „Новаго Пути“ подписчикамъ будутъ разсыдаться безъ всякой доплаты номера новаго журнала „Вопросы Жизни“. Не желающимъ получать „Вопросы Жизни“ подписныя деньги будутъ возвращены.

Редакторъ-издатель Д. В. Философовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежемѣсячный литературно-общественный журналъ

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ.

Ближайшее участіе въ редакціи журнала [принимаютъ С. Н. Булгаковъ, Н. А. Бердяевъ и Д. Е. Жуковский.]

„Вопросы Жизни“ являются продолженіемъ журнала „Новый Путь“ въ томъ направленіи, какое онъ получилъ съ октября 1904 года. Составъ постоянныхъ сотрудниковъ остается тотъ же.

Вышелъ январскій номеръ.

СОДЕРЖАНІЕ: *Маркъ Криницкій.* Наслѣдственность. Разсказъ. *С. Булаковъ.* Карлейль и Толстой. *Гергартъ Гауттманъ* Эльга. Драма. Переводъ В. Саблина. *Allegro.* Стихотворенія. *Ө. Сологубъ.* Стихотворенія. *Е. Булакова.* Нравственный обликъ японцевъ. *Б. А. Кистяковский.* О правахъ гражданина и челоуѣка. *Д. С. Мережковский.* Петръ и Алексѣй. Романъ. *Эдгаръ По.* Воронъ. Поэма. Пер. Валерія Брюсова. *Волжскій.* Мистическій пантеизмъ В. В. Розанова. *Л. Н. Яснопольскій.* Всеподданѣйшій докладъ министра финансовъ и росписъ на 1905 г. *В. Тотоміаничъ.* Погребательныя общества въ Италіи. Литературныя замѣтки. *Волжскій.* О разсказахъ В. Зайцева, Л. Андреева и М. Арцыбашева. Библиографія. *С. Б. А. Пругавинъ.* Монастырскія тюрьмы. *М. Фридманъ.* Промышленность. Статьи изъ „Handwörterbuch Staatswissenschaften“. Пер. Каменецкой. *Волжскій.* Маркъ Криницкій. „Чающіе движенія водой“. Разсказы. *Миръ.* Генрихъ Ибсенъ. Полн. соб. сочин. Изд. Скирмунта. *Миръ.* Морисъ Метерлинкъ. Пьесы. Пер. В. Саблина. *Г. Чулковъ.* Третій „Сборникъ“ Знанія. *С. Булаковъ.* Безъ плана: „Съ новымъ годомъ!“ — „Полуторавѣковой юбилей московскаго университета“. — „Нѣтъ сильнѣе муки, сильнѣе муки слова“. *Г. Штिल्манъ.* Годовщина русско-японской войны. *Г. Ш.* 9-е января 1905 г. Цитаты и замѣтки: *W.* Отголоски послѣднихъ событій. *Г. Шатровъ.* Изъ нововременскаго „парламента“. *В. В. Водозовъ.* Иностранное обозрѣніе. Обложка работы *Е. Лансере.*

Редакція и контора журналовъ „Новый Путь“ и „Вопросы Жизни“: С.-Петербургъ, Саперный, 10.

Цѣна журнала „Вопросы Жизни“ на годъ: 11 руб. съ доставкой и пересылкой. Въ разсрочку: за полугодіе 5 р. 50 к., за четверть года 2 р. 75 к. На годъ безъ доставки 10 руб. Отдѣльныя книжки журнала по 1 руб. Учащимся, педагогамъ, земскимъ служащимъ, священнослужителямъ, кружкамъ для самообразованія и рабочимъ скидка 30%.

Редакторъ-издатель Н. О. Лосскій.

„Вопросы Философіи и Психологіи“

М. Никитская, Георгіевскій пер., д. Соловьевой,
продаются «Труды Московскаго Психологическаго Общества»:

Выпускъ II. Иммануиль Кантъ. Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ. Пер. Влад. Соловьева. Изд. третье. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 р. 40 к.

Выпускъ III. О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Выпускъ IV. Г. В. Лейбницъ. Избранныя философскія сочиненія съ портр. Лейбница. Переводъ подъ ред. В. П. Преображенскаго. Ц. 1 р. 50 к., за перес. 25 к.

Выпускъ VI. Э. Кердъ. Гегель. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. С. Н. Трубецкаго. Съ приложеніемъ статьи о Гегелѣ Вл. С. Соловьева. Цѣна 1 р. 50 к.

Изданія Московскаго Психологическаго Общества:

К. Фишеръ. Артуръ Шопенгауэръ. Перев. съ нѣмец. подъ ред. В. П. Преображенскаго. М. 1895. XVI + 521 стр. Ц. 3 р.

Г. А. Гирнъ. Анализъ вселенной въ ея элементахъ. Переводъ съ французскаго. Съ предисловіемъ С. И. Старынкевича. Цѣна 2 руб.

Фр. Паульсенъ. Введеніе въ философію. 3-е изд. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 3 руб.

Проблемы идеализма. Сборникъ статей. Подъ ред. П. И. Новгородцева. Ц. 3 руб.

М. Троицкій. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Историко-критическое изслѣдованіе съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи въ Англии со временъ Бэкона и Локка. Томъ I и II. Цѣна понижена съ 6 р. на 3 р. съ пересылкой.

И. А. Вальтеръ. Основной двигатель наследственности. Ц. 40 к.

Средина и постоянство. Переводъ съ китайскаго Д. П. Копписси. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

М. С. Корелинъ. Ранній италіанскій гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе. Москва, 1892, т. VIII и 1087. Цѣна 6 р. 50 к.

Его же. Очерки изъ исторіи философской мысли въ эпоху возрожденія. Міросозерцаніе Франческо Петрарки. Съ приложеніемъ некрологовъ М. С. Корелина, составленныхъ Вл. С. Соловьевымъ и В. О. Ключевскимъ. Ст. 92 + XV. Ц. 40 к.

В. Н. Ивановскій. Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота. Ц. 30 к.

Н. Я. Гротъ. О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Опытъ философскаго построенія. Ц. 70 к.

Л. Лопатинъ. Положительныя задачи философіи, т. I и II. Ц. 4 р.

Его же. Понятія объ индукціи. Ц. 25 к.

Д-ръ Карль дю-Прель. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм.